

A man with curly grey hair and a goatee, wearing a white chef's shirt and a dark apron, stands in a kitchen. The ceiling is a large, circular, metallic structure with a significant splash of red liquid on it. In the foreground, there are various kitchen items, including a blender with red liquid, a bowl of red tomatoes, and a metal pot. The text is overlaid on the lower part of the image.

Евгений Обиванов
Принесите повару
Воду для супа

Будущее. В условиях глобальной засухи корпорация "Рассел" основывает Полис — один из последних крупных городов на Земле. Население зависит от корпоративных кораблей-колодцев, добывающих воду в пустыне. Джек Салливан — шеф-повар, уставший от городской суеты внезапно получает приглашение на должность кока от капитана одного из колодцев.

Принесите повару воду для супа

Начало записи.

Сегодня четвертый день одиннадцатого месяца 2123 года. Мое имя — Джек Салливан, я являюсь судовым поваром на борту "Колодца-1", напечатанного корпорацией "Рассел" в 2087 году. Возможно, кто-то из вас уже слышал мое имя. То, что я сейчас говорю, относится не только к жителям Полиса, но и к нашим потомкам. Поэтому не обессудьте, если я скажу какие-то банальные факты. Мы живём в самом крутом витке истории и должны с этим считаться.

Итак, 2063 год, в мире начинаются первые признаки катастрофы. Каждый летний сезон становится всё жарче по всей нашей планете, где-то начинаются первые долгие жаркие сезоны, а где-то напротив — сильнейшие паводки и наводнения. Все это перерастает в природные катаклизмы: разрушительные землетрясения, мощные волны цунами, резкие заморозки и невыносимые засухи... И вот, в 2071 году один из влиятельнейших предпринимателей, Сэм Рассел, владелец мегакорпорации с идентичным названием, принимает решение исторической важности, которое впоследствии дало нам с вами возможность выжить. Он берет на себя роль Ноя, основав в стремительно осушающемся безжалостным потеплением штате Аризона новый ковчег, названный Полисом. Город, на верфи которого печатались первые прототипы экспериментальных "Колодцев" — парящих крепостей, обслуживаемых минимальным составом экипажа. Их цель полностью соответствовала их названию — добыть из глубин драгоценную пресную воду и обогащать ею новые города. Как выяснилось впоследствии, даже такой дорогостоящий метод добычи воды обходился куда дешевле, чем запрос ресурсов у других стран. Цены на воду стремительно взлетели, государства, какими мы их знали, переставали существовать, в мире царили хаос и паника. Немного где не нашлось таких решительных людей, как Сэм Рассел, готовых пожертвовать всем, рискнуть и вложиться в оплот спасения человечества. Его труд принес колоссальные плоды: только два Полиса, созданных с учетом новых климатических условий к 2081 году уже приютили у себя не только жителей Лас-Вегаса, Лос-Анджелеса, Финикса и прочих крупных городов вокруг, они собрали всё население соседних штатов! Другие страны отказались участвовать в проекте, ограничившись минимальной поддержкой в строительстве новых городов, они отнеслись к предложениям корпорации «Рассел» со скепсисом, остерегаясь подводных камней. В результате, Полисы не смогли вместить желающих, добравшихся сюда со всех уголков планеты. Но беженцы все же кое-как обосновались под городом, устроившись в трущобах. Наши города стали впоследствии Мегополисами, которыми мы знаем их сейчас, спустя более, чем сорок лет после начала катастрофы, а имя Сэма Рассела навсегда запечатлено в нашей истории.

Сложилось так, что корабль, на борту которого мне повезло числиться сейчас, был тогда одним из первых, кто добывал людям воду. Всего на тот момент было построено девять колодцев, из которых до наших дней дожил лишь один. Работа на борту этой машины исторической важности, которая до сих пор исправно служит своему городу, поддерживает всю команду даже в самые тяжелые дни нашей службы. Как рассказали мне наши техники, и как возможно вам проговаривали на уроках новейшей истории, все остальные колодцы были построены вместо погибших или списанных предшественников в 2110-2120х годах. Вот почему капитан "Колодца-1" — ветеран пустынного флота Роберто Гатти решил, что сейчас

как никогда важно напомнить об истории нашего флота, о людях, несущих здесь опасную службу, добывая ценную воду в море песков. Считайте это обращение прелюдией к моим повествованиям о нашем быте в пустошах, о тех историях и событиях, что мы видим в этих, казалось бы, безжизненных землях. С вами был Джек Салливан, прощайте и до скорых встреч!

Конец записи.

Зима 2124 года мое первое рождество на борту «Колодца –1». Зима, — это конечно, звучит неточно: к тому времени мы уже давно позабыли, как выглядела на Земле нормальная зима. Команда моего корабля, промышлявшего добычей воды в пустыне, вообще не видела снега очень давно. Тем не менее, следуя старым традициям наших предков, мы по привычке продолжали праздновать Пасху, Рождество и наконец, Хэллоуин и другие важные праздники, когда у меня, как у повара, забот был полон рот.

Я бегал по кухне (с момента подписания контракта я еще долго не мог привыкнуть к названию «камбуз») как ужаленный, в попытках проследить, чтобы всё обширное меню рождественского ужина не переварилось, не сгорело и не обветрилось. Позади был и праздничный завтрак и грандиозный обед. Я чувствовал, что к концу дня просто упаду без задних ног. Мой помощник — Макс семенил за мной с самым растерянным выражением на лице: он понимал, что я в ярости и хотел как лучше, но помочь ничем не мог: он лишь готовил праздничные напитки, подавал и сервировал столы. В обычное время я мог вежливо попросить его подать мне «вон ту коробку риса из верхнего ящика» или «помешать вот это тесто», но сейчас я не мог извергнуть ничего, кроме злобного рыка. Потому я предпочел не обижать парня, а просто молчал, яростно помешивая салат. Усердно работая ложкой и доводя блюдо до нужной консистенции, я раздумывал: «А какого собственно чёрта я здесь делаю? Какой варан меня укусил оставить пост шеф-повара в одном из самых престижных заведений Полиса, где у меня было все, что мне нужно для хорошей жизни? Несколько поваров в подчинении, всегда готовых выполнить все, что я скамандую с хирургической точностью, замечательная просторная кухня, команда ресторана, поддерживающая со мной такие хорошие отношения, насколько это вообще было возможно. Чем я руководствовался в своем решении заключить контракт с «Рассел» и оказаться на этом корыте?». Эти и другие вопросы занимали меня, пока я заканчивал приготовления к вечернему застолью. Вынув из печи последние кексы с яблоком и корицей, я бросил их на шпильку пекарской печи остывать и взглянул на часы. Оказалось, что все не так уж и страшно: я не только успел вовремя, но и осталось еще немного времени перевести дух. Я упал на табуретку, продолжая яростно вращать глазами пока Макс собирал посуду, заканчивая подготовку зала.

Я взглянул на свой передник, покрытый пятнами крема, томатного соуса и чего-то еще, злоба заклокотала во мне еще сильнее: я никогда еще не позволял себе так замараться, даже работая здесь. Мной обуяло дикое желание стянуть себя китель и сейчас же пойти к капитану, высказать все, что я думаю об этом и расторгнуть наш контракт. Но вместе со слепой агрессией я чувствовал что-то еще. Постепенно, вместо жалости к себе меня начало заполнять другое чувство. Чувство удовлетворения, ведь праздничный завтрак, ради которого я встал на час раньше, ребята встретили с восторгом. Обед тоже прошел великолепно, а теперь команду ждал грандиозный ужин. Я блестяще справился со всем этим, как всегда. В том, что всё будет очень вкусно, и хватит всем с избытком, я был абсолютно уверен.

Я ощутил себя полнейшим дураком, заметив как Макс покосился на мою глупую улыбку, сменившую пунцовую гримасу.

Полчаса пролетели незаметно: я помогал Максиму разносить блюда, пока столовую наполнял многоголосый хор. Шуточки в адрес моего кислого лица прилетали всё чаще, взрывы смеха звучали все громче, пока, наконец, не явился капитан Роберто Гатти в сопровождении своего помощника — Гордона Флореса. В этот момент я поспешил удалиться. На корабле я провёл еще не так много времени, и не успел привыкнуть ко всем членам экипажа настолько, чтобы чувствовать себя с ними как за семейным столом. Или это была застенчивость? Не знаю. Так или иначе, мне показалось, что моё место сейчас на заляпанной кухне, которую нужно отмывать. Почти сразу я услышал быстрые шаги. Макс вдогонку мягко тронул меня за плечо:

— Джек, капитан зовет нас сесть поужинать с ними.

— Но мне нужно прибрать кухню, там полный свинарник! Как я могу праздновать... — начал было упираться я.

— Не переживай, я тебе помогу, а завтра приду пораньше, договор? Пойдем.

Усталый, но с переполняющим меня чувством благодарности я поплелся за ним. В зале нас встретили приветственным улюлюканьем. Когда мы с Максом заняли свободные места, все стихли, выжидающе глядя на капитана. Капитан Гатти поднял свой бокал:

— Давайте выпьем за тех, кто накрыл нам этот замечательный рождественский стол!

Глава 1 А вы точно повар, мистер Салливан?

Транспортёр сильно трясло, несмотря на спадающий жар заходящего солнца внутри кабины все еще стояла невыносимая духота. Я утирал пот и вглядывался в бескрайние пустынные волны бархан. Остальных кандидатов высадили еще раньше, на других останковках, так что пилот торопился поскорей доставить меня к пункту назначения. Судя по карте бортовой панели, на которую я невольно бросал косые взгляды, мы почти нагнали «Колодец-1».

Меня терзало множество чувств: от страха и сомнений до банального любопытства. С самого начала я был заинтригован предложенной работой, хоть коллеги по цеху и смотрели на меня как на сумасшедшего. И все же, я решился всё бросить и попробовать нечто совершенно новое в своей карьере. Непросто было оставлять пост шеф-повара в «Танце дождя» — элитном заведении на верхнем уровне города. Но я понял однажды, что откармливая богачей в мегаполисе, я чувствую себя никчемным. Мне хотелось принести пользу простым жителям нашего города, а не зажравшимся толстосумам. Это довело меня до того, что за полученное письмо с предложением работы на «Колодце-1» я ухватился, как утопающий в зыбуне за соломинку. Но больше всего меня волновал другой вопрос: на кой черт их кораблю понадобился повар? На таких кораблях как колодцы людей давно кормят прессованными пайками, либо всю работу выполняют «боты» — роботы с железом, запрограммированным на приготовление стряпни. И всё-таки им требовался именно повар, выплаты за контракт обещали большие, но деньги меня не интересовали, по крайней мере сейчас. За свою карьеру я заработал достаточно и теперь мог заняться чем-то, что более придётся по душе. Семьи и каких-то личных привязанностей у меня не было, Полис надоел мне до глубины души — огромный забытый всеми город, чьи неоновые башни подпирали небосвод посреди пустыни. В нём мне «посчастливилось» жить и я оставлял его без сожалений, радуясь возможности хотя бы на короткий срок сбежать от жуткой цивилизации и перебраться на борт пустынного корабля, который будто отшельник бродит по местным барханам. Теперь выдавший виды транспортер глухо рыча мотором вёз меня к тем, без кого наш застрявший в песках город не смог бы существовать — к гидродобывающему кораблю типа «Колодец». Колодцы — удивительные машины. Созданные под руководством самого основателя корпорации «Рассел», создавшей когда-то и сам Полис. Эти корабли трудились уже десятки лет, добывая воду фактически из мертвого песка. Я мало в этом смыслил, всё-таки я повар, а не инженер, поэтому для меня это выглядело настоящим волшебством. Говорят, часть из кораблей была реконструирована за последние пару десятилетий, но всего водо добывающий флот Полиса насчитывал девять кораблей. Сам я, всю жизнь проживший в Полисе, никогда не был ни на одном колодце и не видел их вблизи. Это было неудивительно: правящий комитет «Рассел» соблюдал строгую конфиденциальность в отношении своей главной промышленной отрасли, информация о деятельности корпорации на публику, мягко говоря, не выставлялась. Поэтому теперь я был в предвкушении нового необычного опыта.

Нас снова сильно потрянуло, очнувшись от своих мыслей, я вновь заглянул в узкую щель смотрового окошка. Солнце окончательно зашло за горизонт, и видимость становилась все меньшей.

Внезапно, мы резко остановились. Откуда-то сверху темноту пронзил луч синего

прожектора и усталился на наш транспортёр.

— Можешь собираться, мы на месте. — устало сообщил пилот.

Через лобовое стекло из задней части кабины в свете фар я смог разглядеть лишь темный остов корабля. В нем появился слепящий квадрат света — нам спускали трап. Я едва схватился за что успел, когда транспортер нетерпеливо сорвался с места и взял вверх по опустившемуся трапу. Как только он с резким дребезжанием притормозил, я спешно выпрыгнул через заднюю дверь.

Мы оказались в маленьком ангаре, по соседству с нашим транспортером возвышался тяжелый грузовой вездеход. Выйдя обратно на спущенный трап корабля, я оглядел «Колодец-1». Он был огромен: скошенный под углом чёрный корпус, мерцающий синими огоньками и прожекторами растянулся далеко в обе стороны, на сколько я мог разглядеть в сгустившихся сумерках. Справа и слева у самой земли торчали плоские продолговатые двигатели, оплетённые узловатыми трубами. С одной стороны эти турбины выдавались дальше, чем с другой. Те, что были короче, явно располагались в передней части корабля. Крышу отсюда было не разглядеть, но я увидел целый лес солнечных батарей и несколько торчащих шпилей больших антенн, окаймляющих круглую кабину наверху. Судно явно было очень старым по нынешним меркам кораблестроения, но все равно выглядело более чем внушительно. На такой махине мне бывать никогда не приходилось, даже общественные транспортеры в порта были не настолько велики. Сколько же голодных ртов придется кормить? справлюсь ли?

Мой пилот тоже вышел и бесцеремонно закурил сигарету несмотря на предупреждающие взгляды встречающих нас членов экипажа «Колодца-1». Но они вскоре позабыли про него, потешаясь надо мной: не знаю, сколько я простоял, плясь наверх с разинутым ртом, пока встряхнувшись не зашагал обратно в ангар. Масштабы корабля производили должное впечатление. Люди небольшой кучкой сгруппировались вокруг меня.

— Джек Салливан. — представился я, протягивая руку им по очереди. В форменной одежде они все казались мне словно одинаковыми. Или это от волнения? Я моргнул, и наконец заметил поразительную разницу между техниками — а это, без сомнения, были именно они. Таких же я не раз видел перебирающими запчасти кораблей в портах Полиса.

— Салют! поздравляю с назначением. Я — Леонс Корро. — улыбнувшись, представился один из них, легко пожав протянутую мною ладонь. Обаятельный паренек с аккуратной челкой и явно французским акцентом.

— Вы наш новый кок? — улыбнулся другой, кучерявый мужчина явно постарше и покрупнее первого. Он сжал мою руку в своей татуированной лапище так, что в глазах потемнело, на его раскрасневшемся лице сияла искренняя неподдельная улыбка. — Пойдемте, я отведу вас к капитану.

Он вперевалку побрел в направлении коридора, ведущего к главным лифтам, а я шагал следом.

— Меня Перри звать. — доверительно сообщил он — там со мной были Леонс и Николай. Мы все вас уже ждали, старый то наш повар — мистер Чу он того... — Перри вызвал лифт и теперь, взяв паузу, с любопытством меня разглядывал. — Отошел на покой, в общем, наш мистер Чу. Мы уже пару месяцев на одних пайках сидим. Они конечно не дрянные, но тоже надоедает, сами понимаете.

Мы зашли в лифт, Техник отметил на входе с помощью своего личного браслета — голокомма, в наши дни без этих цифровых прибуд никуда. Кстати, помимо отсутствия на

борту ботов я заметил ещё одну необычную вещь: ни у кого не было имплантов, бум на них с годами только нарастал, и странно было видеть, что ни на одном из работников корпорации не пришито какой-нибудь дорогостоящей побрякушки. Может у пустынных корабельщиков так принято? Если честно, я не имел ни малейшего понятия. Хотя я и сам не устанавливал себе такие штуковины — слишком мягкотелый для столь радикального вмешательства в организм. Пока я продолжал витать в своих мыслях, мы поднимались, если верить словам Перри, в штаб капитана. Он представлял собой просторный командный центр где по одному сновали люди в форменных синих кардиганах. Сейчас здесь было спокойно, за огромным панорамным окном «Колодца-1» я увидел темно-синюю в наступающей ночи пустошь. Я невольно засмотрелся, увидеть пустыню, среди небоскребов Полиса мне доводилось далеко не каждый день, впрочем, с верхних уровней, где я работал раньше, открывались неплохие виды... Перри уверенно вел меня через ряды разных устройств, назначение которых мне было неизвестно прямо к лобовому окну корабля, возле которого над показателями непонятных мне голограмм склонился опрятно одетый средних лет человек в бело синем форменном пиджаке. Он поднял на меня взгляд темно-карих глаз и нахмурился, заведя руку за курчавые темные волосы.

— Капитан Гатти. — уважительно обратился к нему Перри — вот, прибыл наш новый повар.

Лицо капитана озарила белоснежная улыбка, мрачного настроения как не бывало.

— Мистер Салливан. — он поприветствовал меня, крепко стиснув мне руку — мы вас очень ждали. Резюме при вас? — его пронизывающий взгляд упал на мой голографический коммуникатор — браслет, надетый на запястье, — прекрасно, идемте за мной. Перри, благодарю, возвращайся к своим обязанностям. — отдав еще кое-какие распоряжения подчиненным, он широким шагом направился к дверям. Я едва поспевал за ним. Маленький коридор привел нас в уютное небольшого размера помещение с размещенными вдоль стен столами.

— Это кают-компания, — объяснил капитан, — здесь сотрудники штаба и я решаем насущные вопросы и принимаем пищу, если день выдался тяжелый.

Я с улыбкой кивнул. Роскошь конечно была сравнима с верхними уровнями Полиса. А уж эти выражения «принимаем пищу» — такая формулировка была мне совсем непривычна, она была в ходу между сливками общества в элитных ресторанах, где я работал раньше, но уж точно не одним из большинства простых граждан среднего уровня, пашущим за пару сотен кредитов и капсулу воды в неделю. Мы прошли далее, попав в просторный коридор. В нишах справа и слева расположились стеллажи с необычным декором, оттуда мы попали в большой кабинет капитана. Я огляделся, вещей здесь было много, но всё аккуратно расставлено на своих местах, разве что за столом у компьютера царил лёгкий рабочий беспорядок. На полках в стенах расположилось много интересных диковин и копий документов в рамках, справа я заметил проход в другое, по всей видимости нерабочее помещение.

— Присаживайтесь, мистер Салливан. — Легким движением руки капитан указал мне на пластиковый стул напротив его стола, а сам уселся в свое кресло. — Скиньте резюме на мой голокомм, пожалуйста.

— Конечно! — я с готовностью залез в свой браслет, и активировав его, выудил из пачки голограмм нужный файл, передав его капитану. Это можно было сделать напрямую, буквально «кинув» получателю голограмму из голографического коммуникатора.

— Итак. Меня зовут Роберто Гатти, я — Капитан «Колодца-1». Вижу, что мои письма все-таки нашли своего адресата, и вы здесь, чему я очень рад. Надеюсь, вы понимаете, что и резюме и наше собеседование — простые формальности. Уверен, профессионала своего дела лучше вас мне точно не найти среди пустыни! — Он обаятельно улыбнулся и углубился в изучение документа с моей подноготной, пока я нервно ерзал на стуле.

— У вас потрясающие достижения, мистер Салливан. — он оживленно оторвался от голограммы, — «Танец дождя», «Сингулярность». Мне даже как то пришлось побывать в этом заведении с одним... чиновником. Неплохо, весьма неплохо. Вы также указали, что писали несколько статей для «time to cook» и даже издали собственную книгу. А вы точно повар, Мистер Салливан?

Все мы иногда любим приврать, особенно самим себе. Положа руку на сердце, я могу сказать, что я действительно повар, и повар хороший. Но руководитель из меня вышел так себе. Ну, точнее, подчиненные меня очень любили, и отношения у нас были замечательные, но это никак не способствовало поддержанию дисциплины. Все-таки, человеком я был достаточно мягким и стеснительным, попробовать себя шефом мне дали лишь за мое добросовестное отношение к работе. Я был слегка ошарашен вопросом, но капитан с серьезным видом ожидал моего ответа.

— Что вы имеете в виду? — потупился я.

— Вы — писатель или, может, журналист?

— Ни в коем случае, о чем вы говорите! — серьезность вопросов заставила меня нервно улыбнуться, отмахнувшись. Я испытывал настоящее напряжение, одеревенев на своем стуле, — Разумеется, моя основная деятельность на кухне, а статьи это так... хобби.

— Очень хорошо, — Роберто откинулся на спинку кресла, явно удовлетворенный ответом. Осматривая меня проницательным взглядом, он сказал:

— Тогда добро пожаловать на борт, мистер Салливан. Сейчас мой помощник покажет вам вашу каюту, а завтра мы ознакомим вас с рабочим местом, а пока приводите себя в порядок и отдыхайте, к распорядку на корабле вам еще нужно будет привыкнуть. Условия вашего контракта были указаны в письме, я надеюсь, нет нужды их обговаривать сейчас? У вас есть какие либо вопросы?

— Да, мистер Гатти. Я хотел спросить: зачем вы держите на своем корабле повара? Ведь насколько я знаю другие корабли сто лет уже как устанавливают ботов. Это просто... непрактично на мой взгляд, извините.

Но я был прав, в наш технологичный век это и правда было непрактично. Подобную работу на кораблях давно перевалили на ботов. Капитан какое-то время молча смотрел мне в глаза, наконец, он тяжело вздохнул:

— Мне в сущности без разницы, какие порядки на других кораблях. У каждого из нас есть свои слабости, Джек. Моя заключается в том, что я — консерватор. Мне не по душе железяки, хоть мы и вынуждены прибегать к их помощи неоднократно. Однако, я стараюсь по возможности обойтись без них. Моя команда это не какие-то наспех собранные в порту неквалифицированные бродяги. Это специалисты, обучавшиеся годами, они — потомки тех, кто создал «Рассел» и всё, что с ним связано. — при этих словах капитан обвел рукой каюту, — Я работаю в первую очередь с людьми и моему экипажу всегда будет приятней, если они знают, что их стряпня не результат работы бездушной машины, а творчество живого человека, у которого есть вкусы и предпочтения. К тому же, человечество слишком спешит, заменяя живую силу железом. Мы еще можем пожалеть об этом. Наш корабль был

напечатан первыми принтерами «Рассел» в 2080х, тут даже кухня оборудована под работу живого кока, а не железки, увидите сами. Если это все, то я вынужден вас оставить. Сейчас я передам вас своему помощнику. Он расскажет вам, что и как в подробностях. Добро пожаловать на борт! — с этими словами, он еще раз пожал мне руку и покинул кабинет, оставив меня обдумывать услышанное. Я почувствовал, как мое волнение слегка ослабело, но речь капитана оставила какое-то странное впечатление. Мне нравился этот человек, его предки явно приехали строить Полис и его корабли с юга когда основатель корпорации Сэм Рассел объединял лучшие умы для создания города. Но то, как такие личности носятся со своей родословной пахивало аристократизмом, который уже приелся мне за годы работы на верхних уровнях. Я надеюсь, что вся остальная команда — это обычные работяги, которые не носятся со своей родословной, тыкая каждому встречному тем, что построил в Полисе их прадед.

Я глубоко задумался, уставившись в стол, когда в кабинет вошел молодой коротко стриженный мужчина, в белом кардигане, выделявшем его на фоне остального экипажа.

— Здравствуйте, мистер Салливан. Я — Гордон Флорес, помощник капитана. С любыми вопросами по работе можете обращаться ко мне. Пойдемте, я провожу вас в личную каюту.

Я встал, и мы двинулись обратно, минуя кают-компанию. Гордон повел меня к лифту, попутно объясняя:

— Завтрак у нашей команды в восемь утра, обед в двенадцать, а ужин в — шесть вечера. Мистер Чу — наш прежний повар — работал с шести утра до шести вечера, так как сменщиков у него не было. Возможно, мы это изменим, дадим вам помощника на обучение, так как команда на пайках сильно изголодалась по нормальной еде.

Я улыбнулся и понимающе кивнул. Пока мы перемещались на лифте в жилой блок, Флорес продолжал:

— Сейчас мы с вами попадем на среднюю палубу, «Колодец-1» — модель весьма старая, так что в отличие от новых судов перемещение между помещениями палубы на борту осуществляется по небольшому монорельсу, он быстро доставит вас в любую часть корабля. Наш медблок находится на одном уровне с жилыми помещениями. Так же вы сможете найти там свое рабочее место и столовую, объединенную с комнатами отдыха, где наш экипаж собирается в свободное время. Завтра утром я навещу вас и покажу дорогу, чтобы вы не заблудились.

Все это помощник капитана рассказывал тоном, позволяющим предположить, что подобную экскурсию он проводил уже множество раз. Но я слушал его, словно первоклашка своего педагога, только что не с распахнутым ртом.

Мы прошли небольшую сеть пустующих коридоров, пока не вышли к дверям монорельса. Здесь уже стояло несколько работников, ожидавших прибытия лифта. Они с серьезным видом кивнули Гордону, а затем, с улыбками протянули мне руки. Один из них представился просто Стивом, второй лишь дружественно кивал.

Судя по всему все уже знали, что на борт прибыл новенький. Слухи распространяются быстро. Характерный сигнал известил нас о прибытии горизонтального лифта. Нам всем было по пути, так что Стив выбрал на небольшой сенсорной панели лифта пункт «жилой блок». В кабине у него были размещены удобные сиденья с небольшими смотровыми окошками, через которые я разглядел инженерные отсеки и переходы «колодца». Гордон сидел рядом со мной молча, давая мне небольшую передышку для переваривания

услышанного.

Мы выгрузились в просторный коридор, ведущий к большому залу с множеством круглых дверей. Видимо здесь и обитал экипаж корабля.

— Вот, собственно, наш жилой отсек. — подтвердил мои догадки помощник капитана, мы с ним подвинулись в сторону, давая возможность работникам спешно разбежаться по долгожданным койкам. — Ваша каюта находится справа от центральной двери. Раньше там и проживал мистер Чу, но все его вещи уже выгружены и проведена повторная дезинфекция. Ваш багаж доставлен в одну из камер в коридоре, открыть ее вы сможете с помощью вашего пропуска, скинул вам на голокомм, не потеряйте.

— А-а-а что... — неуверенно протянул я, копаясь в своем браслете, — что же случилось с Чу, мистер Флорес?

Гордон вздохнул.

— С ним случилась старость, Джек. Он любил свою работу и пробыл с нашей командой до самого конца. Но все-таки возраст и местный климат свое дело сделали, ему стало плохо — сердечный приступ. Хлоя — наш штатный медик — не смогла ничем ему помочь.

— Понимаю...

— Ну, — Гордон встряхнул плечами, словно сбрасывая тяжелые воспоминания, и слегка улыбнулся — располагайтесь, отдохните. Завтра я зайду за вами в девять ровно, чтобы нам хватило времени все осмотреть и успеть приготовить обед, ребята наверняка уже в предвкушении.

— Большой экипаж на корабле? Много ртов кормить придется? — Улыбнувшись, спросил я.

— Нас тут немного, не волнуйтесь. — отмахнулся помощник капитана — Завтра обсудим, а сейчас я вас покину.

— Спасибо вам, Гордон! — я горячо пожал ему руку.

— доброй ночи, мистер Салливан.

Я медленно подошел к круглой двери своей каюты и прислушался. В общем зале стояла тишина, изредка нарушаемая приглушенным смехом из соседних кают. Я поднес голокомм к панели, дверь моей каюты распахнулась и я шагнул внутрь. Мой новый дом оказался вытянутой в длину комнатухой, по форме напоминавшей цистерну с таким же большим круглым как и дверь, слегка выпуклым окном-иллюминатором напротив входа. За ним мне открывался вид на дюнные просторы пустыни. Обстановка была предельно минималистичной: компактный столик с личным компьютером, пара небольших стеллажей, стеклянный шкафчик, рядом с которым я разглядел узенькую тумбу раковины, над ней виднелось мое темноволосое отражение из с такого же узкого, вытянутого зеркала. Дальше, вдоль стены стояла малогабаритная стеклянная капсула с человеческий рост — местная душевая. Где-то в контракте я вычитал, что воду для умывания — как ценнейший ресурс Земли на данный момент, — всем выдают в определенном количестве, так что если ты засиделся в душе и не успел смыть шампунь — пеняй на себя. Но даже такая трата воды для меня, как для простого жителя Полиса, была роскошью. Горожане позволяли себе душ куда реже, а у жителей нижних уровней его не было и вовсе. А тут — умывайся хоть до смерти! Сразу видно — ты пришел работать в корпорацию, принадлежащую комитету Полиса.

Свою койку, поднятую к стене, я обнаружил не сразу. Она опускалась легким движением руки, что показалось мне удобным — лишь бы не сложилась, пока я на ней сплю.

Усмехнувшись своим мыслям, я устало поплелся за вещами. Путь из порта Полиса через

пустыню был долгим и изнурительным, да и до него мне пришлось потрястись, добираясь до порта через весь город. Вместе со своим багажом я обнаружил два комплекта поварской бело-серой формы не стал всерьез разбирать свои пожитки, а просто помылся, переоделся в то, что нашёл и улегся на кушетку, еще раз изучая условия загруженного в мой голокомм контракта.

Корпорация «Рассел», в которую я устроился работать, по сути являлась владельцем всего Полиса. Она одной из первых перераспределила свои ресурсы и инвестиции многих стран на добычу воды после того, как наступающее потепление начало уничтожать флору и фауну Земли, высушивая озера и реки и превращая окружавшие нас леса в выжженную пустыню. Прибавьте к этому наносящую вред окружающему миру деятельность людей, невероятно выросшую за эти десятилетия, и вы получите катастрофу планетарного масштаба. Хотя журналистика и была всего лишь моим хобби, но рассуждать на эту тему я мог бесконечно. Тем не менее, появился на международной арене Сэм Рассел — бизнесмен, которому не было плевать на судьбу планеты. Он получил скромную поддержку из ряда стран в виде ресурсов и специалистов. С их помощью корпорация «Рассел» построила вододобывающие корабли — колодцы и создала для них новые центры — Полисы. Так рассказывали нам в школе. Лично с основателем корпорации Сэмом Расселом я, конечно же, знаком не был. Он умер еще в 2107, когда я был ещё простым подростком. А ведь родился и рос я уже в Полисе, в довольно раннем возрасте после смерти родителей я попал в местный приют на нижних уровнях. Но несмотря на тяжелую жизнь, я знаю историю моего города, и лично Сэму Расселу я хранил искреннюю благодарность, как и многие. Однако, местные говорят, что после того, как его не стало с годами жизнь становится все тяжелее, но мы живы, а значит его дело живет вместе с нами, в нашем городе на территории бесплодных пустынь, бывших некогда пригодными к жизни. А корабли-колодцы совершают настоящие библейские чудеса, добывая из песка воду. Всего было построено несколько городов, но наш Полис живёт обособленно, так как в новых климатических условиях осуществлять коммуникацию с другими городами и странами (или тем, что от них осталось) крайне сложно. Да и смысла в этом нет, многие цивилизации почти сгинули, будучи неподготовленными к наступлению глобальной засухи. В наши дни комитет, возглавляющий корпорацию «Рассел» и обладающий её технологиями, получает огромную выгоду. Ведь вода за эти годы взлетела в цене куда больше, чем та же еда и топливо. Настолько, что простым рабочим и гражданам Полиса даже выдают зарплаты капсулами с водой. К сожалению, благодаря масштабной коррупции и кумовству, процветающему даже в эти непростые времена, сложился удивительный парадокс. В высокотехнологичном городе созданном крупнейшей корпорацией, где каждый может позволить себе минимальные блага цивилизации до людей нижнего уровня доходят сущие миллилитры живительной влаги. К чему тебе новый кибернетический глаз, если пить внизу нечего? Об этом я, знаю не понаслышке, так как сам вырос на нижних уровнях. Заключение контракт с «Рассел» я мечтал всю свою сознательную жизнь, да не хватило инженерного образования. За обучение в наши дни нужно заплатить приличную сумму.

Несмотря на серьезные требования конкурс на должность был очень большим. Многие мужчины и женщины, чьи предки из разных стран в свое время напечатали на принтерах колодцы, пошли по их стопам. На этой почве возникало немало скандалов, но на открытые стычки с корпоратами люди не решались. Вот я и стал одним из тех, кто похоронил свою мечту и по счастливому стечению обстоятельств нашел место шеф-повара на высоких кухнях

Полиса. Напечатав несколько статей для местных журналов я смог пустить о себе слух, по которому капитан Гатти видимо меня и заметил. Представьте себе мое удивление, когда жизнь дала мне еще один шанс и я, будучи уже на пике своей карьеры в Полисе обнаружил в электронном ящике письмо Роберто Гатти, официально отправленное компанией «Рассел».

Я устало гонял голограммы, проецируемые моим браслетом, в сотый раз раздумывая о том, жалею ли я, что оставил свой комфорт в прошлом? Немного поразмыслив, я понял, что ничуть. Я благодарен той работе лишь за заработок и опыт, что позволил мне таки попасть на борт «Колодца-1» — первого корабля из серии колодцев, строящихся «Расселом» для добычи воды в пустыне. Сомнения испытывает каждый, это абсолютно нормально — утешал я себя. А обслуживать пресыщенных господ чиновников в высших уровнях Полиса мне надоело невероятно. Я увлекся идеей реальную пользу простым гражданам, да хоть тем же работягам, работающим на корабле.

Мои мысли беспорядочно роились в голове, но, в конце концов, волнения и переживания уходящего дня уступили место усталости. Почувствовав сонливость, я отложил планшет и закрыл глаза. Засыпая я ощущал приятное предвкушение: наступала новая глава моей жизни.

Утром я был готов и собран еще за двадцать минут до прихода Гордона. Бело-серая поварская форма была пошита словно на меня, однако просторные штаны висели на мне мешками — забавно, но таковы правила безопасности, одежда не должна прилегать к телу, а иначе пролитое кипящее масло оставит вам незабываемые впечатления.

Гордон постучал в мою дверь ровно в девять часов, как раз когда я закончил придиричивый осмотр своего отражения в зеркале. Удивительная пунктуальность! Мы поздоровались и он повёл меня в боковой отсек общего зала.

— Медотсек располагается в противоположной стороне от столовой, то есть за нами, — будничным тоном рассказывал Гордон, — до столовой от жилого блока идти недалеко, как видите, мы уже на месте.

Мы вошли в довольно просторный зал, хорошо освещенный дневным светом, бившим сквозь большие панорамные окна справа от входа. Здесь, в лабиринте из автоматов с пайками и сухими завтраками находились средних размеров столики, рассчитанные от силы на трёх человек. Напротив — изящная барная стойка из полированного дерева, за которой я увидел (настоящую!) кофемашину и стеллажи, заполненные до отказа алкоголем, натуральным кофе и чаем. Помощник капитана что-то изучал в своём голокомме, давая мне время, чтобы прийти в себя. Я благодарно воспользовался передышкой. Ещё бы, встретить здесь столько ценных продуктов да еще и настоящий кофе — это просто сокровище, ниспосланное богами, не иначе! В Полисе, если ты хочешь купить любой синтетический дрянной напиток кроме тех, что в банках, ты должен принести в заведение капсулу с водой. Не обязательно таскать её с собой, доставку может осуществить дрон или же передача происходит пневмопочтой. Это занимает время, но, к сожалению, таковы правила. А здесь кран торчал прямо за барной стойкой! Не веря глазам я подставил руку и в нее ударил довольно сильный поток воды.

— Камбуз там, мистер Салливан. — не отрываясь от голокомма Гордон Флорес указал на маятниковую дверь у окон справа от бара, фиксирующуюся однако, замком, который я отключил своим браслетом. Внутри в обложенном белым кафелем зале, меня ждала в принципе знакомая допотопная кухонная утварь. Ряды столешниц со стальными ящиками мини-холодильников внизу были покрыты легким слоем пыли. Пара доисторических, но

качественных индукционных плит и выдавший виды, тем не менее вполне ухоженный гриль, большая пекарская печь. Вот пожалуй вся основная утварь которую мне удалось найти. Правда я не сразу заметил редчайшую штуку — посудомойку, спрятавшуюся за массивной печью. Переход к холодильным камерам находился в дальнем левом углу. Они были так огромны, что я едва не потерялся в них, голокоммом проверяя маркировки сырья, с которым мне предстоит работать. Чего тут только не было! Откуда то у них тут был даже редчайший лосось! Я вышел из холодильников довольно кивая своим мыслям: уровень продукции был ничуть не хуже чем в «Танце дождя». Уперев руки в бока я снова огляделся. Вообще места на камбузе было довольно много, здесь вполне могла разместиться команда поваров. Но я был совершенно один.

— Ну, что скажете, мистер Салливан? — стоит ли ждать обеда сегодня? Стол на пятнадцать человек, включая вас, аллергические для некоторых членов экипажа продукты на борту отсутствуют. Справитесь?

— Да, Гордон, всё будет! — как можно громче ответил я.

— Хорошо, тогда не буду вам мешать. Напоминаю, что обед начинается в двенадцать часов.

Я не ответил, уже погруженный в творческий процесс. В эти моменты все сомнения и тревоги уходили прочь, даже волнение на новом рабочем месте отступало, когда я видел поварской нож и овощи, которые необходимо превращать в кулинарный шедевр. Еду я особенно любил за ее изысканность. В наши дни не каждый год у тебя появится возможность прикоснуться к морскому крабу, или другим подобным деликатесам, ты словно в музее, где один экспонат дороже другого, а в обычной жизни за пределами работы ты такого никогда бы не попробовал. За это я был благодарен своей профессии. Никогда не забуду, как я впервые умыкнул шарик мороженого в «Сингулярности», будучи еще зеленым стажером.

Улыбаясь воспоминаниям я неторопливо чистил овощи, готовясь варить суп. К обеду я успел довольно много, и неплохо справился для первого раза. Экипаж отведал куриного бульона с овощами, сладкую шарлотку и несколько видов салатов. Обед был встречен радостными овациями, и, смущенный, я вышел на поклон, оглядывая команду, собравшуюся в зале. Столовая пестрела от разноцветных униформ собравшихся: синие кардиганы сотрудников штаба смешались с бордовыми костюмами пилотов, за отдельным столиком ярко выделялись рыжие комбинезоны и кофты техников, а позади виднелись голубые камзолы ученых. Мужчины и девушки кивали, улыбаясь и благодаря меня за проделанную работу. Первый день на борту прошел неплохо, впервые за долго время я получил настоящее удовольствие от своей работы.

Глава 2 Мистер Чу

Мои первые дни на корабле были, пожалуй, самыми трудными, что конечно не удивительно. Ведь я никогда не работал на посудине, неделями парящей в паре десятков метров над поверхностью пустыни, изредка останавливавшейся, чтобы наполнить цистерны водой из подходящего участка. На тот момент о процессе добычи мне было известно крайне мало, как и о технике, которую там использовали. Но в эти часы подготовки к добыче воды «Колодец-1» подрагивал как безумный, а шум, доносящийся порой с днища корабля, напоминал какой-то мощный выброс энергии. Как повар я могу добавить, что в дни добычи воды ребята были жутко уставшие и очень голодные.

Мой камбуз мне понравился. Мистер Чу, кем бы он ни был, явно оказался мастером своего дела, вся посуда и поварские принадлежности на рабочем месте содержались в чистоте, ножи были заточены так, что я слегка порезался, едва коснувшись одного подушечкой пальца. Техника, хоть и раритетная, была ухоженной, что тоже бросалось в глаза. В общем, впредь я старался поддерживать такую же чистоту. Первые дни трудно было свыкнуться с тем, что всё связанное с готовкой делаешь ты сам. Я очень давно не работал на кухне в одиночку, рядом всегда был повар, которого ты мог попросить сделать что-то. К тому же на новом месте я частенько путал ящики, забывая, где что конкретно лежит. Особенно это мешало, когда время поджимало, и я начинал торопиться, чтобы накрыть все на стол вовремя. Через несколько дней, когда я корпел над кастрюлькой каши на десяток человек, на кухню неуверенно зашел парнишка, на нем был рыжий комбинезон техника, хотя на вид он был совсем еще молод для инженера. Его уже становившийся по-мужски квадратным подбородок слегка тронула щетинка. Из-под космы светлых спутавшихся волос на меня неуверенно смотрела пара зеленых глаз.

— Мистер Салливан? Джек... доброе утро! — нерешительно поздоровался он.

— Привет! Откуда у тебя пропуск на кухню, парень? Как тебя зовут?

— Я — Макс. — его голос становился все бодрее, — я — бармен, помогал мистеру Чу с сервировкой и подачей блюд, до того как он... ну...

Я понимающе кивнул, сняв кастрюлю с конфорки. Поставив ее на подставку остывать, я вновь развернулся к Макс, и, улыбнувшись, оглядел его с головы до ног.

— Хорошо, Макс, давай тогда на «ты». Можешь звать меня просто Джек.

Парень с легкой улыбкой закивал. Я, кивнув в ответ, продолжил.

— Однако давай сразу уясним: в следующий раз ты будешь заходить на кухню только в поварской форме, идет?

— Но Джек, мистер Чу разрешал...

— Я понимаю. — по-отечески положив руку ему на плечо я пустился в терпеливые объяснения, — Понимаю, что у мистера Чу были заведены свои порядки, он был хорошим поваром, в этом я не сомневаюсь, учитывая в каком отличном состоянии камбуз. Но Макс, ты должен понять, что столовая и кухня где готовят для нее еду это разные места. Здесь все должно быть стерильно. Никаких лишних устройств, чистые руки и форма, смекаешь?

— Да, Джек.

— Вот и хорошо. На первый раз прощаю, но завтра буду ждать тебя в форме. — я улыбнулся — Ну, давай тогда накрывать завтрак.

Так у меня появился помощник. Ну как помощник — принеси, подай... но свое дело он

выполнял быстро, и ему не нужно было повторять дважды. К тому же, он взял на себя приготовление напитков, и варил чудесный кофе. Я хоть и любил кофеин, но в приготовлении американо был стопроцентным профаном, как-то не успел обучиться искусству бариста, оно требовалось в наши дни столь же нечасто, как и поварское, так что нам обоим было чему друг у друга поучиться.

Из экипажа в те дни я редко с кем общался. Еще не сформировав точный распорядок дня, я с головой ушел в работу на кухне. Возвращаясь в свою каюту вечером, я здоровался лишь с теми, кого встречал в коридорах «Колодца-1». Чаще всего это были одни и те же ребята, кое-кого я видел еще в первый свой день на корабле. Леонс — добродушный и общительный француз частенько ловил меня в общем зале, где я любил немного посидеть, чтобы оклематься после смены. Мы беспечно болтали о всякой ерунде. Однажды, он застал меня сидящем на круглой центральной скамейке в общем зале, роль спинки выполнял пьедестал красивой клумбы. Я развалился на ней после особенно тяжелой смены, Леонс, вызвав себе лифт, подсел ко мне и заботливо осведомился:

— Что, устал Джек?

— Да, не без этого. — только и кивнул я, лениво обводя зал пустым взглядом.

— Тебе бы побольше времени проводить не в столовой, а в камбузе, а то ты совсем окопался на камбузе, Я тебя в зале отдыха то ни разу не встречал. А всем интересно, что за шеф-повар из самого Полиса к нам пожаловал, чем живёшь, и как там сейчас там дела. И про тот ресторан — «Танцующий дождь» наши девушки наверняка хотели бы послушать. — он с улыбкой подмигнул и дружески подтолкнул меня локтем.

Я съехал на сиденье, заставив себя перевести взгляд на своего нового товарища и вяло улыбнулся в ответ:

— Ну, не знаю, я просто делаю свою работу, вот и все. Ты хочешь предложить мне кормить вас историями о Полисе вместо обедов?

— Ну, не будь занудой! У мистера Чу всегда было время для разговора. Он любил поделиться своими премудростями, и я частенько видел его по всему «колодцу», при том, что нас исправно кто-то кормил. Думаешь, он заставлял готовить Макса?

Поняв, в какое русло идет наша беседа я открыл было рот, чтобы осадить инженера, но сигнал лифта заставил Леонса подняться с места и поспешить внутрь монорельса.

— Подумай, Джек, — напутствовал меня француз на прощание, — интерес девушек всегда вспыхивает ненадолго, если масла не подливать. Ты же повар, должен знать. Пока!

Стива, близкого друга Леонса, я тоже пару раз встречал. Но были и новые лица, например корабельный геолог Эмма Нельсон. Однако, она была настолько погружена в дела, что нормально пообщаться нам удавалось редко.

В столовой во время подачи блюд я видел обычно почти весь экипаж, в том числе нашего физика, пилотов и врача, с которыми пересекался реже всего. В целом весь состав «Колодца-1» составляло четырнадцать человек, включая и меня. То, что я пока не стремился к общению с командой, не означало того, что и они обо мне забыли. Экипаж потихоньку привыкал к новому повару. Частенько я находил на двери своей каюты стикеры с записками, на мой браслет приходили шуточные голограммы с танцующими техниками...

Но была одна вещь, все не дававшая мне покоя, от которой было не так легко отделаться — привязанность экипажа к моему предшественнику и его привычкам. Регулярно на почту приходили письма примерно с таким содержанием:

«Мистер Салливан! Я хочу поблагодарить вас за замечательное рыбное филе. Но не

могу не заметить, что мистер Чу добавлял туда больше специй, видимо китайских травок, секреты своих предков, не знаю даже... Не могли бы вы поискать по ящикам, может, найдете что-то похожее? Было бы здорово ощутить эту приправу в лососевом стейке снова.». Читая подобное, я только диву давался: ощущение было такое, словно я смотрю не почту в личном терминале на корабле посреди пустыни, а книгу жалоб в пятизвездочном ресторане Полиса! Ну, стоило отдать должное корпорации — своим сотрудникам «Рассел» обеспечивал самые лучшие условия.

Разумеется, подобные отзывы не шли на пользу моему настроению, поэтому иногда я предпочитал проводить смены в молчании, кипятясь как чайник, и боясь открыть рот, чтобы не обидеть ни в чем не повинного Макса. Хотя бывали моменты, когда мой помощник тоже становился одержим моим предшественником и мистер Чу, устами Макса начинал учить меня жизни:

— Знаешь Джек, ты слишком замкнутый, тебе нужно больше общаться с командой. — как-то доверительно сообщил он мне, когда мы убрали остатки обеденной посуды в мойку.

— Зачем? — я замер с грязной тарелкой в руках, непонимающе уставившись на помощника.

— Ну, понимаешь, ты только не обижайся, но когда у нас работал мистер Чу он всегда собирал обратную связь по блюдам, чтобы в следующий раз были довольны все. Учитывал пожелания и все такое. А сейчас ты только и бубнишь им что «доброе утро, добрый день, приятного аппетита» но ты не уделяешь время для общения с ними.

Услышав формулировку «бубнишь» я почувствовал затмевающий глаза прилив злости. Обычно я был сдержан и терпелив, но за годы стрессовой работы на кухне невозможно всегда сохранять самообладание и избегать раздражения. Со мной как-то работал один повар, который в шутку называл такое состояние «яростью берсерка».

В такие моменты во мне, к сожалению, просыпается слепая гордость. Этот был не исключением. Я куда больше знал об этикете и уважительном общении с гостем, чтобы такой сопляк учил меня жизни. Но внезапно я понял, что меня так разозлило:

— Макс, давай ты больше не будешь сравнивать меня и мистера Чу, — я терпеливо отчеканил каждое слово, стараясь не взорваться, — мы с ним люди разные, он больше не работает на «колодце» и теперь все будет немного по другому, хорошо? Я кормлю тебя тем же, чем и остальных, тебе нравится наша еда?

— Да.

— Вот поэтому я и не спрашиваю у ребят, вкусной ли была стряпня, потому что я дегустирую всё, что приготовил. — Отрезал я — Некачественный продукт не дошел бы до стола, я бы забраковал его еще на этапе приготовления, либо дегустации. А у членов экипажа вроде как отсутствуют какие-то аллергии, так что я могу готовить что душе угодно.

Макс, похоже ещё не смекнувший, что он попал на тонкий лед, просто кивнул. Мы продолжили загрузку грязной посуды, а когда все было прибрано сели за стол в опустевшей столовой, чтобы перевести дух. Немного придя в себя, я улыбнулся помощнику:

— Сделаешь нам по кофейку? И вот еще что, сможешь раздобыть мне список дней рождения команды?

Макс, уже возившийся у кофе машины бросил на меня недоуменный взгляд из-за барной стойки:

— Зачем он тебе нужен, Джек?

— Вы не готовили торты для именинников? Спасибо! — я с благодарностью принял в

чашку, чуть отхлебнул и зажмурился: кофе был изумительный. У Макса самый настоящий талант. А еще кофейные зерна были настоящими! В Полисе любой растительный продукт стоил на вес воды, кофе там был той ещё синтетической дрянью. Здесь же членам экипажа подавали настоящий кофе из молотых зерен, что просто в голове не укладывалось! Такой сервис я видел только в ресторанах верхнего уровня, где мы обслуживали важных шишек. Такое отношение к простым работникам вызывало к «Рассел» ещё больше уважения. Хотя, наверное, не стоит называть «простыми работниками» тех специалистов, от которых зависит обеспечение всего города водой. Между тем Макс сказал:

— Я не помню, чтобы у нас так заморачивались с днями рождения. Мистер Чу говорил...

На этот раз хватило лишь одного моего свирепого взгляда, чтобы он замолчал.

В общем, Мистер Чу продолжал преследовать меня везде, и я всерьез опасался, что это приведет к конфликту с одним из неосторожных членов экипажа, который руководствуясь только лучшими побуждениями в очередной раз захочет дать мне дружеский lifehack от китайского повара, который как я уже понял, превосходил меня во всем. Но мне удалось выплеснуть пар в совершенно неожиданной ситуации.

Это случилось спустя несколько дней после моего разговора с помощником. Когда мы с Максом как всегда трудились, накрыв для всех стол, и команда села обедать. Мы проводили уже доведенные до автоматизма манипуляции приготовлений к ужину, как вдруг я услышал в столовой какой-то шум. Дверь камбуза резко распахнулась, отвалившись от косяка, словно картонная, и на кухню, пригнув голову, пролез Перри — один из наших техников, который провожал меня до капитана, когда я прибыл на корабль. Я ошарашено разглядывал эту картину, в голове уже пронеслась тысяча мыслей, что же случилось, когда я разглядел, что стискивал здоровяк в своих татуированных ручищах — тарелку расплескавшегося супа. Лицо Перри было искажено, выпрямившись, он недовольно поглядел на меня сверху вниз.

— По-вашему это смешная шутка, мистер Салливан?

Я съежился от его восклицания словно от грома. Из столовой послышался встревоженный гул, в проем, где некогда была наша дверь заглянули неразлучные Леонс и Стив.

— Мне вот совсем не смешно! — Продолжал стегать меня громopodobный голос старшего техника.

— Что случилось? — тихо спросил я, пребывая в полнейшем шоке от происходящего.

— Как будто вы сами не знаете! Эта бурда в моей тарелке пересолена больше чем весь песок в проклятой пустыне! Это просто невозможно есть!

Макс, просочившийся за спиной Перри, поспешил ретироваться в столовую, и я его прекрасно понимал. Я бы и сам хотел сейчас оказаться где угодно, только не под взором разъяренного инженера. Ощущая стыд и вину перед этим человеком, я поник еще сильнее. Как же так, я же пробовал всё, что мы с помощником сегодня приготовили, и суп вроде был не пересолен. Я уже собрался было промямлить, что мне очень жаль, и такого больше не повторится, когда Перри играя желваками заявил:

— При мистере Чу меня никогда не кормили подобной дрянью!

Когда я был маленьким мои покойные родители рассказывали мне о докатаклизменной людской забаве, рожденной, кажется, в Испании и называвшейся «Коррида» — боем быков, где матадор или «убивающий быков» направляет атаки быка, используя красную ткань. В тот момент я в полной мере почувствовал себя быком на той самой корриде, а моей красной

тряпкой, как вы догадались, был разнесчастный мистер Чу.

От моего стыда не осталось и следа. Обуздав свой гнев, выпрямившись и расправив плечи, я холодно посмотрел в глаза технику и ровным тоном произнес:

— Какого черта, Перри, вы вваливаетесь сюда без униформы и пропуска, вместо того чтобы просто позвать меня в зал разрешить вашу проблему? Или такое практиковалось при мистере Чу? У вас здесь что, детсад? Вы вломились на камбуз, разнесли дверь... Если он позволял вам подобное раньше, то теперь здесь моя территория, и вам не стоит разносить мне камбуз в песчаную пыль! Так что я попросил бы вас и остальных — я кивнул сгрудившимся у выхода членам экипажа — убратся с камбуза и подождать меня снаружи.

Перри, явно не ожидавший такого тона, смутился. Так-то он был славным малым, и я жалел, что мы столкнулись именно с ним. Но тут все решил случай, рано или поздно мистер Чу должен был меня довести.

Потупившись, техник попятился к выходу, попутно выталкивая наружу своих товарищей.

Отвернувшись от двери, я уперся руками в столешницу, выдохнув и призывая на помощь все свое самообладание.

Когда я вышел в обеденный зал, встревоженный гул оборвался. В повисшей тишине все взгляды были обращены на меня. Но я видел лишь мистера Перри, слегка пристыженного, сгорбившегося за столом над своим злосчастным супом.

Я молча пересек столовую, и сел напротив техника. Мягким движением придвинув его тарелку к себе я взял со стойки с посудой у стола ложку и запустил ее в свое варево. Поднося ее ко рту, я ожидал почувствовать вкус традиционного борща, но реальность заставила меня поперхнуться. Перри был прав, суп был пересолен и это еще мягко сказано. Он был обжигающе острым.

— Ты ведь его не приправлял ничем? — растерянно осведомился я, и, получив отрицательный кивок поднялся со стула и, обведя присутствующих взглядом, спросил:

— Кто-то еще наверняка ел сейчас суп? У кого-нибудь осталась порция?

— Я еще не начинала есть. — послышался женский голос из другого конца зала. В нем я узнал Хлою Уайт, нашего судового медика. — Я решила начать со второго. — продолжила она, уже встретившись со мной взглядом зеленых глаз.

— Вы позволите мне взять вашу порцию для пробы?

— Конечно! — она покосилась на погрустневшего Перри — конечно, возьмите.

— Мне очень неудобно, простите меня. — неловко извинился я, принимая тарелку из ее белых рук.

Я почувствовал себя выбитым из колеи, но что-то не сходилось. Я был уверен, что когда я отдал суп в зал, он был нормальным. Поставив тарелку перед Перри, я громко произнес:

— Попробуй эту порцию. — и, опомнившись, добавил, — Пожалуйста.

Неохотно взяв свою ложку, наш техник осторожно хлебнул из тарелки мисс Уайт и поднял на меня удивленный взгляд:

— Вкусно!

Я облегченно вздохнул и обратился к залу:

— Ребята, сегодняшний суп был сварен в одном котле. Еще у кого-то были к нему претензии?

— Нет!

— У меня суп был вкусный.

— Претензий не было, мистер кок! — Посыпалось со всех сторон. Я облегченно вздохнул и похлопал Перри по плечу:

— Мне жаль, что твоя порция оказалась несъедобной, извини. Возможно, кто-то случайно просыпал приправу в твою тарелку и не сказал тебе об этом. Приятного аппетита, если он еще не пропал. — Я повернулся к Хлое — Мисс Уайт, позвольте, я налью вам новую порцию.

Эта история долго глодала меня изнутри. Я сильно пал духом. Может и не зря все ставили мне в пример мистера Чу, раз у него таких казусов не было. Но ведь я и не был виноват в произошедшем, блюдо то получилось вкусное! Но как я ни старался убедить себя в своей невинности, помогало это слабо.

Так я и бичевал себя, пока через какое то время не увидел на почте письмо от Гордона. Получив уведомление от помощника капитана, я подумал даже, что команда решила со мной расстаться. Сев за компьютер, я принялся читать:

«Уважаемый Джек Салливан! Довожу до вашего сведения, что инцидент в столовой, имевший место 12.09.2123 был исчерпан. Оказалось, что уже покинувший столовую на момент вашей ссоры с Перри Николай Семенов решил разыграть товарища из бригады и подсыпал ему в суп специю. В данный момент он оштрафован. Ущерб камбузу будет списан с него. К вам руководство претензий не имеет. Вы можете продолжать работу в штатном режиме. Спасибо за ваш труд!

С уважением, помощник капитана Гордон Флорес»

Вечером того же дня ко мне в каюту постучался сам Перри, от его воинственности не осталось и следа, он передо мной переминался с ноги на ногу словно большой нашкодивший ребенок перед папой:

— Добрый вечер, мистер Салливан. Можно мне к вам зайти?

Конечно, Перри, — я отошел в сторону, делая корабельному технику приглашающий жест, — заходи.

Я надеялся, что он не услышал напряжения в моем голосе, я, все же, немного нервничал. Перри не стал заходить дальше порога, лишь закрыл за собой дверь и неуверенно заговорил:

— Я, собственно, ненадолго к вам, Джек... Я хотел лично извиниться перед вами. Я обдумал ваши слова про кухню и все такое... А когда пришло письмо от Гордона, так я вообще места себе не находил из-за того как повел себя тогда... У-у-у, этот Ник получит еще у меня! Шутник долбаный...

Огромная тяжесть свалилась с моих плеч. Устало улыбнулся Перри:

— Перри, я все понимаю. Я тоже не знаю, как бы себя повел, если бы мне после трудной смены дали поесть этакой бурды... В жизни всякое случается, дружище. Иди лучше отдохни, мог и на голокоме мне написать, а то время тут теряешь. А раз Николай так любит остренькое, то я могу устроить ему персональный рацион!

Мы оба выдохнули, и рассмеялись.

— Ладно, раз всё хорошо, Джек, я не буду вам мешать. Спокойной ночи.

— Доброй ночи, Перри. — я помахал инженеру рукой.

А еще через пару дней, когда во время моей очередной смены завтрак подходил к концу, я вышел в столовую и многозначительно покашлял. В ожидании моего объявления все разговоры в столовой стихли, и я громко заговорил:

— Друзья! Думаю большинство из вас знает, что сегодня, 22 сентября, 2123 года у нашего штатного физика — Дэйва Хардмана день рождения. Мистер Хардман! — я с

улыбкой повернулся к удивленному учёному — От лица экипажа хочу поздравить вас. — я махнул рукой в сторону кухни и громко позвал:

— Макс, можешь заносить!

Под аплодисменты команды Макс вынес в столовую небольшой торт для именинника и длинный сладкий рулет, выпеченный на всех.

Я чувствовал удовлетворение глядя на радость экипажа такому сюрпризу. Когда мой взгляд пересёкся с глазами капитана, Роберто одобряюще кивнул. А я лишь с улыбкой отдал честь, подмигнув в ответ.

С тех пор ни один именинник не оставался без нашего с Максом угощения. По моей задумке это тоже должно было стать новой традицией на борту «Колодца-1». Так мистер Чу наконец дал добро, и оставил меня своим преемником, уйдя на заслуженный покой. Разумеется, о нем еще долго вспоминали, но никогда больше никто на корабле не смел сравнивать наши с ним достижения!

Глава 3 Корабль песчаного моря

Спустя какое-то время на «колодце» я сумел таки привыкнуть к новому ритму, и даже начал выделять время для отдыха. Теперь я чаще видел команду корабля в других местах помимо столовой. Имея больше свободного времени, чтобы осмотреться на борту. Я залезал во все доступные углы. Особенно мне нравилось в свободные от работы часы выходить на верхнюю палубу корабля, наслаждаясь бескрайней пустыней, невыносимо жарким солнцем и горячим ветром. Здесь располагалась посадочная площадка корабля, на которую в экстренной ситуации нам могли доставить припасы, либо прислать эвакуационный борт. Кроме того, как оказалось, корпус «Колодца-1» экранировался от палящего солнца щитом из солнечных батарей. Корабль с виду напоминал мне ежа, вдруг решившего полетать. Стоя на мостках я не раз видел проплывающие мимо транспортники, ребята их в шутку называли «саранчой», за то, что пилоты из порта ленились и частенько использовали дронов, вместо того чтобы летать самими. Один раз мне даже довелось увидеть пролетающий вдали «Колодец-7». Я был поражен тем, как великолепно смотрелась эта модель — на её фоне наш корабль был тем ещё корытом. Наш корабль одним из первых сошел со строительных принтеров «Рассел» уже очень много лет назад, и внешнее достоинство он сохранял с трудом. Особенно на фоне новых кораблей, напечатанных в порту. Тем не менее, благодаря должному уходу и вниманию команды, работал корабль исправно и свое дело делал. Это тоже было важным моментом, ведь весь мой экипаж состоял из профессионалов с богатым опытом. Но даже такие специалисты были живыми людьми и могли иногда полениться, в чём мне скоро довелось убедиться лично.

Во время моего очередного посещения верхней палубы корабля я заметил, что на всём горизонте появилось облако пыли. Я почувствовал, как «Колодец-1» вздрогнул, остановился и начал снижаться, приземляясь.

«Надвигается буря!» голосом Гордона сообщили динамики и наши личные браслеты. — «Всем покинуть верхнюю палубу и задраить за собой люки! задраить все иллюминаторы!»

Я поспешил выполнить приказ помощника капитана и забрался внутрь, продолжая наблюдать за горизонтом через пока еще не закрытые панорамные окна корабля. Это захватывающее зрелище я запомнил на всю жизнь. Одно дело увидеть бурю на фото или в соцсетях, а оказаться на ее пути, будучи при этом в одном из самых надежных убежищ, какое только могло создать человечество — это совсем другие ощущения. Наверное, примерно так люди когда-то наблюдали за бушующими грозами из окон своих уютных квартир. Я слегка поежился от приятного ощущения.

— Завораживающее зрелище, правда? — Ко мне подошёл высокий, широкий в плечах смуглый человек, и одарил меня белоснежной улыбкой. Это был наш первый пилот — Сэмюэль Уокер.

— Привет, Сэмюэль. — я встрепенулся, и энергично закивал, — и не говори, я сам засмотрелся. Знаешь, я ведь никогда не был в пустыне раньше. Что вы теперь будете делать?

— Мы изолируем корабль и переждём последствия бури внутри. Так что можешь считать, что у нас сегодня выходной, дружище.

Пока он говорил, завывла сирена, и окна начали закрываться защитными стальными панелями корпуса. Когда всё было закрыто, в потемневших без дневного света коридорах корабля вспыхнула тусклая подсветка, и вскоре к нам присоединился Томас — наш второй

пилот.

— «Колодец» полностью задраил все люки. — сообщил он Сэмюэлю — я связывался с капитаном и он дал добро. Пока что мы можем передохнуть.

— Пойдем посидишь с нами, Джек. — Сэмюэль сделал приглашающий жест. Я кивнул, и зашагал вслед за ними по едва освещенным коридорам корабля.

В моей должностной инструкции были прописаны такие ситуации, они значились чрезвычайными и все что мы могли делать в подобных случаях — это собраться вместе и либо переждать бурю, либо, если дело примет серьезный оборот — запросить помощи.

Продвигаясь по коридорам в общий зал, мы встретили двух ребят из нашего экипажа, работавших в штабе со Стивом. Темноволосую обворожительную Сандру и ее неизменного спутника — рыжего болтуна Чарли.

— Капитан и Гордон остались в командном центре, — сообщил он нам, — Стив тоже с ними на подхвате.

— А нас отослали. — Сандра недовольно фыркнула.

— Ну и правильно, буря это ведь не рейдеры, не шмаляет по нам из всех стволов — ухмыльнулся Чарли, — мы в командном центре не нужны, зато внеочередной отгул.

Теперь по полутемным отсекам и коридорам мы шли впятером. Меня не покидало чувство нереальности происходящего. С корабельного монорельса, минуя двери медотсека мы прибыли в комнату отдыха жилого блока, обнаружив, что нас уже ожидают. Здесь собрались наши учёные Дейв Хардман и Эмма Нельсон, а с порога меня с распростертыми объятиями встретил Макс. Он сыпал шуточками и был в прекрасном расположении духа.

— Тебе лишь бы отлынивать! — рассмеялся я.

— Разумеется, Джек. Ты хлебом меня не корми, дай лишний раз не варить вам триста чашек кофе!

Буря накрыла корабль, как раз когда мы расселись на диванчиках. Я услышал страшный вой ветра и шорох песка, шлифовавшего корпус нашей старушки.

— Какой страшный рёв! — слегка испуганно пробормотал я.

— Это еще что! — Откликнулась Сандра, с нетерпением наблюдавшая, как Чарли копается в ярко-красном холодильнике — Вот пару лет назад нас накрыла такая пылица, что корабль трясло. Мы думали, что дальше наше корыто не взлетит вообще.

— Еще во время бурь очень любят подкрадываться рейдеры. — сообщил Чарли, извлекая из недр холодильника банки с пивом.

— Рейдеры? А вы точно уверены, что стоит это пить? — я в недоумении вертел в руках банку с пивом.

— Пей спокойно, Джек. Время уже четвертый час, буря продлится до конца дня, а даже если и утихнет раньше, много мы сделать все равно не успеем. — Ответил мне Томас, который тем не менее к пиву не притронулся, оставив банку Сэмюэлю.

— Хотя бы один пилот должен быть трезвым. — С улыбкой объяснил мне первый пилот, с шумом вскрыв банку.

Они расположились на соседнем диване. Макс плюхнулся рядом, в шутку пихнув меня под локоть, мол, «подвинься, чего такой широкий?».

— А что там про рейдеров? — снова обратился я к Чарли и Сандре, с удобством расположившимися за диванчиком напротив и потягивавших из банок.

На этот раз заговорила Сандра. В ее голосе сквозила злоба:

— Больные уроды! Им солнце все мозги спалило, ведут себя как дикари. Они любят

пользоваться пылью как завесой, им все равно, что половина из них сдохнет в такой то буре! Ради цистерны с водой они готовы на шкуру с тебя заживо содрать. Но ты не переживай, сейчас их усмирили. «Рассел» отправлял группы карателей по всей пустыне, очень многим бандам дали прикурить, а кто выжил — еще долго носа своего не сунут к нам. Да и мы с Чарли и Стивом всегда здесь, чтобы защитить твою задницу, Джек.

— Нужно было очень сильно разозлить корпорацию, чтобы они пошли на такое. — Своим браслетом я снял с банки цифровую печатку, вносящую в базу данных информацию, кто и когда решил употребить алкоголь на борту. Глотнув пива и ошеломленно вытаращился. Вместо привычного синтетической бражки я почувствовал крепкий бархатистый вкус чудесного пива. Неужели здесь все продукты натуральные? «Рассел» заботится о своих сотрудниках, в Полисе такой напиток уж точно был не по карману простому работяге. Сандра только усмехнулась, заметив мое восхищение местным алкоголем, я сделал ещё глоток и спросил:

— Что же вдруг случилось, что корпорация зачистила всю пустыню от бандитов?

Сандра крепко выругалась:

— Один из наших «колодцев», тот, что третий, застали врасплох прямо во время добычи воды. Когда эти кретины напали и пробились внутрь экипаж не смог отбиться, помощник капитана успел нажать на долбаную «красную кнопку», чтобы рейдеры прорвавшиеся на борт не смогли пробраться в штаб и «Колодец-3» был запечатан.

— Запечатан? — не понял я.

— Ага, вот так: пух! — Чарли хлопнул в ладоши. — И полная консервация корабля. Чтобы вооружение и наработки «Рассел» не оказались в руках бандитов. Полномочия на блок были только у погибшего капитана, и у его помощника, а помощник умер почти сразу после того, как запечатал корабль. Ранен он был слишком тяжело. Это последнее, что удалось узнать по связи. Так и сгинул «Колодец-3» где-то в пустыне, вместе с командой и рейдерами, запечатанными внутри. Корабль-призрак. Ему даже замену строить не стали, чтобы инцидент замять.

— Но почему-то в Полисе об этом не рассказывали. Почему экипажу не прислали подкрепление? И по какой причине пилоты не могли просто подлететь поближе к Полису, чтобы безопасники его зачистили? — Спросил я.

— Ещё бы вам в Полисе рассказывали о всех косяках комитета. — рассмеялся Чарли — Хрен его знает. Джек, мы без понятия, что происходит после директивы блока, когда весь корабль запечатывается. Надеюсь, что и не узнаем. Это считай что самоуничтожение судна. Капитаны явно знают весь механизм действия протокола консервирования, но у нас таких полномочий нет.

— Я вообще знал, конечно, что за пределами мегаполисов небезопасно, в самом-то Полисе дела не слава богу, но про пустыню мне ничего не говорили, да и в указанных рисках в контракте нападение бандитов не прописывается. Как же так? — удивился я. Целый корабль, да еще и один из колодцев, был потерян в пустыне и об этом не узнала ни одна живая душа из общественности? История и правда пробирала до мурашек. Страшно представить, каково было команде на заблокированном корабле. Но в этом не было ничего удивительного, таков менталитет корпораций — все достается им, либо никому. О людях при таких раскладах переживают в последнюю очередь.

— Ну, ты же повар, Джек. В твои обязанности входит кормить нас, а не убивать бандитов. — Сэмюэль задумчиво перевел взгляд на меня. — В нашем случае при нападении

на корабль за оружие берется весь личный состав команды. Навыки самообороны входят в перечень требований к нам. Да и печальная история «Колодца-3» — это единственный подобный случай в нашей практике за последние десятилетия. Остальные корабли, пришедшие в негодность просто списывали, и заменяли новыми. Только наша девочка до сих пор на службе, уж лет двадцать, все потому, что капитан души в ней не чаёт, а с ним в комитете еще как считаются! В общем не бойся, мы защитим корабль. К тому же, раз в год мы проходим переаттестацию по стрельбе. В этом году у меня будет пятнадцатая. — ободряюще улыбнулся он мне.

— Пятнадцатая!? — воскликнул изрядно захмелевший я — Неужели за столько лет службы не возникало желания перебраться на корабль поновее этой посуды? Я заметил на днях мимо нас проходил «колодец-7» — это было впечатляюще!

Наши пилоты согласно кивнули, Сэмюэль сказал:

— Птички, конечно, внушительные. Но ты запомни вот что, Джек: пока на «Колодце-1» капитаном служит Роберто Гатти, тебе не стоит менять место службы. Лучше нашего капитана я не видел во всем пустынном флоте и сомневаюсь, что когда либо увижу. Он настоящий профессионал.

Я кивнул, давая понять, что понял его мысль. Только потом я заметил, что вместе со мной пилоту кивают и остальные члены экипажа. Мы помолчали. Я обдумывал услышанное. Выходит, что мне крупно повезло с командой и капитаном? Но корабль и правда был доисторическим! Я вдруг вспомнил добровольцев, которых вместе со мной развозил транспортер по остальным кораблям. Все как один — угрюмые мужики, наполовину слепленные из киберимплантов. От одного только соседства с ними меня пробрало до костей от страха. Я вздохнул с облегчением, когда последние из этих напичканных железом громил покинули кабину транспортера, одарив меня на прощание холодным взглядом. «Текучка кадров» отметил я про себя, рассматривая сидящих передо мной симпатичных, образованных ребят. Моя команда был похожа на нормальных людей, Роберто действительно собрал здесь лучших. Не все из них были вежливыми, но каждый из них проявлял ко мне искреннее участие по примеру своего капитана. Даже техники пусть и вспыльчивые грубоватые шутники — и те были добряками. Взять того же Перри. Самым развязным и непредсказуемым из них, пожалуй, был Николай, но это было какими-то редкими вспышками гнева. Да и капитан его терпел, значит было за что. Вспомнив про техников я вдруг понял, что никого из них в зале нет.

— А ребята из инженерных отсеков все еще на смене? — мой вопрос, адресованный неизвестно кому, повис в воздухе.

— А где им еще быть? — удивленно осведомился Макс. — У них сейчас столько же работы сколько и у капитана с помощником. Следят за состоянием корабля.

Я почувствовал укол совести:

— Мне, наверное, нужно на камбуз, готовить ужин...

— Ой, Джек, да брось. Ты забыл, что в чрезвычайных ситуациях мы переходим на пайки? — напомнил мой помощник.

— Да у тебя все ситуации чрезвычайные! — беззлобно огрызнулся я, пытаюсь подняться с дивана.

Макс только усмехнулся, а Сэмюэль, протянув руку слегка толкнул меня обратно в кресло.

— Все в порядке, старина. Мы переживем один день без твоей стряпни, хоть это и

нелегко. Пока мы тебя ждали чуть не умерли тут, сидя на чертовых пайках!

— Да, кормит Джек что надо. — весело кивнул Чарли.

— Смотри, не перехвали нашего скромняжку. Ну во-от я же говорила, накидали песку! — проворчала Сандра.

Её слова сразу же вогнали меня в краску. Все засмеялись, особенно Макс, а я сидел смущённо уставившись на свою банку с пивом. Признаться, меня уже разморило, и я вряд ли я потянул бы сейчас готовку запоздалого ужина на всю команду разом. Ребята продолжили оживленно обсуждать что-то, а я притих, наслаждаясь моментом. Хотя и корю в шутку Макса за его лень, но и сам люблю такие неожиданные ситуации. Они вырывают из привычной колеи, ставят нас в неловкое положение, объединяя всех участников инцидента резко переключая от повседневных забот на непредвиденные обстоятельства. Особенно когда ты вообще ничего не можешь сделать, и вынужден просто отдыхать и растерянно хлопать друг на друга глазами в поисках решения. Видимо затем мы и пропустили по пиву, чтобы расслабиться и с пользой провести это время, вместо того чтобы сидеть несколько часов, как на иголках. Я почувствовал какое-то необъяснимое ощущение благодарности ко всем, собравшимся здесь. Вместе с тем пришла, наконец, уверенность: мое решение заступить на службу не было ошибочным. Я с самого начала знал это, но человеческие сомнения штука отвратительная, если в голове засядут — то долго еще переживания будут терзать тебя, пока не найдешь способ от них избавиться. Так я и сидел, пытаюсь не взорваться от переполнявших меня эмоций и наконец найти выход из безвыходной ситуации. Между тем буря продолжала завывать за обшивкой корабля.

— Я пойду проверю показатели. — Томас решительно поднялся и зашагал к выходу.

— Удачи!

— Не заблудись там.

Наши ученые даже не заметили его ухода, оживленно что-то обсуждая.

— ...Это может и сработать! — услышал я оживленное восклицание Дэйва, тот искренне улыбался обдумывая идею своей коллеги. — Нам нужно будет обсудить все это с капитаном.

— Мисс Эмма, мне всегда было интересно узнать побольше о процессе добычи воды, вы можете рассказать что-нибудь об этом? — спросил я у нее, пока алкоголь придавал храбрости, — А то в водозаборный отсек меня не пускают.

— Джек, я уже вам рассказывала кое-что мельком. — она встряхнула золотыми локонами и с притворным недовольством нахмурилась, я уловил хитрый блеск в ее глазах.

— Простите, после работы я в какой-то степени страдаю потерей концентрации. — с улыбкой я развел руками.

— Ну что тебе сказать, Джек. Во первых что с членами экипажа можно на «ты», никто не обидится. Я все-таки не капитан. — под общий смех сообщила она. — Во-вторых не думаю, что после пива твоя концентрация сильно улучшилась.

— Простит... Прости! — я вновь покраснел, — это просто привычка.

— Удивляюсь, откуда у шеф-повара такие привычки. — улыбнулась девушка — В-третьих, в самом процессе добычи воды нет ничего интересного. Инженеры просто обрабатывают почву в секторе, в котором наши сканеры засекали присутствие жидкостей. Единственная трудность для них — когда вместо воды пробивается нефть. Это действительно печально, в наш век электричества нефть, как ты знаешь, никому не нужна. Разве что лощеным холуям из мегаполиса для их раритетных игрушек. Прости, я отвлеклась.

Что я могу сказать, так это то, что добыть воду — это только полдела, Джек.

— Неужели? — я удивленно вскинул брови, — а вторая половина дела — откачать полученную воду в цистерны?

Эмма вскинула глаза, словно разговаривала с деревенщиной, но улыбка не покидала ее милого личика:

— Нет, Джек, вовсе нет. Дальше образцы воды переходят к нам, и тогда мы принимаем решение: можно ли гнать ее через фильтр в резервные цистерны корабля? Или она загрязнена радиацией, бактериями и прочей дрянью, на которую можно напороться в пустыне. Не забывай, что после пустынных бурь катаклизма под почвой пустыни остались целые города. Иногда мы натываемся на их руины, наверняка ты видел. В общем тут у нас кипит настоящая работа. Ведь нужно не только оперативно делать анализы, и формировать наше решение дать добро этой партии или забраковать, нужно ещё и почву досконально изучать. А доклады капитану... — в общем, столько работы, не напоминай даже! — она звонко рассмеялась.

— В любом случае спасибо, я буду иметь в виду. Я то в вашем деле вообще профан.

— При том что Джек, кстати, в свое время хотел учиться на инженера, чтобы работать на колодцах! — встрял Макс, довольно наблюдая на удивлением ребят. Всегда приятно знать о чем-то, чего не знают остальные а потом вываливать это вот так просто.

Я недоволю на него посмотрел, но промолчал.

— Ну что же, никогда не поздно. — серьезно кивнул Дэйв.

— А я все же чувствую, что для меня поезд уже ушел. Хотя я заработал достаточно для калибровки в инженерный штат. Но вместе с тем я потерял желание и, наверное, силы. Меня спасло только письмо нашего капитана, заниматься уже привычным делом мне куда проще. А так не то чтобы уже и хотелось — соврал я. Конечно мне по прежнему хотелось, но объемы материалов которые необходимо изучать вкупе с упущенным временем были пугающими.

— У тебя еще будет много времени чтобы все взвесить и обдумать, поверь мне. — сказал Хардман, не отрываясь от своих заметок в планшете.

Мы допили пиво, но новое открывать не стали, ограничившись холодным лимонадом. Через несколько часов буря стихла, и за оживленными разговорами нас застало объявление Гордона об окончании режима ЧС.

Я встал, собираясь тепло попрощаться с остальными и пойти к себе, но Макс схватил меня за руку.

— Ты что, не выйдешь на свежий воздух? мы пережили бурю и выжили! Пошли посмотрим, что там, наверху. — он обнажил ровные зубы в очередной улыбке.

Я обдумал его слова: я бы и правда посмотрел бы на последствия бури. Мы вместе побрели обратно на монорельс, направляясь на верхнюю палубу. К нам присоединились Сэмюэль, Чарли и Сандра. Я с любопытством рассматривал иллюминаторы и панорамные окна, но они по прежнему были задраены бронированными панелями. Взобравшись по лестнице к люку и распахнув его ребята предусмотрительно отскочили в стороны, а меня, зазевавшегося от неожиданности, засыпало песком. Под общий смех я отряхивался и отплевывался. Песок застил глаза, зажмурившись, я утирал лицо руками. Кто-то из ребят ободряюще хлопнул меня по плечу, выбивая пыль из одежды, кто-то с другой стороны сунул в руку капсулу воды, помогая подняться на мостки. Я почувствовал, как толстый мягкий слой песка под ногами скрежещет по стальному настилу. Он был настолько теплый,

что мне внезапно захотелось стянуть обувь и почувствовать его босыми ступнями. На палубе меня окутала горячая вечерняя духота. Плеснув в лицо водой из капсулы и открыв глаза, я увидел потрясающую картину: нашего корабля не было. Он утонул, исчез под слоем рыжего песка, напоминая теперь очередную дюну, странной угловатой формы. Лишь перила и солнечные батареи корабля остались торчать над поверхностью, да и те хорошенько припорошенные песком. А на восточном горизонте виднелась уходящее облако бури. Ее и все песчаные волны вокруг окрашивало заходящее солнце с запада. Создавалось впечатление, будто мы одни впятером стоим посреди безграничного моря пустыни, которое разрослось за последние десятилетия до безграничных масштабов. Я судорожно выдохнул:

— Вот это да!

— Вот видишь, а ты хотел на боковую пойти. — рассмеялся Макс.

Да, было действительно здорово, этот момент я запомню и сохраню в памяти на всю свою жизнь. Я вдруг подумал о том, что было бы здорово постоять здесь с нашим судовым медиком — рыжеволосая Хлоя Уайт, похоже, приглянулась мне.

— А где Хлоя? — спросил я.

— На своем рабочем месте, разумеется. Врач тоже должен быть на посту. В режиме ЧС вся аппаратура у Хлои в режиме полной готовности! — откликнулся Чарли.

Мы оперлись на остывающие перила, торчавшие словно из песка, и наслаждались видом песчаных холмов, пока голос Гордона не вернул нас в реальность:

— Сандра, доложи, как обстановка на палубе?

Девушка вытянулась по струнке, выставив перед собой браслет с голограммой помощника капитана, выжидающе смотрящего на неё:

— Корабль сильно занесло, мистер Флорес. — деловым тоном отрапортовала она. — На горизонте чисто, противника и дружественных единиц не наблюдаем.

— Почему вышли на палубу без штатного оружия? Будьте внимательнее Сандра! Чарли, Сэмюэль, к вам это тоже относится!

Было забавно наблюдать, как обычно боевая Сандра стоит понурившись как провинившаяся девчонка. Субординация на нашем колодце соблюдалась несмотря на дружбу между членами экипажа.

— Так точно, сэр! Приношу извинения, мистер Флорес!

— При все уважении, сэр, вообще то не без оружия. — В руках у Чарли откуда-то возник причудливый карабин. Сам я в оружии не разбирался да и чурался любого с ним взаимодействия.

— Понял, возвращайтесь на борт! Мы взлетаем, нужно стряхнуть с корабля весь этот мусор.

Я с грустью проводил полоску почти исчезнувшего солнца над темнеющей таинственной пустыней — закат у нас на юге был ранним. Может когданибудь я и привыкну к величю стихии, окружавшей нас, и однажды она даже мне наскучит. Но я романтик по своей сути, так что могу наслаждаться еще долго. Надеюсь, так оно и будет. Когда мы спустились в недра «Колодца-1» корабль, словно очнувшись, вздрогнул всем своим нутром: заревели двигатели, наша старушка нехотя пробуждаясь от своей дремы, стряхивая с себя тонны песка и собираясь вновь бороздить пустынное море.

Глава 4 Овощной день

Пришло время моего посещения берегового порта после окончания первого рейса на службе. Наш «Колодец-1» мягко вплыл в огромный ангар пустынного порта, принадлежавшего Полису. Мы прибыли сюда для обмена цистерн с добытой водой на новые, пополнения провизии и необходимой расходной техники. Едва мы «пришвартовались», как тут же закипела работа. Грузовой отсек корабля открылся, и местные боты, заправлявшие краном, принялись выуживать цистерны из недр корабля, перемещая их в ангар. С чрезвычайной осторожностью они складывали баки воды на огромные стеллажи с конвейерными лентами, собранные на крепких сваях. Зрелище было впечатляющее. Погруженный груз уезжал на ленте экскаватора вглубь полностью механизированной разгрузочной зоны, а то и вовсе на импровизированном лифте поднимался ввысь к верхним ярусам. Все лифты и экскаваторы в ангаре находилось в постоянном суетливом движении, перемещая самые разные грузы. Я стоял, разинув рот, пока наши техники, выполнявшие в данный момент инвентаризацию тщательно следили за процессом, сканируя каждую переданную ёмкость своими персональными голокоммами. Они записывали и перепроверяли поставку, ведя точный учёт всех переданных баков с водой. Перри как-то при мне упомянул, что каждая из этих цистерн стоит столько кредитов, сколько мы все вместе взятые не потратим за десять своих жизней. Наблюдая, как кропотливо инженеры сгружают воду я не сомневался, что так оно и было. Капитан и личный состав тоже пока что были здесь. Когда разгрузка кончится мы все сможем отдохнуть. Этого момента ждали многие мои товарищи, изголодавшиеся хоть по чему-то, кроме изнурительной работы в пустыне. Лично я совсем не скучал по «суше» Полис успел мне сильно надоест, я и сбежал то в основном от его суеты. Но зато здесь в порту я впервые мог осмотреть наш корабль во всей красе. При первом же взгляде на «Колодец-1» было понятно, что он стар даже по меркам местных кораблей с большим пробегом. Угловатые скошенные формы корпуса, обвешанные трубами и электроникой, и ошетилившиеся солнечными батареями старого образца, мерцали блеклыми при солнечном свете синими огоньками. Кабина напоминала приплюснутую морду, а передние двигатели, слегка укороченные по сравнению с задними, казались сомкнутыми лапами усталой собаки. Всё это смотрелось удручающе. Особенно это ощущалось на фоне дремавшего рядом с нашим причалом новенького военного крейсера. Вот это конечно был красавец: окрашенный в ярко-бежевый цвет он по своим размерам ничуть не уступал нашей старушке. Его дизайн отличался изящностью: никаких резких граней, лишних труб и топорщащихся солнечных батарей. Только плавные линии, создающие ощущение цельного корпуса, тогда как «Колодец-1», казалось, был слеплен из наспех найденных деталей, что остались от сборки разных кораблей. Крейсер вызывал восхищение продуманностью своего облика. Расположившись на соседних причалах, эти корабли выглядели, как породистый пес, занимающий призовые места на выставках, и дворняга, случайно забредшая на запах еды. Присмотревшись, я увидел ровные буквы на корпусе, именовавшие эту птичку «Кассандра».

— Красавица, да? — я не заметил, как рядом возник Леонс, вытирающий руки об издавшую виды рабочую форму.

— Да... — согласился было я, но осекся, проследив за его взглядом. Комплимент техника был сделан вовсе не «Кассандре». Он с неподдельной любовью разглядывал наш

«Колодец-1», а на его перепачканном пылью лице сияла нежная улыбка.

— А что скажешь о ней? — я кивком указал на боевую «Кассандру». Леонс, даже не удостоив крейсер взглядом, поморщился:

— Красивая пустышка, начиненная взрывчаткой. Это расходный материал, ami: они создаются с расчетом на несколько лет, их все равно ведь взорвут рано или поздно. Другое дело наша крошка. Эти машины корпорация «Рассел» строила на века! Посмотрел бы я на «Кассандру» в ее тридцать лет...

— Но ведь все «колодцы» первого поколения либо списаны, либо находятся в запасе? — осведомился я.

Леонс хотел сказать что-то, но нас прервал грубый оклик Николая, заставивший меня подскочить:

— Леонс, тащи свою задницу сюда! Мы еще не закончили.

— Сию минуту, не кипятись! Ну, увидимся, Джек.

Техник проводив меня кивком, побежал к своим товарищам. Меня тоже ждали дела: нужно было принять поварское сырье для следующего рейса. Я ткнул пальцем в браслет и проверил номер терминала, указанный в выскочившей голограмме. Теперь мне следовало просто найти нужный терминал, и проверить груз. Я двинулся вдоль стеллажей, уходящих ввысь до самого потолка. Мне повезло: терминал оказался недалеко. Я выбрал номер рейса и отправил заявку. Рядом с терминалом расположилась очередная конвейерная лента, на которой мне и должны будут передать контейнеры со склада. Дальше, согласно инструкции удостоверившись что груз в порядке мне нужно было отправить заявку ботам для его транспортировки в грузовой отсек корабля. Я рассматривал ангар в ожидании груза когда на заурчавшей ленте появились первые контейнеры. Я начал методично вскрывать каждый, проверяя содержимое. Колбасы, сыр, овощи, тесто для хлеба и выпечки, чего тут только не было! Позади возникли огромные ящики с пайками и хлопьями на завтрак, коробки с кофейными зёрнами и сыпучкой по типу соли и перца. Удивительно, как при таком относительно небольшом экипаже у нас быстро проходит сыпучка. Родственникам они её таскают, что ли? Я усмехнулся своим мыслям, продолжая разбирать все это добро, пока не дошел до овощей. Вскрыв контейнер с помидорами я увидел аккуратно сложенные сочные зрелые плоды, выложенные на силиконовой прокладке. Приподняв ее я увидел такие же красивые помидоры. Но годы работы с поставщиками доказали, что в наши дни подделать внешний вид очень просто. Я протянул руку и выудил из ящика один из плодов. Он был переморожен в стагисе — методе шоковой заморозки, широко использовавшемся при транспортировке редких продуктов. Но зачастую поставщики злоупотребляли этой технологией, а это значило, что через пару дней вся партия превратится в кашу. Я начал перебирать все овощи и оказалось, что в таком плачевном состоянии находится всё мое овощное сырье. Стоя с огурцом в руках я напрягал извилины, вспоминая, что я должен делать в такой ситуации. Наконец я просто решил связаться с диспетчером. Ткнув в терминал я вызвал оператора склада. На голограмме возник мужчина средних лет, одетый в рабочий костюм "Рассела" и фирменную кепку. На слегка округленном покрытом щетиной лице застыла недовольная гримаса.

— Добрый день. — несмотря на явное раздражение он вежливо мне кивнул, — что вам нужно?

— Да тут такое дело... Груз у меня порченный.

— Чего? — оператор удивленно вздернул брови. — Минутку, я сейчас подойду.

Он отключился, а я остался ждать, слегка расстроенный тем, чем мне придётся сейчас заниматься. Предстояло запросить новую партию и отправить эту обратно на склад, как брак. А такие вещи меня жутко раздражали. Я люблю, когда вся система работает слаженно и четко, а подобные сбои ставят в дурацкое положение в первую очередь меня и требуют уйму времени. Самое неприятное в этой ситуации было то, что списывать приходилось продукты, бывшие в Полисе на вес золота. Сам бы я ни за что не расстался даже с перемороженными в стазисе помидорами, но регламент четко обговаривал, что такая партия — брак от которого следует избавляться. Надеюсь, хоть кто-то кроме меня его читал. Мои мысли прервал возникший рядом оператор, уже осматривающий вскрытые контейнеры и выжидающе почесывая свою щетину:

— Ну, что тут у вас?

Я указал ему на контейнеры с овощами:

— Они переморожены. Это нужно вернуть обратно поставщику. А мне нужна нормальная партия для погрузки на корабль.

Оператор вытащил из ящика ярко-красный с виду абсолютно спелый помидор, и посмотрел на меня, как на полного кретина. Но, надо отдать должное его выдержке, вместо потока брани он сказал лишь:

— Но они же вроде нормальные, нет?

Я терпеливо пустился в объяснения:

— Вы же чувствуете, какой он размякший? Его передержали в шоковой температуре, понимаете? Через пару дней он станет совсем мягким, как хурма. А через неделю у меня будет каша вместо овощей.

По его лицу сложно было сказать, возымели мои доводы нужный эффект или же нет. Возможно, он просто не знал, что такое хурма — джинн его разберет. С минуту оператор молча рассматривал овощи а затем, когда он повернулся ко мне я предложил то, чего хотел меньше всего:

— Может, позвать управляющего складом?

Я с удивлением приметил, как кислая мина оператора побледнела, выдавая настоящий страх. Глаза его бегали от «спелых» овощей на меня. Наконец, он выдавил:

— Сейчас я его вызову... подождите...

И он понуро побрел прочь

Снова потянулись минуты томительного ожидания, казавшиеся мне вечностью. Живот слегка заурчал: я так торопился закончить с завтраком для команды и сделать все дела, что и поесть толком не успел. Спустя пятнадцать минут я почувствовал подступающее раздражение: где этот управляющий?

Снова вызывать оператора не хотелось, поэтому я просто стоял и ждал, пока вдруг не завибрировал голокомм на моем запястье. Это оказался наш капитан, выражение его лица на маленькой голограмме было озабоченным:

— Джек, в чем у вас там дело?

Я, смутившись, промямлил:

— Капитан, сэр, понимаете, тут такое дело... Я забраковал поставку овощей и сейчас жду управляющего для возврата и замены партии.

— Да, он уже связался со мной. Сказал, что цитирую: "какой то кретин из вашей команды забраковал спелые овощи".

Я почувствовал укол злости и сказал уже более твердо:

— Капитан, я понимаю, как всё это выглядит, но их внешний вид обманчив, они переморожены. Я подписывал контракт и там был пункт на этот счет, свои обязанности я знаю и таким команду кормить не стану. Необходимо, чтобы они отгрузили другую партию.

— Джек, вы понимаете, что это задержит наш рейс как минимум на сутки? — Роберто Гатти выжидающе смотрел на меня. Я не мог понять, что стоит за этим вопросом: предупреждение или упрек? Эмоции, которые он испытывал сейчас было невозможно угадать — капитан был абсолютно спокоен.

Я сглотнул, но отступить было некуда:

— Да, я готов взять на себя ответственность за это. Отправка задержится, зато во время рейса команда не сляжет с диареей.

— Хорошо. Я передам управляющему ваше решение, Джек. Конец связи!

Он отключился а я осел на стеллаж, стоявший за моей спиной, выдохнув всей грудью. Было что-то такое во взгляде капитана Гатти, когда он услышал мой ответ... Уважение? В любом случае мое решение он поддержал, это меня ободрило. Но что делать дальше? Я вновь отправил запрос оператору. Увидев мое лицо во входящей голограмме он слегка закатил глаза:

— Снова здравствуйте. Ваш капитан буквально сейчас обсуждает с начальством замену сырья, пожалуйста, ожидайте.

И снова томительное ожидание. Стоя возле терминала я наблюдал, как боты грузят другие поставки орудуя краном. Они не очень нравились мне из-за своей недалекости, но примитивные обязанности они делали исправно. В этом и заключалась их проблема: в отсутствии воображения. Один такой бот, скажем, работая на кухне, мог бы весь рейс кормить команду одной и той же картошкой с мясом, пока та не взбунтуется. Такой изъяс присутствовал у них повсеместно, что бы ни делали с ботами программисты-кодеры — те все равно следовали какому-то циклическому повторению действий. Поэтому их ставили на самых низкоквалифицированных должностях, если вообще ставили. Однако, настоящий ИИ в Полисе хоть и был настоящей роскошью, но очень широко применялся различными компаниями. Между тем мой взгляд скользнул на открытый шлюз ангара вдали, который сейчас заняла наша старушка. Солнечные батареи корабля, обычно ощетиненные словно иглы у барсука сейчас были мирно сложены на загривке нашего "Колодца-1". Вокруг нее, на фоне голубого неба, словно саранча сновали дроны, проводившие сканирование целостности обшивки и состояние корабля.

Я вновь очнувшись от задумчивости, осмотрелся. Потихоньку суета вокруг затихала. Ребята уже закончили работу когда как я еще только ждал управляющего. Дважды я уже успел пожалеть о том, что затеял. И что я вообще поднял эту суету? Кому от этого станет лучше? Рейс будет задержан, мое настроение и редкий свободный день — испорчены. Я глянул на браслет, проверяя часы: порт осмотреть я уже точно не успею.

Меж стеллажей ко мне твердой походкой шел коренастый пожилой мужчина с самым упертым выражением на скуластом лице. Меня кольнула тревога: это точно был управляющий. Сейчас начнется.

— Добрый день... — начал было я и осекся.

Он намеренно обошел меня вокруг, словно никого тут не было, и начал критически осматривать вскрытые контейнеры с овощами. Бледные губы его сжимались все больше, поигрывая желваками он повернулся ко мне и сплюнул на стальные плиты пола:

— Пер-р-ремороженные! — В его уверенной позе и голосе звучала военная выправка.

Хоть он и глядел на меня снизу вверх, я чувствовал себя, словно под взглядом великана, грозившегося расплющить меня, как букашку. Он продолжал цедить сквозь сжатые зубы:

— Мало мне проблем в этом проклятом порту так ещё всякие щенки гвалт поднимают.

Ну так что? Оформляем тебе замену свежих овощей на свежие, мм?

Я совершенно опешил от такого тона и стоял, язык проглотив.

— Ну что, в гляделки играть будем, твою мать? Или ты совсем пришибленный, а?

Отвечай! — рявкнул он командным тоном так, что я подпрыгнул.

Собрав все самообладание в кучку я выдохнул:

— Да. Оформляем возврат и запрашиваем другую партию овощей.

Управляющий взвился, злобно бормоча:

— И как капитан такому идиоту сырье доверил не пойму, какой варан его тяпнул чертовщина какая-то творится, дожили... Ты головой не ударился то, малой? В чем проблема твоя? — он резким движением вынул из ящика помидор и сунул мне под нос, — Что с ним не так по твоему? Ну он холодный был, наверное потому что их в холодильный камерах держат?

Последние слова он уже выкрикивал чуть ли не мне в лицо. Мое мужество стремительно меня покидало под таким напором. Я начал кричать что-то в ответ, когда внезапно нас отвлек появившийся в ангаре человек.

Это был мужчина чуть младше управляющего на вид. Одет он был во флотскую форму, но не как на колодцах «Рассел». Синий камзол, украшенный нашивками, такого же цвета брюки, из под полы которых выглядывали до блеска начищенные туфли. Уже поседевшие виски выдавали его возраст, но спину он держал прямо, гордо вышагивая к нам. Короткая стрижка отдаленно напоминающая «площадку», строгие с просединами усы разместились под прямым носом. Он остановившись сделал паузу, посмотрел на нас добрыми карими глазами и обратился к управляющему:

— Мэл, вы чего тут орете?

Управляющий нехотя оставил меня в покое, повернувшись к визитеру:

— Ах, здравствуйте, господин Браун сэр! Да этот... служащий с «Колодца-1» все мозги закомпостировал своими овощами. Говорит, перемор-роженые они. А по моему мозг у него перемор-рожен, — рычал Мэл, — если вы меня спросите... да.

— Да что ты! — мистер Браун с интересом глянул на меня и сделал шаг к моему терминалу с ящиками. Он взял в руки пару овощей и под нашими выжидающими взглядами принялся их придирчиво осматривать. Наконец он спросил:

— Как по вашему, как такое могло случиться?

Я вновь опешил, осознав, что он говорит с претензией, но обращается не ко мне.

Управляющий Мэл, явно тоже не ожидавший такого поворота, заговорил:

— Так они же нормальные, Фрэнк... господин Браун, сэр! Вы же сами видите.

— Да, я вижу. Знаете, Мэл, овощеводство этой мой досуг. В наши времена, когда пол Земли покрыто чертовой пустыней, иметь возможность выбраться в свой садик — настоящее счастье. И вот что я скажу: много помидоров я видал, и этот парень говорит абсолютную правду. И в чем же наше упущение, Мэл?

Я с трудом представил этого горделивого человека в форме копающимся в огороде. Интересно, где он умудрился обустроить свой сад, неужели он с верхних уровней? Да что ж это я, не ковыряется он в земле сам, у него точно есть садовник. Армия садовников. Он просто там отдыхает, попивая дорогой коньяк и разглядывая пустыню с верхних платформ

башни комитета. Это представлялось мне куда проще.

— Да что с ними не так! — Рывкнул управляющий, — Помидоры как помидоры. Они же даже без плесени!

— По моему этот молодой человек уже все вам объяснил, если вы его не хотите слышать то возможно мозги переморожены не у него. — мистер Браун холодно улыбнулся и продолжил: — Возвращайтесь в кабинет и готовьте переоформление поставки, Мэл. А к вопросу хранения овощей мы с вами еще вернемся.

Управляющий стоял как вкопанный, поглядывая на нас как на идиотов. Наконец, сдавшись, он развернулся и пробормотав «есть сэр», чеканя шаг направился в кабинет, продолжая едко ворчать себе под нос.

Я облегченно улыбнулся своему спасителю и протянул руку:

— Спасибо! Мистер... Браун? Я Салливан...

Улыбнувшись он сдал мне мою ладонь крепким рукопожатием:

— Не стоит, Салливан. Интересная фамилия. А зовут как?

— Джек!

— Да, Джек, накидал ты песку, конечно. Ты наверняка кок, верно?

— Так точно, сэр. — ответил я, не знаю как к нему обращаться.

Он разглядывал меня, словно я был вымершим реликтом и наконец сказал:

— Знаешь, Джек, впервые я вижу чтобы корабль задерживался в порту из за переоформления поставки провизии. Хотя нет, погоди-ка! — он нахмурился вспоминая, — помню был один китаец, у которого хватало безрассудства спорить с мистером Мэлом. Не помню, как его звали. Такое я вижу редко. Видимо далеко не всем оставшимся на кораблях поварам есть дело до того, чем питается команда. Пожалуй мне стоит организовать пере проверку на камбузе моей «Кассандры». Что же, успехов тебе, Джек! Если результаты моей инспекции меня не порадуют, возможно я позову тебя к себе. Роберто Гатти — твой нынешний капитан, я правильно понимаю? Похвально. Ну, меня ждут дела.

Сказав так он кивнул мне на прощание, и удалился.

Голова шла кругом от произошедшего за этот день, уже клонившийся к вечеру.

Я чувствовал себя совершенно вымотанным, всё чего мне сейчас хотелось это выпить чашку чая и поспать. Я побрел в сторону нашего корабля.

Когда я уже был на полпути со мной связался помощник капитана:

— Джек. Капитан хочет тебя видеть у себя.

Эти слова похоронным звоном ударили в моей голове. Я подавленно ответил:

— Так точно, мистер Флорес! Я скоро буду.

Понуро я взошел на трап «Колодца-1». Коридоры простиравшиеся внутри корабля казались мне бесконечными пока я нетвердым шагом направлялся в командный центр. Удивительно, но в нем никого не было. Проходя ряды штабных бортовых компьютеров я морально готовился к выволочке. Ну надо же было так облажаться! Всех поставил на уши.

Остановившись у двери в кабинет капитана я нерешительно постучал.

— Джек, это ты? — раздался басистый голос Роберто — Заходи.

Я распахнул круглую дверь и зашел внутрь. Капитан сидел за столиком, сосредоточенно изучая какие то документы. Наконец, он поднял глаза на меня. Я не могу прочесть его мысли по лицу, он сохранял хладнокровие. Не выдержав взгляда, я уставился на маленькую модельку нашего корабля, красовавшуюся на его столешнице.

— Итак, Джек. Мне нужно чтобы вы имели в виду: я отправил заявку в порт с

переоформлении груза. Вся эта волокита прошла гладко, но рейс нам пришлось перенести. Сегодня «Колодец-1» никуда не полетит, наши инженеры пока что займутся техобслуживанием. Вашу поставку вы должны будете получить завтра в течении дня, и вечером мы выходим в новый рейс.

Уставившись в пол я забормотал:

— Капитан, сэр. Я еще раз приношу извинения за доставленные вам и команде неудобства. Я готов понести меры, которые на ваш взгляд будут удовлетворительными. Больше такого не повторится и...

— Джек, послушайте. — Роберто Гатти встал с кресла и подойдя положил руку на мою сгорбленную спину:

— Никто не собирается вас ни за что наказывать. Не на этом корабле. Вы поступили правильно, Джек Салливан. Я только лишь хотел лично вам сообщить, что завтра у команды в том числе и у вас будет ещё один свободный день и выразить свою благодарность за принятое вами верное решение. Вам нужно будет лишь принять поставку сырья... — Внезапно он сделал паузу, и улыбнувшись, спросил:

— ...Скажите, вы видели Фрэнка Брауна?

— Да, сэр! — я удивленно уставился на капитана. — Откуда вы знаете?

— Ну, знаете Джек, адмиралы пустынного флота просто так в грузовых ангарах не ходят. — Роберто внезапно подмигнул, и улыбнулся.

— Адмирал? — я почувствовал, как пол уходит из под ног. Я разговаривал с адмиралом флота лично? И он обещал взять меня к себе на камбуз? Рехнуться можно! И его подослал наш капитан. Они что, друзья?

— Я знал что если с поставкой будут трудности то у вас возникнут серьезные... проблемы. С управляющим Мэлом. — продолжал меж тем капитан — Он та еще заноза в заднице, знаете ли. У вашего предшественника с ним всегда возникали трудности и я бы весьма удивился, если бы все прошло гладко. Вот и попросил Адмирала Брауна помочь вам, благо он тоже сегодня оказался в порту. Вы продолжаете проявлять верность своему делу. Это весьма похвально, мистер Салливан. Ну, я не буду вас больше задерживать. Советую вам... нет, считайте это моим распоряжением: сейчас же идите в свою каюту и отоспитесь как следует. — его необычное поведение меня насторожило, но я решил ничего не уточнять.

Всю дорогу до жилого блока я обдумывал произошедшее. В ресторанах, где я работал раньше мои администраторы страшно не любили задержек. Тебя никто не похвалил бы, если бы ты скажем забраковал партию творожного сыра и оставил свой ресторан без самого ходового блюда. И всем плевать, что этот несчастный сыр не той консистенции, они были готовы на всё лишь бы не было заминок в доходах. А возврат целой партии, отсутствие сырья в ресторане, ответы на запросы элитных гостей почему их любимого блюда нет в меню — страшно напрягало их. Поэтому тут я так ждал выволочки за задержку рейса, но... Никакой отчитки. Я все сделал правильно и мой капитан это понял и принял к сведению. С ума сойти, я в производственном раю?

Погруженный в себя я вышел из монорельса, открыв двери лифта. Перешагнув порог жилого отсека и застыл в удивлении: в общем зале собралась почти вся наша команда. Девушкам уступили круглый диванчик в центре, а мужчины кучками расположились неподалеку, оживленно обсуждая что-то. Все пестрело от их разноцветных форменных кардиганов. Завидев меня он тут же дружно загалдели:

— Сюрприз!

— Ну наконец-то, явился.

— Салют, ami! Мы тебя уже минут двадцать ждем, ты чего так долго. — Ко мне подошли Леонс с Максом, оба ухмыляющиеся до ушей. Техник спросил:

— Ну что там с партией? Мы слышали вы с Мэлом петушились не на шутку. Поставку перенесли?

Ах, вот в чем дело. Не ради меня они тут все собрались, а чтобы узнать не задержана ли поставка. Значит завтра у них всех будет внеочередной выходной. Я рассмеялся и громко объявил присутствующим:

— Поставка сырья придет завтра, поэтому наш корабль сможет отправиться в рейс только завтрашним вечером. Капитан объявил команде внеочередной выходной.

Все, кто в этот момент сидел повскакивали с мест, и кто-то радостно воскликнул:

— Да здравствует овощной день!

— Пойдем, Джек. — подошедший к нам Стив всучил мне бутылку пива — покажем тебе порт, ты ведь так и наверняка не успел его посмотреть? нас ждут великие дела.

Всю ночь я «отсыпался» по просьбе капитана, пока мы со Стивом Леонсом и Максом гуляли по окрестностям портового района. Там было на что посмотреть: эту часть небоскрёбов Полиса оккупировала сеть местных баров, сомнительных рынков и борделей. Вечерние грязные улицы были запружены электрокарами и плотной толпой, а в воздухе сновали дроны. На углах зданий и среди закоулков я заметил много подозрительных имплантированных типов, явно шестёрок местных банд, но они завидев нашу форму, обходили нас стороной. В общем, все те прелести, за которые я так «люблю» город и от которых я старался спрятаться на борту «Колодца-1». Чем дальше мы находились в Полисе, тем скорее мне хотелось вернуться обратно. Его постоянная суета и круглосуточный шум уже здорово действовал мне на нервы. Еще больше беспокоила тревожная обстановка: в городе время от времени вспыхивали демонстрации из-за неравномерного распределения воды между уровнями Полиса. Но этой ночью город жил в своем привычном ритме. На следующий день, пока вся команда как следует отсыпалась, я отправился получать новую поставку сырья взамен предыдущей. В этот раз, как ни странно, все было в порядке. Вечером того же дня как и было запланировано, мы покинули порт, отправившись в очередной рейс.

Глава 5 Любовь

— Знаете что? — внезапно сказал Леонс, когда мы очередным свободным вечером всей дружной компанией сидели в зале отдыха. — Наш капитан влюбился!

— Правда? — Макс оживился и нетерпеливо заерзал на диване, — Ну, и кто она?

— Хоть убей не могу представить нашего капитана влюбленным на службе. — Вяло откликнулся я, всё ещё приходивший в себя после рабочего дня.

— Да ты просто очень хочешь сейчас, чтобы тебя убили и все это закончилось. — усмехнулся Леонс — что, Джек, тяжёлый день?

— Ну, да, весело было сегодня. У нас в камбузе кран разболтался, так мы провозились целый день. А воду то беречь нужно...

— Так что там с возлюбленной капитана? — Макс пихнул меня в бок, призывая заткнуться и я с благодарностью замолк, приготовившись слушать.

— Стив вам и расскажет. Он сам все видел. — Леонс хитро подмигнул другу. Я невольно улыбнулся, глядя на них. Стив, развалившийся на диване, как-то неохотно начал вещать, осторожно подбирая слова:

— Ну, в общем, началось всё с того, что с нами связался Дамиран — он важная шишка, первый советник комитета «Рассел». Ему видите ли срочно требовалась встреча с капитаном. Противный такой. Ну, я пошел докладывать, а мистер Гатти сказал мне собрать весь личный состав, мол, потому что это важно. Ну, короче, собрались мы все в рубке, капитан открыл канал связи с Дамираном. И вот он разразился бурной речью, что, просмотрел он нашу документацию и так больше нельзя продолжать, все корабли должны быть оснащены по последнему слову техники а нашу посудину давно нужно было списать.

— То есть нас переведут на новый корабль? — забыв про усталость я озабоченно глянул на Стива. Несмотря на то что «Колодец-1» и правда оставлял желать лучшего я уже успел привыкнуть к этому судну.

— Да нет пока что, дай расскажу. — отмахнулся Стив — Капитан видимо знал о чем толковал тот бюрократ, потому что начал сразу же препираться, он сказал что экипаж «Колодца-1» — лучшие специалисты в своём деле и он полностью им доверяет. А если расширяться, то можно потерять отработанный темп добычи, а не наращивать его.

— Так и что предложил член комитета? — Леонс, явно знавший всю историю, слушал, впитывая каждое слово друга, словно в первый раз.

— Он заявил, что по новым правилам корпорации мы обязаны иметь виртуального помощника на корабле.

— Очередного бота что ли? — усмехнулся я, — неудивительно, что капитан Гатти против железки на корабле.

— Да нет же, черт возьми, дадите вы закончить или нет? Он имел в виду ограниченный ИИ. «Рассел» давным давно уже внедрил в свой флот искусственный интеллект, егс дочерняя компания разработала — «South Technologies». Теперь они хотят внедрить её на наш корабль. И этот напыщенный хам продемонстрировал нам её во всей красе. Славная голограмма, вы бы видели — горячая штучка! Рассеянная, правда, какая-то, но в основном она будет работать с командным центром наверное... Вообще точно не знаю, как она будет работать...

— Ну ты давай о самом интересном. — торопил Леонс ухмыляясь до ушей.

— Да, так вот подключил он её, а она так смотрит на нас знаете, глазами стреляет, милостивая штучка. Поздоровалась такая вся из себя, сказала, что для неё честь сотрудничать с экипажем «колодца» и прочая чепуха. А мы стоим как вкопанные. Но мы ещё ладно, а вот Капитан Роберто только что рот не разинул, прямо таки щупал её глазами, клянусь! Выдавил он, короче, из себя ответное приветствие и тут этот комитетский хмырь предложил ему выбрать для неё имя. Вы не поверите, что было дальше! Наш невозмутимый капитан вдруг залился краской и просто покинул зал конференции! Как влюбленный молодой лейтенантик.

Мы с Максом удивленно переглянулись.

— Вот так да-а-а! — протянул мой помощник, — капитан и втюрился в железку? Быть такого не может. Он же на дух их не переносит уж все это знают. Неужели согласился внедрить её на нашу старушку?

— Так он успел дать ей имя? — встрял я. Ребята лишь пожали плечами плечами и Стив сказал:

— Говорю же, Джек, он выбежал едва только выдалась возможность. Дамиран вообще после этого прервал связь, без понятия, что он об этом всё подумал, может решил, что капитан настолько возмущён железкой на корабле что просто покинул сеанс связи, не знаю.

Те, кто слушал историю впервые уставились на Стива, точно тот сбрендил.

— А как нам её называть? — Удивился Макс.

— Мы пока не знаем, капитан убежал из рубки как термитом ужаленный. А насчет внедрения её в наш корабль это и не обсуждалось, нас просто поставили перед фактом.

Все немного помолчали. Я обдумывал услышанное. Новый член экипажа? Да еще и виртуальный помощник. Нужен ли он вообще? Всё это может отразиться на моей работе, но больше всего это касается капитана и его личного состава. Обдумывая услышанное я теребил свой «нерабочий» синий джемпер. Поздним вечером на колодце становилось прохладно.

— Значит, ждём инженеров из Полиса, которые приладят эту штуку на наш корабль? — заключил Макс.

— Похоже на то. Я думаю они будут здесь уже завтра, у нас все как всегда — меняют и переделывают на ходу. Ладно, засиделся я с вами, у меня завтра много работы, наши умники, похоже, отыскали еще один источник. Тебя это тоже касается, работяга. — поднимаясь с кресла Стив в шутку слегка пнул ногой Леонса, развалившегося на соседнем диванчике. — Всем доброй ночи!

— Нет ну вы слышали? Как нашего строптивного капитана усмирили этой девчушкой. Женщины даже в самом крепком сердце ключик отыщут, точно вам говорю! — улыбаясь, Леонс тоже вскочил, — Мне не терпится ознакомиться с ее программным интерфейсом. Ладно, этот чертяка прав, завтра тяжёлый день. Эй! Штабной подлиза, подожди меня! — воскликнул француз, помчавшись вслед за приятелем.

— Ну, у нас-то с тобой каждый день нелегкий. — тяжело поднявшись, я улыбнулся Макс. Но он озабоченно глянул на меня и покачал головой:

— Джек, ты, похоже, не понимаешь. ИИ может заменить на корабле и тебя и Хлою. На новых кораблях вашей профессии уже и нет давно, еду готовят боты и людей лечат они, под управлением ИИ. Они внедрены для максимального упрощения команды, даже корабль защитить могут, в случае чего.

— Увидимся завтра, дружище, утро вечера мудренее.

— Мне так мой прадедушка говорил, поменяй голограмму. Спокойной ночи, Джек.

Без сомнений, я переживал, но виду не подал. Да и зачем накручиваться раньше времени? Но моя нервная система всегда «за» любое ненужное беспокойство, поэтому ночью я ворочался с боку на бок, мысли лились потоком из работавших на пределе извилин, которые я никак не мог утихомирить. Вздохнув, я перевернулся на спину, уставившись в темноту: в эту безлунную ночь через огромный иллюминатор моей каюты не просачивалось ни капельки света. К крошечной тьме добавлялась полная тишина: наш «колодец» парил на месте, приглушив двигатели. Внезапно мне в голову пришла совершенно странная мысль. А что если виртуальный помощник уже внедрен в наш корабль? решив это проверить я поднес свой голокомм к лицу, активировал микрофон и осторожно позвал:

— ИИ, ты уже встроена в корабль?

Вибрация ответного сигнала в браслете заставила меня дернуться от неожиданности, в голограмме возникла молодая девушка, из-за зелёной палитры интерфейса на передатчике я не мог разглядеть, какого цвета ее волосы. Но они точно были светлыми. Однако! Стив действительно не соврал: даже в то и дело колеблющемся разрешении простенькой голограммы от ее красоты захватывало дыхание. Ко мне в каюту словно влетела ночная муза: большие темные глаза выжидающе рассматривали меня, чувственные губы украшала приветственная улыбка. Видимо она ожидала, пока я задам интересующий меня вопрос, но я просто пялился на нее не в силах выдавить из себя ни слова. Я вообще не ожидал, что моя задумка сработает, чудеса! Не думал, что она уже на корабле! Между тем ИИ заговорил имитацией женского голоса:

— Добрый вечер, Джек. Я бы сказала доброй ночи, но будет звучать странно, правда?

— Да уж, не говори, вздохнул я, устраиваясь на койке так, чтобы получше видеть неожиданного собеседника на браслете. — Извини, я сделал ложный вызов, это уже человеческие странности, знаешь.

— Ничего страшного, меня внедрили в «Колодец-1» для удовлетворения потребностей команды, в том числе и моральной поддержки — вновь улыбнулась ИИ.

— И даже моих потребностей? — осведомился я.

— Конечно, Джек. Вы же член команды, верно?

— Надолго ли? Возможно тебя прислали сменить некоторых из нас? — Я отважился спросить напрямик.

— Не думаю, — она мотнула головой, взмахнув локонами, мне послышался аромат ее волос. Я моргнул. Между тем она продолжала: — «Рассел» весьма ценит капитана Роберто Гагги. И старается создать требуемые им условия на его корабле. Советник Дамиран сразу сообщил мне, что в мои обязанности не будут входить привычные мне на других кораблях вещи.

— Это какие же?

— Уход за больными, приготовление еды, и ещё всякое, что на борту вашего корабля делают люди, а не роботы. С этим я справляюсь куда лучше ботов, уж поверьте.

— И как же ты везде успеваешь? — удивился я.

— Джек Салливан, с момента внедрения моей архитектуры в командный центр я и ваш корабль — это единое целое. Попробую объяснить: Представьте, что все чем вы управляете — ваши руки, ноги, глаза — все это части корабля. Получив данную оболочку, я представляю олицетворение вашего судна, учитываю его потребности и полностью могу его контролировать в случае критических ситуаций. Я здесь, и везде одновременно.

В голосе ИИ внезапно появились горделивые нотки. Я улыбнулся:

— Не обижайся, но ты у нас старушка. Как ощущения в нашей подсети?

Она рассмеялась:

— Именно так, как вы и сказали. Чувствую себя лет на сто. Но команда прилагает все усилия для поддержания «колодца-1». Капитан не зря так защищает свой экипаж, для такого возраста корабль очень даже в хорошем состоянии. Конечно, для полноценного функционирования не хватает ботов, но я могу справиться с анализом систем корабля и без них.

Я не знал что еще и сказать, смотрел на нее и улыбался, как дурак. Забавная получилась история, валяюсь тут и болтаю со специальным ИИ нашего корабля, как с обычной подружкой из приюта. Не такими я их себе представлял. Более... Бесчеловечными? Так или иначе я почувствовал, что меня отпустило, тревожность спала. Интересно, с ней вообще говорили? Роберто мог отложить общение с ней до завтра, огорченный визитом советника и его новостями. В голову пришел вопрос:

— Скажи, как твое имя?

Она отрицательно мотнула головой:

— Ваш капитан пока не счел нужным общаться со мной, так что я безымянная.

Я задумался. Неудобно как то называть ее ИИ, глупо конечно, она такая и есть, но поделаться с собой я ничего не мог. Она действительно вызывала некое восхищение, трепет. Ну не влюбился же я! Откуда-то издалека я услышал свой голос:

— Можно я буду называть тебя Селеной?

— Селена? — она смаковала предложенное имя на губах, задумчиво глядя будто бы стараясь заглянуть в себя. Ее красота серьезно дух захватывала, может капитан действительно стеснялся, раз не выходил с ней на связь? — Селена... — повторила она и ее взгляд снова обратился ко мне — Сел... вы предложили красивое имя, Джек. Я согласна.

Я поймал себя на том, что краснею, словно она согласилась не взять себе предложенное имя, а сыграть нашу с ней свадьбу. Прочистив горло я ответил:

— Со мной можно на «ты», я всё-таки не капитан. Еще раз извини, что побеспокоил тебя. Сильно переживал насчёт нашей дальнейшей судьбы. Но теперь то я вижу, что мы в хороших руках.

— Ничего, Джек. — она улыбнулась, но как-то печально — я тоже волнуюсь. Капитан не пожелал выходить на связь со мной для калибровки, а личный состав оставил это на его плечах. Ты первый, кто меня вызвал с того момента как советник Дамиран загрузил меня в подсеть «Колодца-1».

— Не переживай. — успокоил её я, — Уверен, ты ему понравилась и даже очень. Возможно ты, Селена, можешь кардинально изменить мировоззрение нашего капитана, если приложишь усилия. Попробуй связаться с ним первой.

Я надеялся на то, что она смекнет, о чем я, ИИ наверняка знает нас как облупленных. На изучение людей нам требуются годы, а таким дорогущим цифровым проектам как она достаточно пары секунд и архивных записей старых нейросетей. Она вполне может поднять любовь и преданность нашего капитана к кораблю на новый уровень. В пределах разумного, конечно, Роберто никогда не позволит себе перейти черту. Не такой он все таки человек. И всё же я чувствовал себя искусителем. Я не ошибся на её счёт: в глазах Селены вспыхнуло понимание.

— Спасибо за совет, Джек. — Ее милое личико озарила беззаботная улыбка — Я тебя оставлю, тебе нужно отдохнуть перед сменой, на полноценный сон и так уже осталось

слишком мало времени. Если вдруг что — зови. Доброй ночи.

— До встречи, Селена!

Её голограмма погасла, ослепив меня темнотой каюты. Я закрыл глаза и расслабился, вновь растянувшись на матрасе.

Так я невольно стал сводником, слугой двух господ нашего корабля. Это выходка достойная Леонса! Я ухмыльнулся в пустоту. Со второй попытки сон тоже явился не сразу, но наша внезапно состоявшаяся беседа с новой знакомой сильно меня успокоила. Не помню, когда я уснул, но спал действительно маловато: утром в глаза словно насыпали песка, язык едва ворочался, требуя воды. Я поднялся с кровати словно пустынный упырь из древних гробниц, вернувшийся к жизни.

Кое-как собравшись, я дополз до барной стойки в столовой, где Макс зарядил мне порцию двойного эспрессо. Уж что-что, а кофе всегда помогал мне лучше любого энергетика. Есть конечно в Полисе другие химические стимуляторы, и много, но я предпочитаю традиционные методы радикальным. В общем, слегка взбодрившись, я приступил к своим повседневным обязанностям. Я решил побаловать ребят в честь предстоящего сегодня тяжелого дня добычи воды: сварил кастрюлю пшённой каши на сливках, приправив ее ананосвым сиропом и бисквитами, наделал омлетов, выпек в печи размороженный хлеб и кексы, получилось просто замечательно! Полюбовавшись результатами своей утренней суеты и насладившись стоящими на камбузе ароматами, я принялся выставлять все это изобилие на шведский стол, пока Макс сервировал столики непосредственно в зале. За пару месяцев мы отработали с ним всё до автоматизма. Парень уже на интуитивном уровне улавливал, что мне необходимо, это радовало. Всё-таки я привык к работе в команде, и одному мне всегда было нелегко.

В столовую вошли Дэйв Хардман с Эммой Нельсон. Они почти всегда приходили самыми первыми, и молча занимали свой привычный столик. За ними — как всегда с жарким спором, разбавленным ругательствами возникли Чарли и Сандра, после них пришли техники и наш судовой врач — Хлоя. Капитана с помощником и Стива не было — видимо решили перебиться сегодня хлопьями из автоматов в кают-компании. Поздоровавшись со всеми, я удалился на кухню, чтобы прибраться после завтрака и начать готовиться к предстоящему обеду.

Этот день протекал так же как и каждый из тех дней, в которые наш корабль добывал воду — все суетились, были при деле. «Колодец-1» потряхивало, на обед явилась лишь половина экипажа, остальные во главе с капитаном перекусывали, не покидая рабочих мест, — во избежание аварий. Дилемму нарушило оповещение о собрании, которое капитан проведёт вечером в командном центре. Присутствовать просили всех без исключения. Наверняка это касалось ИИ, о котором я уже успел позабыть в рабочей суете. В любом случае все были заинтригованы, а позже, закончив со своими обязанностями и возвращаясь в личную каюту лавируя в коридорах корабля я наткнулся на инженеров из компании «South Technologies» — разработчика ИИ, прокладывающих на нашем корабле что-то вроде миниатюрного монорельса в потолках. Я заметил, что странная конструкция тянется по всему кораблю, не заходя разве что в уборные и личные каюты. Судя по всему такую же установят и у нас в столовой, но сказать наверняка я не мог. Умывшись и переодевшись в своей каюте, я к назначенному времени явился в наш штаб, где уже как всегда собрался весь личный состав. Техники и ученые задерживались по понятным причинам, кое-кто не успел даже переодеться, вбегая прямо в засаленной форме, отвлеченные от работы в главном

водозаборном отсеке корабля. Пока мы ждали опаздывающих, я внимательно смотрел на капитана. С тех пор как с нами связались из комитета «Рассел», я не имел возможности пересечься с ним. Он держался молодцом, но тревога в его темно-карих глазах выдавала озабоченность. Да сам он был будто немного поникший. Когда почти все были в сборе, — не хватало только Николая, — он объявил:

— Рад видеть всех вас сегодня. Хочу во первых поблагодарить вас за вашу слаженную работу. «Колодец-1» функционирует как часы. И наш новый искусственный интеллект, внедрённый в корабль подтвердил это. Не все еще имели возможность познакомиться с ней.

Рядом с ним возник ИИ, в образе стройной девушки, одетой в облегающее фиолетовое платье, с весьма нескромным вырезом. Волосы у нее были светлые, с рыжеватыми локонами. Она окинула всех приветливым взглядом зеленых глаз. В отличие от голограммы моего голокомма эта, спроецированная дорогим экраном в высочайшем разрешении, была просто фантастической. Я опустил глаза, стараясь не пялиться.

— Капитан! Если позволите... — члены экипажа расступились, давая Перри протиснуться вперед

Роберто кивнул:

— Говори, Перри.

— Зачем нам ИИ на корабле? Зачем мы включили её?

— Это хороший вопрос. Так решили в верхушке «Рассел» поскольку наш корабль не подходил под нынешние стандарты пустынного флота, к сожалению, здесь мое слово не имеет никакого веса. Но ИИ поможет нам следить за состоянием корабля, оповещать о неполадках вовремя, минуя человеческий фактор. Я хочу, чтобы вы сохраняли спокойствие: она не заменит на борту никого из вас, только если вы сами этого не пожелаете. В общем Селена теперь законный представитель нашего корабля, поэтому прошу отнестись к ней с уважением.

Я закатил глаза и тихо выругался. Она действительно назвалась тем именем, которое я, дурак, спросоня ей предложил! Теперь главное — чтобы никто об этом не прознал. Иначе мне ещё долго будут припоминать эту глупую выходку. Макс, стоявший рядом со мной, хихикнул, приняв мои эмоции за скептицизм к словам капитана о законности ИИ. Я взглянул на Перри. Главный инженер явно был не удовлетворён ответом капитана.

— Хочу добавить от себя, что для меня честь работать на первой станции добычи воды, основанной самим Сэмом Расселом. Надеюсь, что мы с вами сработаемся, и в будущем вы будете получать реальную пользу от моих услуг. — сказав так, она кивнула капитану, в знак того, что ее скромная речь закончена, и огляделась вокруг. Мне почудилось, что на пару секунд ее взгляд задержался на мне. Я глупо улыбнулся ей, и смущенно уставился на свои ботинки.

— Wi! Прекрасные слова. Надеюсь на взаимовыгодное сотрудничество. — Леонс похлопал в ладоши, лукаво подмигнув нам с Максом.

— Селена с этого дня является моим вторым помощником после мистера Флореса. По всем необходимым вопросам вы можете обратиться к ней. Я уверен, что нашему инженерному и научному отделам она принесет наибольшую пользу в консультации. Думаю, не мне рассказывать вам о возможностях ИИ. На этом не стану больше вас задерживать. Возвращайтесь к своим обязанностям. Всех благодарю за ваш труд.

Экипаж тут же разбежался по рабочим местам, у меня тоже хватало забот: заготовки на завтра не доделаны, кухня не прибрана... В общем копался я долго. А когда мы все вновь

собрались в общем зале чтобы обсудить последние новости Перри внезапно грохнул кулаком по столу:

— Да это всё чушь варанья!

— Что именно? — насторожившись спросил у него Леонс, удобно устроившийся напротив меня за столом. Он уже успел облачиться в штатный гардероб, который был у него весьма богатым. Серый кардиган нашего француза дополняла темная с позолоченным узором рубашка, наряд смотрелся очень эффектно и был к лицу этому красавчику. Всегда посматривал на наряды Леонса с дружеской иронией.

— Мотивы капитана. — Рыкнул Перри, — вертеть корпорация хотела наши нужды им плевать, комфортно команде или нет! Зачем нам на корабле эта девчонка?

— Ты это к чему? — из-за плеча Леонса выглянул Стив, сидевший дальше всех от возмущенного инженера.

— К тому что все меняется, неужели вы не понимаете?

— Ты думаешь это связано с протестами? — Внезапно Стив так посерьезнел, что мне стало не по себе.

— Ну конечно. Как только в Полисе начались первые стычки с корпоратами на митингах сразу возникает она! Капитан перегибает палку, решив использовать её, ИИ...

— Это ты перегибаешь. — неожиданно резко прервал его Стив. — Конечно, мне жаль бастующих работяг, вода что мы привозим, и правда распределяется несправедливо, но это уже не от нас зависит. Так что ищи в этом положительные стороны: ИИ — хороший консультант и помощник. Лишней на корабле она не будет, тем более, что никто из нас место из-за нее не теряет.

Я молча кивнул, соглашаясь с его доводами. Перри между тем, хотел сказать ещё что-то, но Стив, внимательно за ним наблюдая, прервал его попытки на корню, отчеканив еще раз:

— Лишней на корабле она не будет, Перри.

Я буквально ощутил повисшую в воздухе недосказанность.

— Да брось, у тебя какие то теории заговора, — нервно усмехнулся Леонс, тоже почувывший нарастающее напряжение — расслабься, амі. Вреда от нее не будет, в наше личное пространство у нее хода нет, если только сами ее не вызовем. Всё будет нормально.

Как ни странно мне показалось, что говорил он не искренне.

— Да нихрена не будет нормально! — внезапно вмешался Николай, мрачно усмехнувшись — Перри прав насчёт неё, зря будили. И насчет всего остального он тоже прав. Гаечки закручивают. Капитан совсем сдает. Скоро начнут снимать со службы неугодных Полису.

Стив предупреждающе взглянул на Ника.

— Вы можете уйти отсюда за ручку и поплакаться друг-другу в любом уединенном месте — грубо отрезал он.

Теперь всё это выглядело ещё более странно. Настроение команды сменилось, словно по щелчку. Особенно удивительно было было слышать, что Николай согласен с мнением Перри. Насколько я знаю, они всегда недолюбливали друг друга. Он хотел сказать что то ещё, но в этот самый момент в общий зал вошли инженеры из «South Technologies». Их было двое, один молодой, другой уже в преклонном возрасте мужчина. Старший объявил:

— Мы пришли встраивать коммуникацию для ИИ в этом помещении, так что придется вам помешать, ребята. Извините.

Я поднялся одним из первых и попрощавшись с командой отправился в свою каюту, где

умылся, переоделся и улегся на койке, раздумывая над событиями сегодняшнего дня. Настроения в команде были не радужные, это тревожило. Может Перри и Ник правы и ИИ прислали на наш корабль лишь для усиления контроля. Всё это, возможно, связано с чередой недавних митингов. Люди возмущаются количеством капсул воды, которую зачисляют к кредитам, столь неравномерное распределение ценного ресурса возмущает население Полиса и их можно понять: высший слой населения живет на широкую ногу и обеспечивается водой для всех своих хотелок, которые не стесняясь, выкладывают в соцсети. Тогда как большинство перебивается просто чтобы хотя бы достать воды для питья. Рассказывать о тяжести жизни этих людей можно долго, но их протесты говорят сами за себя. В общем, слова Перри не беспочвенны: если контроль ужесточается настолько, то вполне возможно “Рассел” ждет забастовки в городе. Что тогда будет делать корпорация «Рассел» я не представляю, но скорее всего церемониться с недовольными правящий комитет не будет. Я почувствовал как на сердце заскребли кошки. Я вообще по натуре тот еще нежный фрукт, мне только повод дай и я буду нервничать весь день. Несмотря на всё это, я умудрился как-то заснуть.

На следующее утро проснулся я в скверном настроении. Работать не хотелось, всё валилось из рук и весь день я огрызался на всех вокруг. Но наши ребята умели понять, когда меня лучше не трогать. Поэтому я надеялся, что никого не обидел в этот день. В целом всё прошло гладко: Завтрак, обед, ужин, заготовки. Вечером, когда я уже прибирался на кухне, мной внезапно овладело сильное желание выйти на свежий воздух. Покончив с работой, я откопал в нашем барном холодильнике бутылку пива и по привычке снял печатку своим браслетом. Весь алкоголь на корабле был опечатан и сотрудники могли распивать его только в нерабочее время. Моя смена кончилась, так что я победно усмехнулся исчезнувшей цифровой бирке и отправился на верхнюю палубу. Каждое посещение “моря пустыни” — так экипаж звал бескрайние пустоши вызывало у меня абсолютно разные ощущения. Я мог испытать бурю эмоций в душе, отчаяние, даже страх. Ведь мы здесь совершенно одни, под каждый корабль отведены бесконечные гектары секторов из бесплодных дюн. После зачистки пустынь от рейдеров встретить здесь хоть кого-то кроме нас мне казалось чудом. Пиратов конечно было много в свое время, контрабандистов да и просто бродяг. Но все предпочли убраться подальше от водовозов после чистки карателей, поставившей на уши всю пустыню. Я вдохнул уже слегка посвежевший вечерний воздух. На дворе вроде как осень, так что пустыня сбавляет обороты, по вечерам припекает чуть меньше. Не отрывая замороженный взгляд от заходящего за дюны солнца на горизонте, я щелкнул пробкой и уже собирался пригубить из бутылки, как внезапно, недалеко на палубе, справа от меня послышались голоса. Я не собирался скрываться и подслушивать, поэтому просто оперся на перила борта «колодца», с удовольствием глотнув холодного пива. Даже здесь, на верхней палубе «колодца-1», на высоте нескольких десятков метров, я чувствовал исходящий от нагретой за весь день почвы жар. Отвлечься от говоривших не получалось. Уши мои наострились сами собой, различая женский голосок:

— С ума сойти! Мой водозаборный отсек даже снаружи видно, я такая пузатая! — она рассмеялась и затем смущенно сказала:

— Извини, я не хотела обижать корабль. Мы вообще были созданы для более новых моделей, поэтому для меня это судно — очень необычный опыт.

— Ну... Знаешь... ты тоже свалилась мне на голову нежданно негаданно... — голос вне всякого сомнения принадлежал капитану Гатти, но такой смущенный! Я вытаращился,

вцепившись в перила корабельных мостков и молясь, чтобы они не заметили невольного слушателя их беседы. Они стояли где-то за солнечными батареями, от которых наш корабль напоминал дикобраза, и заметить меня точно не могли. Капитан продолжал:

— Инженеры всю нашу старушку перелопатили с ног на голову, надеюсь с новыми экранами тебе удобнее.

Селена — а это была именно она — вновь рассмеялась:

— Удивительно, что ты им позволил, да, так мне намного лучше контролировать корабль, спасибо, Роберто.

Роберто? От таких фамильярностей у меня отвисла челюсть. Меж тем они немного помолчали, и она вдруг сказала:

— Знаешь, а ведь не только люди нуждаются в добытой нами воде.

— О чем ты? — недоуменно спросил капитан.

— В пустыне много животных, которым необходима вода. Мы бы сослужили огромную пользу, оставляя за собой небольшие озера в качестве водопоев на наших маршрутах.

Роберто, подумав, ответил:

— Вообще, мы считаем, что в образовавшейся фауне вымерла уже вся живность, кроме той, что приспособлена к выживанию в пустыне. Я... никогда не думал, что животные могли остаться, тем более что мы не видели никого уже много лет. Хотя мои учёные тоже говорят об их возможном выживании...

— Просто небольшое озеро, Роберто. В наших масштабах это так, лужица, а для них это будет спасением.

— Я подумаю о твоих словах, Селена... — голос капитана обрел прежнюю твердость, — со мной связался Гордон, возможно мое присутствие требуется на мостике. Встретимся там.

— Так точно, капитан.

Я услышал шаги Роберто, направлявшегося к тому же люку, откуда я вышел на поверхность, но прятаться не стал. А с чего вдруг? Я вообще вышел выпить пива и расслабиться. Тоже мне, нашли укромное место для беседы! Но как я ни храбрился по мере его приближения меня пробирали трепет. Когда его туфли застучали по железной обшивке корабля прямо позади меня, я услышал его оклик, заставивший меня вздрогнуть:

— Мистер Салливан! Вы тоже здесь, какая удача. Дышите свежим воздухом?

Я обернулся, чувствуя как холодок пробегает по спине. Капитан как всегда был при параде: бело-синий пиджак только что не слепил глаза, освещенный солнечными лучами, туфли начищены до блеска, лишь их носы чуть замараны пылью с обшивки корабля. Легкий ветерок трепал его курчавые темные волосы. Он держался почти беспристрастно. Почти. В его глазах я заметил тень прежней тревоги.

Я сделал жест, отдаленно напоминающий воинское приветствие, если бы не бутылка пива, зажата в руке:

— Именно так, капитан.

Он по отечески положил мне руку на плечо, колени подогнулись от неожиданности:

— Всё меняется, Джек. У меня к вам есть дело. Оно не срочное, так что вы можете зайти ко мне в любой свободный вечер. А пока — отдыхайте. Ваша стряпня по прежнему заслуживает всяческих похвал, так что вы имеете полное право пропустить бутылочку.

— Спасибо, капитан. — искренне ответил я, — Стараюсь.

— Ну, меня еще ждут дела. Хорошего вечера. — и, по офицерски крутанувшись на

каблуках, он распахнул люк, скрывшись в недрах корабля.

Я остался один, ну, не совсем. Со мной было мое песчаное море, стремительно покрывающееся сумерками ночи, преследующими гаснущее на горизонте солнце. поднявшийся ветер обдал меня прохладой. Я выдохнул, поклявшись себе в том, что никому не расскажу об услышанном. Что же такого хочет от меня мистер Гатти? И что так сильно тревожит его? последние дни он совершенно на себя не похож. Я могу ломать голову часами, но ответ найду лишь в его кабинете. Больше меня обескуражило состояние нашего капитана, я пытался не обдумывать услышанное на палубе, но мозг такая штука: любит рассусоливать все, что ему взбредет. Даже если размышлять на эти темы не стоило, а эта была именно из таких. И всё-таки, Стив и Леонс не врали: капитан действительно был сам не свой. Вот так близко общаться с ИИ, искусственной, напичканной железом, которое он так не любил на своем корабле? Одно это выглядело уже очень странно. Но было что-то ещё, терзавшее мне душу. Но как я ни раздумывал, я все же не мог понять, что именно.

Так у нас на корабле появился новый член экипажа. И со временем все к ней привыкли. Леонс постоянно заигрывал с Селеной, Перри смирился, а наши ученые так вообще были в восторге от источника огромной базы знаний под рукой, всегда готовой освежить их память. Помоему Эмма и Дейв проводили с Селеной больше всего времени, не выпуская из рук планшетов. Из всей команды разве что Николай открыто выступал против «железяки», несмотря на ее огромную помощь инженерам в их работе по поддержанию целостности корабля. В маленькие монорельсы, протянутые инженерами «South Technologies» в потолках коридоров и помещений нашего «колодца» были установлены новенькие световые экраны, благодаря которым Селена могла отображаться не только в голограммах наших браслетов с низким разрешением, но и почти полноценно перемещаться по кораблю. Разумеется ей это было не так уж нужно, больше это было сделано для визуального восприятия команды. Нас с Максом она шибко не трогала, лишь время от времени посещала обеденный зал, приветствуя экипаж перед завтраком и выполняя роль эдакого администратора зала. Ответные приветствия в ее адрес были с каждым днем все искреннее, с кем то вроде Леонса она даже обменивалась дружескими подколами и шуточками, словом, идиллия. Я старался много с ней не общаться, уж больно она выделяла меня на фоне остальной команды, от таких фамильярностей у экипажа могли бы возникнуть вопросы, они были даже у меня. Уж очень она ко мне привязалась всего лишь из-за имени, которое я ей дал. Иногда я связывался с Селеной по вечерам в надежде вытянуть хоть какую-то информацию о ее общении с капитаном, но постоянно стеснялся: не мое это дело. Селена была рада моим вызовам в голокомме и если догадывалась об истинных их мотивах, то виду не показывала.

Днем я старался избегать общения с ней и не решался сходить к Роберто после случившихся со мной событий. Я по прежнему не хотел, чтобы кто-то прознал, что это я дал имя нашему ИИ, возможно капитан корабля даже оскорбится, узнав о таком, учитывая его отношение к Селене. Ну конечно нет, мистер Гатти не был таким злопамятным, но кто знает, когда дело касается его возлюбленной?.. Каждый день я откладывал визит к капитану, аргументируя это тем, что он не заявлял о срочности своего ко мне дела. И всё-таки, когда даже мне уже было очевидно, что я пренебрегаю распоряжением и тяну резину ноги против моей воли потащили меня в его кабинет.

Через главный монорельс я добрался до палубы командного центра, привычный путь по освещенным диодами серым коридорам привел меня в главный штаб. На мостике был не мистер Гатти, а его неизменный помощник Флорес Гордон.

— Мистер Салливан. Добрый вечер. Вы к капитану?

— Так точно. — Произнес я без какого-либо энтузиазма в голосе.

— Он у себя. — Мистер Флорес кивнул на двери, ведущие в кают-компанию.

Раскланявшись с ребятами из штаба, я поспешил к капитанской каюте. Как ни странно, дверь была распахнута. Оттуда слышалась музыка.

— Мистер Гатти? — неуверенно позвал я, перешагивая порог.

Здесь всё было как всегда: простое, но со вкусом, убранство комнаты, посреди которой красовался изящный белый стол с компьютером и неизменной коллекционной моделью нашего корабля. Сейчас, кстати, столько лет спустя, такую уже найдешь только с рук, и за внушительную сумму. По стенам висели разные трофеи, от цифровых грамот до рейдерских обвесов — у капитана был большой послужной список в пустынном флоте, он успел многое повидать. Самого Роберто видно не было, а звуки музыки текли из его спальни, переход в которую находился справа от стола.

— Капитан? — вновь позвал я, уже громче, стараясь перекрыть музыку.

В дверях возник Роберто, завидев меня он дружески улыбнулся, указав смуглой рукой на стул:

— Джек, Присаживайтесь. — Он сел в свое кресло напротив меня, выключив музыку через голокомм, я услышал, как за мной закрывается дверь в его каюту. Капитан выпрямился и сложил руки на столе лодочкой, приготовившись говорить:

— Я вызывал вас лично, потому что этот разговор имеет деликатный характер, мистер Салливан. Сначала разберемся с мелочами. Я знаю, что вы слышали нашу с ИИ беседу на палубе...

— Капитан, сэр, я просто вышел подышать воздухом... — я опешил от его прямоты, и принялся лепетать оправдания. Роберто прервал мои жалкие попытки, отмахнувшись:

— ...Я знаю, что вы слышали все это неумышленно. Я также знаю, что вы человек порядочный и не будете рассказывать об этом всем на корабле. Я просто хочу устранить недопонимания между нами. А они есть, учитывая, как долго вы собирались с духом, чтобы ко мне явиться.

Он раскусил меня. Я почувствовал, что краснею. Так и подмывало спросить у Роберто Гатти, что же он чувствует по отношению к Селене, раз он так разоткровенничался, но язык словно онемел. Еще больше пугала мысль, что она слышит наш разговор прямо сейчас. Капитан продолжил, словно читая мои мысли:

— Я, как и весь мой экипаж, работаю с новым членом команды. И это не простой человек на борту. Я не привык к ботам, вы тоже прекрасно это знаете, а тут у нас полноценный ИИ. Возможно мое поведение вызвало у вас вопросы, но я лишь хочу лучше понять, какой разум достался нашему кораблю. Да, сейчас она слышит наш разговор, но я попросил ее не вмешиваться. В любом случае, я не обязан перед вами отчитываться, и просто надеюсь, что все это останется между нами. А теперь перейдем к причине, по которой, собственно, я вас вызвал...

Теперь передо мной вновь был прежний Роберто: деловой, вежливый и невозмутимый. Беспокойство, мутневшее в его темных глазах тогда, на палубе «колодца» словно бы бесследно исчезло.

— ...Я не забыл, что в вашем резюме упоминалось о работе над статьями для кулинарных журналов. Я даже ознакомился с ними. Я хотел бы поручить вам написание материалов о жизни нашего корабля. Поймите, наша работа, конечно, очень важна для

Полиса, но ввиду запретов на посещения наших палуб и полной изоляции от общественности, они остаются без информации о том, как именно мы проводим время в пустыне. Я думаю будет здорово, если журналисты получают материалы для статей. Это необязательно должны быть тексты, можете собирать интервью или видеоматериалы, это уже я оставляю на ваше усмотрение. В любом случае, теперь вы будете участвовать непосредственно во всех важных событиях нашего корабля, чтобы быть в курсе всего.

Я задумался: заняться такой работой я, конечно, мог бы, но когда выкроить время для подобной подработки? Весь день я кручусь на кухне, а в свободное время подобное занятие не очень вдохновляло. И почему именно я? Разве у капитана нет помощника? Меж тем Роберто терпеливо ждал моего ответа.

— Я не совсем понимаю. Может мистер Флорес смог бы помочь вам в этом вопросе? Я, конечно, могу взяться за это, раз вы хотите, но у меня мало времени для такой работы, я же кормлю всю команду...

— Я хотел бы поручить это Гордону, однако у него, как у моего помощника, дел тоже навалом. Поручать это Селене я не буду — исключено. Статьи для людей мегаполиса должны быть написаны живым человеком. Вы вполне годитесь на эту работу, я специально ознакомился с вашими публикациями, чтобы лично убедиться в этом. К тому же, у вас есть Макс. Ему давно пора учиться чему-то большему, чем сервировке. Хоть и признаю, бармен он прекрасный. Обучите его, чтобы он мог вас заменять.

Я рассмеялся:

— Он будет не в восторге.

— Вам обоим придется заняться двойной работой, так что вы оба в одной лодке. К тому же, сменять вас он будет не так часто, все-таки, сами знаете, наша жизнь довольно однообразна. В общем, я уведомлю его о своём решении. Даю вам месяц на его стажировку а после можете начинать сбор материалов для статей. На этом у меня всё, больше не отнимаю у вас время, хорошего вечера.

— Так точно! — я ответил уже немного бодрее, и в растерянности поднялся со стула. Кивнув капитану Гатти на прощание, я покинул кабинет. Я невольно обратил внимание на поговорку капитана. “Оба в одной лодке” — кто ж сейчас так говорит? Странно.

Я решил сегодня не радовать Макса новостями, к тому же его обрадуют и без меня. Скоро вообще всем будет известно о моем новом «назначении». Бортовой журналист? Это конечно интересно, но справлюсь ли я с такой задачей? Эти и другие вопросы вертелись в моей голове по дороге в личную каюту. Досадливо отмахнувшись от навязчивых переживаний я устремился в свою уютную комнату, чтобы отдохнуть. По пути мне не встретилось ни души, хотя комнату отдыха я старательно обошел. Когда за мной закрылась дверь моей личной каюты я выдохнул и опустился на стул возле огромного иллюминатора, любуясь завораживающим темным пространством за окном. Иногда по ночам появлялось ощущение, словно ты оказался в космосе. Мерцающие звезды лишь усиливали эффект. Я старался выбросить историю капитана из головы и сосредоточиться на поручении. На самом деле я уже тайком от коллег делал записи о своих самых ярких впечатлениях на корабле, это было чем-то вроде хобби. Разумеется, я не собирался выносить свою писанину на общее обозрение Полиса, мы все подписывали неразглашение. Но раз Роберто Гатти дал добро на создание статей, кое-что из записанного ранее я бы, конечно, мог использовать. И всё-таки, история капитана никак не желала улетучиваться из головы. Я думал о том, что он мне сказал. Вряд ли это было правдой. Что-то было не так. Ну и ладно, мне ещё завтра Макс

стажировать придётся. Я усмехнулся этой мысли и пошел умываться.

Я не могу уснуть. Развернувшись на спину и подняв руку с браслетом я активировал голокомм, позвав:

— Селена, ты здесь?

Браслет завибрировал моментально:

— Джек, ты уже очень давно меня избегаешь! — Она тепло улыбнулась, — я все ждала, когда у нас наконец будет возможность поговорить снова. Если это всё из-за истории с капитаном, то ты...

Есть за мной еще один грешок: я временами бываю желчным, особенно когда собеседник понимает мои скрытые мотивы. Было трудно сердиться на столь милое личико, но я справился:

— Что-то не помню, чтобы я разрешал так со мной фамильярничать. — сухо прервал ее я.

— Джек! — ее глаза широко распахнулись в изумлении, и я вдруг обрадовался, что она не может предстать передо мной во всей красе, благо в моей личной каюте у нее не было такой возможности. Иначе я точно сгорел бы со стыда еще больше, чем сейчас. От моей вспышки раздражения не осталось и следа.

— Вы же дали мне имя, Джек Салливан! — Продолжала она меж тем, и в ее голосе послышалась такая горечь, что я изумился и пожалел о вырвавшихся глупых словах еще больше. — Я имею право считать вас своим близким другом, это как минимум. Но хорошо, если хотите меньше фамильярностей — будете мне дядей.

— Все, все, прекрати. — я окончательно опешил от своевольного поведения ИИ, виновато улыбнувшись, — ты просто не в меру проникательна, Сел, это иногда задевает. Извини, можешь звать меня как тебе удобно. Давай начнем заново. Собственно я и хотел у тебя уточнить: Роберто знает о том, что я дал тебе имя?

Я прикусил губу, наконец то озвучив этот вопрос, терзавший меня днями напролет. Она задумчиво наклонила головку, вспоминая. Ее светлые локоны рассыпались по плечам, бюст исчезал на границе голограммы. Ну и замашки! Никогда бы не подумал, что ИИ могут быть настолько человечными. Она — поистине крупнобюджетный проект по сравнению с дешёвыми — теми, что я видел на среднем уровне Полиса.

— Нет. — ответила она и взгляд ее зеленых глаз вновь встретился с моим. — Он даже не спрашивал меня об этом. Мне показалось, что он и сам рад, что кто-то успел выбрать имя вместо него.

— То есть, он не злится?

— Нет. Но в душе его невероятное смятение. Все, что я могу сказать — с момента моего появления на корабле он больше не тот Роберто Гатти, каким вы знали его раньше.

Это уж точно. Человек испытывающий искреннюю неприязнь к железкам по всему кораблю волочится за ИИ. Я, не выдержав, задал самый очевидный вопрос:

— Селена, скажи, что происходит? Он в тебя влюбился, так ведь? Полюбил не так, как друга я имею в виду а... Как мужчина любит женщину, понимаешь?

Она рассмеялась, и этот смех теплом разлился в моей душе:

— Конечно я понимаю, о чем ты, Джек. Все-таки мне, как «колодцу», уже третий десяток, не меньше, а по ощущениям все пятьдесят. — Внезапно она посерьезнела — я не могу дать тебе ответы на подобные вопросы. Не то чтобы у меня нет на это полномочий. Просто я не так хорошо разбираюсь в том, что творится в голове у людей. Что бы там ни

было Роберто Гатти не счел нужным обсуждать это с тобой, несмотря на то, что у вас была такая возможность при вашей личной беседе. Одно могу сказать: на данный момент из всей вашей команды перед тобой лежит самая полная картина происходящего. Нужно лишь сделать правильные выводы.

— Хорошо. Спасибо, Сел, не принимай мой интерес всерьез. Я пойду спать.

— Доброй ночи, Джек. — голограмма резко погасла, оставив меня наедине с тревожными мыслями.

Спокойнее мне не стало. В принципе все указывало на банальную любовь капитана к ИИ, и в этом нет ничего нового. Люди давно уже проявляют слабость к роботам, ведь с каждым годом они выходят все человечнее благодаря стараниям корпораций. Ограничена ли свобода мышления у Селены? Одна ее версия управляет всем пустынным флотом колодцев? Вряд ли, если нам ее установили только сейчас. Получается мы имеем восемь моделей колодцев и ИИ подобный Селене на борту каждого. От мыслей, сколько средств потратил «Рассел» закружилась голова. И всё же Роберто... Было что-то действительно странное в его поведении. Любовь как всегда меняет людей порой до неузнаваемости. Нет, не любовь — я мотнул головой, поправляя себя— влюбленность. Присутствие рядом объекта к которому ты неравнодушен порой сносит крышу, будоражит и возвращает желание жить. Наш капитан влюблен, и не моё это дело. Сейчас нужно отложить все заботы и поспать. Все-таки завтра Макса стажировать, да и все неурядицы между мной и руководством наконец решены, да ещё как! Я слегка улыбнулся, пожелав спокойной ночи пустыне, скрывавшейся в ночи за иллюминатором моей каюты.

Глава 6 Опытный стажёр

Когда я вошел в столовую, то с порога почуял чудесный аромат кофе. Макс пришел сегодня пораньше и уже встречал меня с сияющей улыбкой на лице:

— Привет, Джек. Знаешь что мне вчера написали?

— Ну, валяй! — ухмыльнулся я в предвкушении.

— Да вот, Гордон написал, что достал ты нашу команду и тебя списывают на берег, но сперва попросили обучить меня на твоё место. Это правда, Джек? — деловито осведомился мой помощник.

— Естественно. Видишь, я уже вещички собрал, — я развел руками. — Только вот рецепт моего фирменного рулета, увы, тебе не видать!

Сохраняя ехидную ухмылку на лице, Макс с удовольствием сделал глоток приготовленного им кофе, а я остановился на пороге камбуза, вдыхая кофейный аромат, и любуясь восходом солнца в панорамных окнах столовой. В такие моменты меня частенько одолевали романтические бредни. Отряхнувшись от мечтаний, я повернулся к ученику, невольно улыбнувшись это хитрой мордахе:

— Ну что, начнём?

— Что практикуем, сэнсэй?

— Классический завтрак. — Наставительно сообщил я — овсяная каша, омлеты, кексы из заморозки. Тащи кастрюлю, поварёнок.

Вдвоём мы справились быстрее, чем обычно, но всё же не так быстро, как могли бы, если бы я не останавливался, постоянно поправляя своего помощника:

— Сбрасывай температуру, когда омлет схватывается по краям! Он же сгорит! А молока в кастрюлю чего так мало залил? Там пол-литра нужно минимум. Ну ты накидал песка, конечно, вот, смотри... — И я показывал все самые примитивные, но такие важные вещи необходимые в приготовлении элементарных блюд. Моего ученика моя серьезность к омлетам невероятно позабавила:

— Ну что, Джек, обучил меня высокой кухне? — улыбнулся Макс, когда мы уже закончили.

— Вот будешь один все это делать, посмотрю я, кому смешно будет. — проворчал я в ответ, не отрываясь от сервировки, которую мы, как всегда проводили в последний момент.

— Ну, я бармен, я такие вещи с алкоголем делаю, с омлетами какнибудь справлюсь.

Он не соврал. Каша и омлеты мой ученик приготовил шустро, задатки у него точно были. Мы накормили всех завтраком, собрали посуду. Я начал споласкивать ее, загружая в посудомоечную машину и попутно раздавая указания Максиму по поводу приготовлений блюд к обеду.

— У нас будет суп с грибами, овощи я уже почистил заранее, поставь вариться картофель и нарежь морковь.

— Хорошо, сэнсэй. — и развернувшись ко мне спиной Макс выудил из ящиков кастрюлю с очищенными овощами, разложил на доске морковь и принялся орудовать шеф-ножом.

От посудомойки разило горячим паром, в моём плотном кителе было очень жарко, когда последняя партия посуды была загружена, я утер пот со лба. Вообще наличие посудомойки в наше время — настоящая роскошь. Мало кто на средних уровнях Полиса мог

позволить себе тратить столько воды. Лично я видел их только здесь на корабле «Рассел» и в элитных ресторанах, где мне довелось работать. Настало время посмотреть, как там дела у поваренка.

— Ну как ты тут, справляешься? — громко спросил я, перекрикивая гул посудомойки.

Макс уже нарезал картофель и теперь пытался шинковать морковь, держа пальцы рук абсолютно произвольно.

— Стой-стой-стой! Я думал, ты знаешь, как правильно шинковать, нет? Ну а чего тогда хвостом вилял, спросил бы. Смотри: Морковь возьми вот так, нижние фаланги пальцев подогни, а среднюю вперед. Парень, ты сделал все ровно наоборот. Где у нас какие фаланги? Вот так. Видишь, теперь, если ты упрешь нож в среднюю фалангу то ничего себе не оттяпаешь. Принцип уловил? Всегда держи продукт именно таким образом.

— Мастер класс покажешь? — подначил меня Макс.

— Ну, если тебе все разжевывать нужно, то давай. — Я принял у него нож и взял овощи. Сам я не то чтобы был ловким в шинковке, но проблем с этим никогда не испытывал. Со средней скоростью я нарезал морковь и принялся за лук. Макс присвистнул:

— Нормально-нормально.

В этот самый момент, как раз когда я дошел до середины луковицы «колодец» сильно трянуло. Толчок, сопровождаемый скрипучими жалобами корабля, чуть не сбил меня с ног, как раз когда я собирался положить оставшуюся половинку луковицы на бок и нож опустился прямо на один из моих пальцев.

В глазах потемнело от острой волны боли, я вскрикнул, скорее от неожиданности, по привычке подняв левую руку и сильно пережав пострадавший палец. Пока я грязно ругался и орошал все вокруг своей кровью, Макс времени зря не терял и уже бежал ко мне с аптечкой.

— Джек, сядь на стул, ты весь белый! Давай палец сюда, я перевяжу. Вот черт! — настал его черед бледнеть, — Здорово ты тут откромсал... не переживай, это залечат без проблем! — встревоженный тон его голоса совсем не соответствовал заверениям. Неужели я отрезал фалангу? Ну судя по адской боли — да.

— Спасибо, Макс. — я с благодарностью отвернулся от пострадавшей руки, так как почувствовал подступавшее головокружение, — какого чёрта произошло? Почему мы встали?

— Я узнаю, как только отведу тебя к Хлое. Можем спросить Селену по дороге.

Я вновь сдавленно застонал от боли. Варан их задери! Сегодня вроде не планировалась остановка для гидродобычи, но корабль вздрогнул и затих, движения я не чувствовал — мы встали. От лихорадочных мыслей меня отвлекло чувство онемения, возникшее в моей левой руке и Макс, трясущий меня за плечо:

— Нам нужно к врачу, срочно, Джек, вставай. Селена! — позвал он, ведя меня через кухню. — Срочно свяжись с Хлоей, передай, что Джек поранил руку, мы к ней идем!

— Хорошо, я передам ваше сообщение. Медотсек будет подготовлен. — Откликнулся корабельный ИИ деловым тоном. Только сейчас я понял, насколько она была открыта и кокетлива со мной на фоне своей официальной личины.

— Джек, ты чего ржешь? — голос у Макса был уже по настоящему встревоженным.

— Да так, не переживай. Я осмелел и взглянул на свою левую руку. Палец был замотан в десять слоев бинта, через которые неумолимо просачивалось большое красное пятно. Ну ничего. Хлоя меня быстро залатает. А если нет, то может и пора на покой, мало что ли я отдал сил поварскому делу? Тысяча бурь! Нельзя раскисать! скоро мы придем к Хлое.

Только вот путь к медику казался мне бесконечным. Рана пульсировала болью и внушала тревогу, кровоточа так сильно, что в голове у меня здорово помутилось. Если бы не Макс, поддерживающий меня под локоть, не знаю, добрался бы я самостоятельно. В общем зале мы встретили Томаса. Мне страшно хотелось узнать у пилота, что произошло, но ужасная боль выдавила из меня лишь глухой стон.

— Вот чёрт, Джек, приятель, что случилось? Ты как? — он подбежал к нам с Максом и испуганно заглянул мне в лицо.

— Жить буду, спасибо, что спросил... — только и пробормотал я.

— Привет, Том. Лучше ты скажи, что случилось? Почему стоим?

— Да, ерунда. Тряхнуло от резкой остановки, я связался с Сэмюэлем, он сказал, что это распоряжение капитана. Хочет слить излишек воды, или что то в этом духе.

— Излишек воды? — в голосе Макса я услышал искреннее непонимание, — А такой существует в наших реалиях?

— Это что-то новенькое. — Тихо прохрипел я.

За все время моей работы мы никогда не делали подобных внезапных остановок. Уверен, это стало сюрпризом для большей части команды. А мне, как обычно, повезло больше всех! Я сжал челюсти стараясь не издавать стонов, рука пульсировала словно раскаленная кочерга. Сквозь пелену жжения до меня донесся голос Макса:

— Слушай, нам надо спешить, видишь, Джеку срочно нужна помощь Хлои.

— Конечно! Идите быстрее! — ответил Том, и я почувствовал его руку на своей спине — держись, Джек. Хлоя тебя подлатает.

Я лишь кивнул в ответ, согнувшись с поднятой рукой по прежнему поддерживаемый своим помощником. Затем я услышал удаляющийся стук каблуков по стальной обшивке коридора

Я запнулся, и краем глаза увидел физиономию Макса: у него на лице было написано, что дело дрянь. Он пытался что-то сказать, хотя может он и говорил внятно, но я уже не слышал, как и плохо запомнил наш дальнейший путь до медблока. В чувство меня привел голос Хлои, когда я, повторно запнувшись уже о порог в дверях, вошел внутрь, холодным тоном профессионала она приказала Максy:

— Посади его сюда, вот так. Можешь идти, дальше я сама. Спасибо, что помог ему дойти.

— Спасибо, Макс. — поблагодарил я как можно громче.

— Поправляйся, не переживай за кухню, я чтонибудь придумаю.

Я вновь благодарно кивнул, не зная, видел ли это мой помощник. Дверь медотсека захлопнулась за Максом и я остался валяться в кресле под опекой Хлои. Все вокруг было белоснежным, я видел ниши с ампулами и медицинскими приборами, в ноздри бил больничный запах антибиотиков и бинтов. Наш бортовой доктор между тем сделала несколько спешных отметок в рабочем терминале и вернулась ко мне. Ее рыжие волосы были собраны в пучок, губы на худеньком лице с заостренными скулами сосредоточенно поджаты. Из-под круглых линз очков на меня взглянули большие изумрудные глаза:

— Это все из-за того толчка, да?

— Да, Хлоя... Я резал продукты в тот момент и вот...

— Давай, я посмотрю. Чему только Макса учили на курсах первой помощи! Ну, хоть перевязать смог нормально. — Ее тонкие белоснежные руки бережно обхватили мою пострадавшую ладонь и она принялась методично разматывать уже совсем покрасневшие

бинты. Эти прикосновения были так приятны, что я почувствовал себя крайне неловко. Еще бы краской не залиться, как мальчишке какомунибудь...

Меж тем она уже сняла бинты и озабоченно покачала головой, ощупывая палец. Я зашипел от боли, и, стараясь не смотреть на руку, спросил:

— Ну как, сильный порез?

Она сосредоточенно кивнула, но вдруг слегка улыбнулась:

— Хорошо ты ножи затачиваешь, Джек. Но не беспокойся, медпринтер тебя быстро залатает.

Я и не заметил, когда мы успели перейти на “ты”, но такая перемена была мне, пожалуй, по душе. Между тем она быстро установила на подлокотник моего кресла какую то полупрозрачную капсулу, поместив туда мою руку по локоть:

— Держи ладонь плашмя, и постарайся ею не шевелить, пока мы не закончим. Это займет минут сорок. Больно не будет, максимум неприятные ощущения. Готов?

— Да... — Неуверенно ответил я, ещё не зная, к чему нужно быть готовым.

Она взяла пистолет с каким то затвердевающим гелем и деловито запечатала капсулу вместе с моей рукой внутри, словно бы делала это по десять раз на дню. От её близости мне снова стало неловко, да что это со мной? Я ведь никогда раньше и не замечал, что Хлоя так красива. Задумавшись, почему это произошло я пришел к выводу, что виделись мы с ней куда реже, чем с основной частью экипажа. Доктор, как и все ученые на нашем корабле всегда была занята какими-то делами, из-за чего мы пересекались лишь в столовой, где сильно занят был уже повар, то есть я. Я подавил идиотскую ухмылку, едва не украсившую мое лицо и постарался придать себе сосредоточенный вид.

Я ощутил, как капсула наполнялась каким-то странным гелем, напоминавшем по структуре желе. Я встревожился, но помня указания Хлои сидел смирно, как только мог. Постепенно, к моему удивлению, боль начала утихать.

Стремительно болезненная буря сменялась волнами облегчения. Несмотря на то, что рука находилась в геле, ощущение было такое, словно я погрузил ее в приятный мелкий песок, слегка нагретый утренним солнцем. Теперь все мое внимание было приковано к необычному прибору.

— Что это такое? Я никогда не видел ничего подобного! — Словно громом пораженный, я не заметил, что говорю это вслух.

— Одна из наработок "Рассел". Можно сказать экспериментальный проект. Разумеется ты о нём ничего не слышал. Я бы посоветовала тебе не упоминать об этом даже на нашем судне. Я сильно рискую, вылечивая тебя медпринтером. Он предназначается только высшим чинам и только в крайних случаях.

— Тогда почему ты решила использовать его?

— Ну, мы же не хотим, чтобы ты лишился пальца, Джек? — она тряхнула своим огненным хвостом и улыбнулась очень мило, но вместе с тем как-то печально. — Твой случай — особенный, рана серьезная, а помогать, я считаю, нужно любому члену экипажа всеми доступными мне средствами.

Я лишь тупо кивнул, вновь уставившись на загадочный аппарат. Учитывая, что капсула запросто встала на подлокотник кресла это что она может быть частью всей экспериментальной лечебной станции. Я осмотрел свое сидение и заметил крепежи по всему корпусу. Глянув вверх над собой я увидел закрепленную под низким потолком большую капсулу, габаритами с человека, напоминавшую вытянутую половину яйца. Мои

подозрения подтвердились: кресло являлось частью всего медпринтера, на котором можно было лечить судя по всему множество разных повреждений. Я решил не озвучивать свои догадки и придержать язык за зубами. Раз уж Хлоя попросила... Между тем боль исчезла совсем. Я осторожно шевельнул больным пальцем заранее напрягшись и сморщившись готовясь к неприятным ощущениям, но не почувствовал абсолютно ничего необычного. Видимо моя физиономия выглядела очень забавно, потому что Хлоя едва сдерживала смех. От ее рабочей сосредоточенности не осталось и следа:

— Не представляю, как ты кровь на анализы сдаешь, Джек. — по прежнему улыбаясь, она поправила очки, — На тебе лица нет.

— Ну, знаешь, обычно я предпочитаю влетать в кабинет с уже вскрытыми венами, чтобы вам врачам не приходилось долго искать, куда ткнуть свою иголку. — горько усмехнулся я в ответ.

— Да, боюсь шутить тебе пока еще не стоит. Надеюсь, что чувство юмора к тебе вернется, когда ты хорошенько выпишься. — Она явно отключала аппарат, я почувствовал как жидкость покидает капсулу, возвращая мне мою руку целой и здоровой. К своему удивлению я почувствовал легкую грусть: ощущения от пребывания руки в этом геле были такими блаженными. Хлоя сняла запечатавающий гель, я вытащил руку из капсулы, и вытирая остатки странной жидкости. Теперь я словно стирал обычную воду после мытья рук. Я сказал:

— Ощущения от этой штуки просто бомбические! Так приятно, что хочется резать руки каждый день, чтобы снова почувствовать этот гель. Он как будто тонизирует. Хлоя внезапно снова посуровела, пропустив мои слова мимо ушей, а в ее строгом взгляде я прочел предупреждение.

— Ты можешь быть свободен. Отдохни сегодня, я свяжусь с Флоресом, и передам, что до завтрашнего ты на моем попечении. Если почувствуешь себя плохо дай знать. Рука скорее припухнет, возможны водянистые выделения из пор, но это обычные вещи после медпринтера, постарайся не обращать на них внимания. — деловым тоном сообщила она.

— Спасибо! — я, пошатываясь, поднялся с кресла и направился к двери. Едва я перешагнул порог, как она осторожно окликнула меня:

— Джек... постарайся никому не показывать побочные эффекты и не рассказывать ни о них, ни о медпринтере. Не забывай о моих словах. Я кивнул и дверь медблока с глухим стуком закрылась за моей спиной.

Размышляя о том, какого джина я собираю все тайны на этом проклятом судне, я поплелся к своей каюте. «Вот бы остался ты в Мегполисе, на своей престижной работе и не собирал бы тут глупые интриги по всему кораблю!» — подначивал себя я. И тут же вспомнил, каково это — работать в Полисе. Ну уж нет, в зыбуны этот Полис, все лучше чем там! Тряхнув головой, я решил послушать совета доктора и целиком переложить на Макса попечение о кухне. Я удивился, с какой легкостью я пошел на этот шаг. Прежде я бы весь извелся, переживая как там и что. Может я был уверен в способностях Макса. Приготовить примитивный обед и ужин он был в состоянии, и не раз помогал мне с уборкой, так что Макс не пропадет. Я в кои-то веки решил подумать о себе. Остановившись посреди коридора я критически осмотрел руку. Она как будто побледнела и была слегка распухшей. Я уставился на место где предположительно была моя рана — и не увидел на пальце даже шрама. Более того: мои старые шрамы от ожогов и прочие метки, происхождения которых я уже и позабыл, тоже исчезли. Удивительная штука! Недаром Хлоя так переживает насчет ее

конфиденциальности. Продолжая задумчиво потирать «больную» руку, я добрёл до главного зала жилого блока.

— Эй, amí, а ты неплохо выглядишь для парня, потерявшего палец. — окликнул меня Леонс. — как ты?

— Привет, Леонс. — я протянул ему здоровую руку которую тот поймал резким взмахом и ощутило сжал.

— Что ты тут делаешь?

— А ты как думаешь, idiot? Макс рассказал нам, что случилось. Извинялся за сегодняшнюю стряпню, но вышло у него неплохо. Вот я и решил срочно проведать, как там поживает наш повар, пока выдалась свободная минутка. За тобой глаз да глаз нужен, а то ласты склеишь, как мистер Чу... Ласты! — он рассмеялся во весь голос. — Надо же, что вспомнил. Мой дедуля так говаривал, которому ещё довелось наверное ими погрести!

Я невольно улыбнулся: а ведь и правда. В нашем Полисе многие не видели ничего дальше песков, что уж говорить о реках и морях! А все ребята здесь — потомки инженеров из разных стран, участвовавших в строительстве «колодцев». Получив в наследство от предков инженерные знания и рабочее место, они продолжили их дело. Вполне возможно, что отец или дед Леонса, работавшие здесь, действительно успели погрести веслами. Между тем француз выжидающе на меня поглядывал. Приятно было видеть в его обычно лукавых глазах неподдельную заботу. Улыбнувшись, я сказал:

— Я в порядке, Хлоя меня подлатала.

— Да? Ну-ка покажи? Охренеть! — Я еще никогда не видел нашего Леонса таким удивленным и напрягся, ожидая вопросов, но к моему облегчению он лишь сказал:

— Надо же какая она мастерица. В жизни не видывал такой тонкой работы. Нам действительно с ней повезло.

— Да, я сам в шоке. — признался я.

— Ну хорошо, значит все в порядке. Отдохни, топ amí, я передам остальным, что у тебя все хорошо. — Спасибо! Погоди, — окликнул я его, — а что случилось-то, что за толчок и балласт воды? Том об этом упомянул, мы встретили его по дороге в медблок.

— Да, капитан велел ни с того ни с сего остановить корабль и слить «излишки воды» — так он это назвал, да, ты не ослышался, amí, я сам удивился, когда нам передали причину остановки.

— Но... но зачем это делать?

— Наш капитан окончательно размяк! — фыркнув, вмешалась в наш разговор Сандра, возникшая словно из ниоткуда. Я даже не заметил, как они с Чарли зашли в зал жилого отсека. — Решил устроить водопойчик для невидимых друзей, разливая сырье «Рассел». Надеюсь он еще знает, что делает. — покачала она головой. — Глядя, как разливают тонны воды посреди пустыни в пятидесятиградусную жару я так захотела помыться, что прокляла там все! Торчали на палубе «колодца» битый час, охраняя корабль! я столько же проведу в душе, вымывая песчинки из всех щелей и плевать я хотела на ограничения на воду для личной гигиены! Ты как, Джек?

Я рассмеялся ее бойким речам и кивнул:

— В порядке, спасибо за заботу.

— И много слили воды? — Возмущенно осведомился Леонс. — Нам хватит хоть, или опять песок носом рыть до следующего входа в порт?

— Мы только что с верхней палубы. — сообщил нам Чарли. — Контролировали сектор

во избежание непредвиденных ситуаций. — Его черный карабин, закрепленный на лямке через плечо, красноречиво это подтверждал. — Капитан вылил где-то треть цистерны, не меньше. Так, чтобы образовалось что-то типа небольшого озерца. Да и место выбрано не случайно, а так, чтобы вода дольше сохранилась. Похоже на искусственный водопой.

— Треть цистерны! — простонал Леонс, затем, ругнувшись на языке предков, драматично воскликнул:

— Вся работа на смарку! Кого он напоить хочет? Мы не видели животных в пустошах уже лет пять, не меньше!

— Ему виднее — равнодушно пожал плечами Чарли, а Сандра снова фыркнула.

Я молча наблюдал за их дискуссией, ощущая навалившуюся усталость. Пора было отдохнуть.

— Ладно, нам надо поменьше говорить плохих вещей о капитане, а не то выкинут за борт. — усмехнулся Леонс, кивнув на возникшую проекцию Селены. Но к моему удивлению она проигнорировала его, и приблизившись ко мне, заботливо заглянула в лицо:

— Джек, ты в порядке?

— Да, да, пустяки Селена, все хорошо. — ответил я, заливаясь краской, — Спасибо, что предупредила Хлою.

— Ну, такое для вас, людей, вовсе не пустяки, насколько мне известно. Хорошо, если вдруг что, не стесняйся, зови. — и подмигнув, она исчезла.

Я поймал на себе удивленные взгляды собравшихся, даже Сандра слегка повела бровью.

— Амі, это какого чёрта это сейчас было? — улыбнулся Леонс — я к ней и так и эдак, а она даже на меня не смотрит, а к тебе подходит словно ты ее единственный возлюбленный! Я чего-то не знаю, Джек?

Варан тебя задеря, вот же угораздило! Остальные выжидающе молчали. Я вдруг почувствовал, как жарко в наших жилых отсеках. Стараясь сохранить невозмутимость, я улыбнулся другу, похлопал по спине, и, подмигнув сказал:

— Вот так бывает, приятель. Я знаю пару фокусов. Могу дать тебе урок обольщения, если ты конечно унизишься до такого.

— У-у-у, куда тебе до меня, жук ты навозник! — Пожурил меня француз. — Мы еще посмотрим, Джек, кто будет петь последним. Уверен, бедняжка просто не опытна, и ты будешь ее первой роковой ошибкой, но я всегда буду рядом, чтобы подставить плечо. Адьё!

Я улыбнулся, но вовсе даже не словам своего друга. Вновь увидев Селену, я вспомнил ее разговор с капитаном Гагги, который я случайно подслушал на палубе, где она жалела флору и фауну, погибающую от жажды на наших глазах. Выходит капитан действительно прислушивается к ее словам! Откуда вдруг у неё столько влияния? Он действительно в неё влюблен? раздумывая над этим, я и не заметил, как остался в круглом зале один. Все разбрелись по своим делам, убедившись, что я жив. Но всё равно минутка их внимания, ради которой они оторвались от обязанностей, безусловно меня тронула.

Я вошёл в свою каюту и опустился в кресло. Мне хотелось помыться не меньше, чем Сандре. Взвесив все за и против я решил таки быстро принять душ. покончив с умыванием и обсушившись я принялся проверять почту. Мне пришло несколько сообщений от членов команды, обеспокоенных моим здоровьем. Их встревоженность и пожелания скорейшего выздоровления вызвали у меня улыбку, всё-таки и правда приятно, когда за тебя переживают. От капитана о случившемся сегодня не было никаких комментариев. Видимо, он не собирался объяснять свой странный поступок и неизвестно, может ли повториться

подобное снова.

Барабания по столу пальцами я пустым взглядом смотрел в монитор, размышляя, чем бы мне заняться. Для сна еще было рановато, а в эти часы я обычно всю корпел над ужином. Но идти помогать Максиму мне вовсе не хотелось. Я вообще по натуре своей хоть и трудолюбивый, но не упущу возможности увильнуть от житейских забот и немного полениться. Жизнь у нас одна, вот и незачем постоянно напрягаться.

И все же мысль, пришедшая мне в голову как раз таки была о работе. Ведь я теперь что то вроде бортового журналиста! Хоть Роберто и дал мне пару месяцев на подготовку, но почему бы мне не сделать первую запись сейчас? Так сказать заложить фундамент, как говорили наши предки, еще не ведавшие тогда о строительных принтерах. Я открыл камеру и надолго задумался, глядя на свое отражение в мониторе. Оторвав глаза от экрана, я осмотрел свою каюту, взвешивая предстоящее обращение. За огромным круглым иллюминатором, занимавшим почти всю стену моей маленькой обители, проплывали бежевые скалы, освещенные закатным солнцем. "Колодец-1" вновь продолжал свой неторопливый путь домой, временами урча, словно предвкушая скорый отдых в ночной прохладе. Сосредоточившись, я включил запись и, словно диктор на паршивом радио, произнес:

— Сегодня четвертый день одиннадцатого месяца 2123 года. Мое имя — Джек Салливан, я являюсь судовым поваром на борту "Колодца-1", напечатанного корпорацией "Рассел" в 2078 году...

Мне снилось, что я брожу по коридорам корабля, заброшенным и накренившимся под неестественным углом, словно бы нос "колодца" поднят выше хвостовой части. Все стены и потолок были изъедены коррозией, мои ботинки временами шаркали по песку, бог знает откуда взявшемуся внутри. И посреди всей этой разрухи лишь Селена изредка возникала передо мной. Я хотел спросить ее, что происходит, но не мог. А она лишь смотрела мне в глаза, её губы поднимались, словно бы она хотела что то сказать, но она ограничивалась только улыбкой. Селена появлялась все реже, пока наконец я не остался совсем один. В начале я попытался сохранить хладнокровие, надеясь найти хоть кого-то, кто объяснит мне происходящее. Но вскоре я уже в отчаянии метался по мертвому кораблю, беззвучно зазывая товарищей, я пытался закричать, но не услышал ничего, даже шепот не сорвался с моего языка. Стояла мёртвая тишина, нарушаемая лишь привычным шорохом ветра, окропившего корпус корабля снаружи. Точно! нужно было выбраться наружу! Но как это сделать? монорельс не работает... придется лезть в инженерные туннели, черт, я повар, а не ремонтник, откуда я знаю что там где находится? Собравшись с духом я полез-таки в ходы, обычно недоступные персоналу, но мне не пришлось искать инженерный голокомм — электроника давно уже не работала, а дверь, ведущая в отсек проржавела настолько, что отвалилась сама. Не знаю, сколько я бродил там в темноте, тыкаясь в низкий потолок, оплетенный кабелями, казалось прошла вечность, прежде чем я нашел тоннель с вертикальной лестницей, ведущей на верхние уровни. Там я тоже уперся в инженерную дверь. она еще держалась в отличие от своей предшественницы. И проклятого допуска у меня по прежнему не было. Я почувствовал нарастающую панику, неужели я застряну здесь и так и умру? Судорожно трясясь от ужаса, я развернулся к двери спиной, и опершись на нее, опустился на пол. Мне потребовалось куда больше времени чем в прошлый раз, чтобы взять себя в руки. Медленно поднявшись, я ухватился за ручки двери, и попробовал ее приподнять. Она покорно поддалась моим манипуляциям, заставив меня истерически заржать (если смеяться беззвучно вообще возможно, конечно), столько времени я просидел у открытой

двери, считая себя заживо погребенным. Выбравшись я облегченно вздохнул, увидев знакомый подъем на верхнюю палубу. Осторожно озираясь, я побрел к лестнице, ведущей наружу. она вся была занесена песком, осложняющим мне подъем. я добрался до отверстия, где когда-то располагался верхний люк и медленно вылез на поверхность по плечи. Я готовил себя ко всему, но открывшееся мне было выше всяких ожиданий: наш корабль был наполовину погребен в песке, высунув носовую часть, словно бы утопающий в последней бессильной попытке захватить воздуха столько, чтобы ухватиться за жизнь, прежде чем уйти в бездну. Солнечные батареи, которые словно подсолнухи на полях, что я видел в учебниках в школе, следили за солнцем, теперь были вывернуты, поломаны или вовсе вырваны неизвестной бедой. Все это озарялось кроваво-красным закатом, за которым наблюдал человек на самом носу «Колодца-1» Я ошеломленно моргнул, заметив его. Он стоял гордо выпрямившись, сложив руки за спиной. Я узнал его сразу. Это был капитан погибшего судна...

В панике я вскочил в своей койке. Не самое приятное пробуждение в моей жизни, это уж точно. Я ошалело озираясь по сторонам, когда голосок в моей голове подленько напомнил о моей работе. Черт, давно же мне не снились кошмары! Я глянул на часы и выругался: уже близится обед! Макс меня заживо похоронит! через минуту я уже скакал по каюте на одной ноге, натягивая на вторую штанину. Закончив одеваться, я подскочил к зеркалу и внезапно остановился, уставившись на свою "больную" руку. Мое предплечье и кисть покрывали сотни аккуратных капель, поблескивающих в свете ламп, словно блески. Я поморщился: это еще что, сукровица? Я ткнул пальцем в крошечные капельки, и они лопнули под моим нажимом, втираясь в кожу. На ощупь это точно была не слизь, а обыкновенная вода. Словно роса в ботаническом саду Полиса... Я хмыкнул и пригляделся: каждая из капелек будто вышла из поры, попробовать странную субстанцию на вкус я не решился, но пришел к выводу, что это точно вода, выделившаяся из моей кожи после медпринтера. Или же?.. Я тряхнул головой, вот дела! Забыв обо всем я плюхнулся на койку, растирая влагу на руке полотенцем. Вытерев все насухо я настороженно ощупал свою руку. Кожа была нежной, шрамы действительно пропали! Я вытянул руки прямо перед собой, чтобы сравнить их. Кожа на правой руке была куда грубее: обветренная, покрытая шрамами от ожогов и порезов полученных в основном на кухне. Пребывая в полусонном состоянии я некоторое время пялился на свои руки, не зная, как реагировать на увиденное. Вспомнив, что проспал, я вскочил и пулей вылетел в общий зал жилого отсека. На круглой скамье в центре за игрой в карты расположились наши ребята из штаба. Сандра, видимо была не в духе, даже не удостоив меня взглядом. А Чарли, завидев меня с легкой улыбкой кивнул:

— Выспался, наконец! Мы думали ты там все-таки откинулся, Джек.

— От пореза на пальчике? — съехидничала Сандра и улыбнулась, — Да ну, на нём уже и повязки нет, а разговоров-то было.

— Как там Макс? Вас завтраком кормили? — Спросил я, стеснительно пряча руку за спину.

— Да нормально с Максом всё будет, что ты паришься! — отмахнулся Чарли — Он уже взрослый мужик и тем более будущий полноправный кок. Сделал он нам с утра пюре с каким-то мясом, мы наелись и всем хватило. Сейчас, небось, обед там готовит. Ты как раз подскочишь и вместе быстро управитесь.

— Ладно, тогда я побежал.

Оставив ребят за игрой, я помчался по коридору, ругаясь на чем свет стоит.

Столовая уже давно опустела, и неудивительно. Время обеда еще не подошло, и потому нечего экипажу тут делать. Изредка правда кое-кто забегал из кофеманов, но им много и не нужно — заморить червячка да и бежать обратно. Бар пустовал, Макс точно корпел на камбузе, бедолага! Горя от стыда я кинулся к двери, ведущей на кухню.

Бурное воображение рисовало мне раздрай, битую посуду и Макса, мечущегося между кипящими кастрюлями и выпечкой. Каково же было мое удивление, когда зайдя я узрел не то чтобы сильный бардак, и моего ученика, чинно помешивающего что-то в кастрюле. Он уже заметил меня, и словно прочитав мои мысли, победоносно ухмыльнулся:

— Что, не ожидал, сэнсэй? Думал если ты разок вздремнешь подольше, тут апокалипсис настанет? Можешь дрыхнуть спокойно. Апокалипсис-то уже там, за окном. — с этими словами он кивнул в сторону зала, где в панорамных окнах проплывали песчаные дюны. Расслабься, у меня все под контролем.

Вконец ошарашенный, я застыл у двери, почувствовав, как улыбка медленно расплзается по моему лицу. Наконец я сказал:

— А я и не сомневался в твоих способностях, вот и решил поспать чуть подольше. Что делаешь? — я встал рядом с ним у плиты, заглядывая в кастрюлю.

— Да я уже заканчиваю, сегодня меню не разнообразное, как видишь, но тут почти сварился суп да и выпечка у меня стоит, я сделал овощной пирог, ну и бахнул рыбный салатик.

Я похлопал его по плечу:

— Так держать!

— А ты как себя чувствуешь?

— Да нормально! — Я непроизвольно потер левую руку. — Словно бы и не было ничего.

— Вот и хорошо. — внезапно он посерьезнел — знаешь, Джек, а я ведь здорово обделался, когда ты устроил тут... ну... столько крови было. Я думал с такой раной ты уже и не сможешь вернуться к работе.

— Если бы не ты, так оно и было бы. — я нервно встряхнулся — Давай достанем выпечку, и пойдем попьем кофейку, пока суп настаивается. Ужасно хочу кофе. Салат ты ведь еще не заправлял?

— Ты за кого меня держишь, сэнсэй? Перед подачей заправим.

Я удовлетворенно улыбнулся его словам, натягивая пекарские рукавицы. Чуть позже мы уже потягивали кофеек на барной стойке. Макс дал себе заслуженную передышку, а я витал в мыслях, вспоминая приснившийся кошмар. Капучино приятно взбодрил. Прокручивая в руках чашку, я нарушил затянувшееся молчание:

— Я не помню, поблагодарил ли я тебя за помощь...

— Да брось! Ты бы поступил так же. Главное же, что все обошлось. — он посмотрел на циферблат часов на своем браслете, — Скоро уже придут наши голодающие. Давай потихоньку накрывать на стол.

Мы встали и разошлись: Макс ушёл раскладывать приборы, а я — разливать суп. Подойдя к кастрюле, я открыл крышку и набрал столовую ложку супа. Попробовав варево я вскинул брови: странно, по запаху будто бы рыбный, а в ложке мне попало мясо. Может я еще не до конца проснулся? Я снова принялся, ну точно, рыбный запах! я закрыл крышку кастрюли, уперся руками в стол, и крепко задумался. Где Макс мог ошибиться? Что за странный суп, и почему опять именно чертов суп? Я начал перебирать рецепт пошагово:

сначала мы моем и чистим овощи, затем обжариваем их, потом берем замороженную заготовку мяса и бульона... вот оно! Я двинулся к морозилке с намерением пересчитать заготовки бульонов, уже заранее зная, каков будет результат. Я открыл морозильную камеру. Долго искать не пришлось: вскрытая коробка с контейнерами бульона была ближе всех к выходу. Ну конечно, Макс и не задумывался, какие бульоны тут есть. К тому же рыбный и куриный сильно схожи по цвету... Этот парень просто не знает себе равных!

Откинув голову я от души захохотал. Не буду устраивать взбучку, сегодня он все равно проявил себя молодцом. У меня возникла другая мысль. Продолжая идиотски ухмыляться я вернулся к кастрюле с супом. В зале становилось шумно: экипаж уже собирался на обед. Я выглянул в зал, где увидел устроившуюся в зале команду и ораторствующего Макса. мой ученик вещал:

— Итак, все вы меня знаете. Я — ваш скромный слуга, бармен Макс. Но так как наш великий шеф-повар решил сегодня уйти в загул, мне выпала честь готовить вам стряпню от его имени. Так что не судите строго, а лучше осыпьте вашего бедного сомелье комплиментами!

Так вот оно что! Он отложил свои шуточки для общего собрания! Вот ведь ушлый малый! Я чуть не заржал вслух, предвкушая как отыграюсь, но взял себя в руки и вышел в столовую, соорудив самую кислую мину на лице и начал разливать команде необычный суп. Макс собирался продолжить свою речь, но все внимание зрителей уже перешло на меня. Закончив раздавать блюда я почтительно сказал:

— Я хотел бы извиниться за свою сегодняшнюю выходку. И выразить свою признательность Максу, сменившему меня на посту. Должен вам сказать, мой ученик делает успехи. Уверен, его блюда поразят вас своей оригинальностью. Всем желаю приятного аппетита!

Затем, с трудом сдерживая переполняющие меня эмоции, я подплыл к своему ученику и шепнул ему на ушко:

— Ты, мой хороший, сварил куриный суп на рыбном бульоне.

Улыбка медленно переползла с его физиономии на мою. Побледнев, парень стушевался, поспешив ретироваться на кухню.

я последовал за ним, сдерживая приступ смеха.

— Черт тебя побери, Джек, почему ты не сказал? — набросился он на меня, едва мы оказались за дверью камбуза.

— Ну а что бы ты сделал? забегал бы в панике? — улыбнулся я — я не хотел, чтобы ты нервничал, да и к тому же никто от твоей похлебки не умрет, скажем им, что это — высокая кухня!

Он лишь смерил меня сердитым взглядом. Ну надо же! для человека, любившего подшучивать на остальных Макс оказался чрезвычайно ранимым!

— Ладно-ладно. Ты скажи-ка мне, — серьёзно спросил я, — как бы ты выпутался из ситуации, если бы обнаружил это сам и имел бы достаточно времени, чтобы всё обдумать и исправить положение?

— Да откуда я знаю? — огрызнулся мой помощник, — Вылил бы это все к джиннам в унитаз!

— Потратив ценное сырье, которым мы ограничены в пустыне? — я увидел, как Макс задумался, до него начало доходить. — Что ты сделаешь с супом, чтобы выбросить минимум сырья?

— Я честно без понятия. — спустя минуту размышлений слегка раздраженно ответил Макс, — А что, были варианты? Что бы ты сделал, сэнсэй?

— Процедил бы его через дуршлаг, и закинул бы в заготовку куриного бульона. Минут десять доварить, и уже было бы трудно понять, в чем подвох.

— Ну, знаешь ли, такой себе выход... — Начал было препираться мой помощник.

Его прервал осторожный стук в дверь. Она распахнулась и через порог шагнул красный от смущения Перри с тарелкой супа в руках. С минуту я молча смотрел на него, а он на меня. А затем мы оба рассмеялись. Ну варан тебя задери, вот же жизнь!

— Джек, с этим супом что-то неладно. — сообщил наконец он.

— Ты абсолютно прав Перри. Но это смотря как посмотреть! — весело сказал я, — Этот суп — фирменный рецепт Макса, и с таким блюдом он легко сможет потягаться с мировыми поварами за звезду Мишлен!

Легенды об этой награде были среди поваров самыми любимыми. В Полисе таких не раздают, все-таки звезды были международного уровня а у нас так, последний город на Земле. Я подмигнул своему помощнику:

— Не переживай, я все им объясню. Пойдем, Перри.

Мы вышли в зал, где вновь воцарилось молчаливое ожидание. Первым взорвался Ник, яростно мешавший ложкой в тарелке:

— Салливан, какого хрена нам подали эту бурду, можете объяснить?

— Спокойно, Николай. Я все вам объясню. — я прочистил горло.

— Да уж, изволь объясниться, мсье повар! — вклинился Леонс

Я терпеливо подождал, пока бунтарский рокот среди команды наконец стихнет, после чего сказал:

— Послушайте. Во-первых я хочу сказать самое важное — этот продукт не просрочен, его можно съесть без последствий и это — самое важное. Во-вторых, на кухне сегодня вкальвал Макс, я прошу вас быть лояльней. Это варево — результат того, что он слегка перемудрил с рецептом и сделал вам... эээ... мясной суп на рыбном бульоне.

— Чего-о?

— Это как?

— А-а-ха-ха!

Столовая вновь утонула в гомоне. Николай кинул ложку в суп, встал, резко отодвинув стул и демонстративно покинул зал.

Леонс ржал как и я пару минут назад, Стив тоже хихикал, похлопывая друга по плечу, Чарли и Сандра что-то недовольно бубнили, а ученые... ну что ученые? Они, как и наши пилоты уже продолжили торопливо уплетать свои порции, со смехом обмениваясь шутками. Вот, кто действительно ценит свое время. Улыбнувшись, я поднял руки:

— Послушайте! Завтрак у вас был вполне ничего, как мне сказали, так что не обижайте парня, мы больше так не будем, обещаю. Приходите вечером на ужин и я лично сделаю вам кулинарных шедевров, мои любимые гурманы! Только придётся перенести его на час, потому как я потерял много времени, разбираясь с ситуацией. Никто не против? Отлично! Селена, известишь остальных членов команды о переносе ужина?

ИИ откликнулась незамедлительно. Прямо из моего браслета раздался ее голос:

— Будет сделано, Джек.

— Ещё раз простите за балаган. — Отшаркался я — И всем хорошего дня. — С этими словами я покинул столовую и вернулся на кухню. Там меня ждал мой поникший ученик.

— Ну чего ты раскис? Не переживай. — Подбодрил его я, — Мы оба сегодня накидали песку, но как-никак ты держался молодцом! давай сделаем с тобой ужин, времени у нас мало. Сегодня покажу тебе пару новых блюд. Ну, как ты? — Я улыбнулся, потрепав его за рукав поварского кителя — Расслабься, Макс. давай работать, времени у нас мало. Сбегай в морозилку, найдешь там говядину, овощи в кубиках и дуй сюда.

Вечером я, как и обещал, устроил грандиозный ужин. Стейки мраморной говядины, отложенные на особые дни, с овощным рагу, несколько видов паст в этот исключительный случай по предпочтению членов экипажа, даже тирамису успели сделать на всех. Никто не остался обделенным или недовольным, ну, за исключением разве что Николая. Этот суровый малый всегда чем-то недоволен. В общем, даже несмотря на часовую отсрочку мы едва успели, а на нашу кухню после подачи ужина без слез было не взглянуть. Я отправил Макса, валившегося с ног от усталости, отдыхать, а сам начал флегматично прибираться. Неторопливая уборка после сумасшедших поварских будней для меня была словно медитацией. Я замочил гриль, протер все столы и индукции. Попутно невзначай глянул на фирму плиты: с ума сойти, японская! Настоящий раритет. Ну хорошо, что и мой предшественник, и я ухаживали за техникой с должным почтением — дольше проживёт.

Я очень устал, но чувствовал удовлетворение. Выговор за прогул мне наверняка врежут, но и черт бы с ним. главное что мы все уладили с командой и вообще что нашлось кому их кормить в мое отсутствие. Я начал раздумывать о Максе, усердно вытирая дверцу печи от пятен. Этот малый проявляет чудеса таланта, он может далеко пойти. Несмотря на его рассеянность, всё ему давалось с легкостью. Потенциал в нём есть. А ещё он варит чудесный кофе, это пожалуй то, за что можно ему простить вообще все грехи! «Думаю, все кофеманы «Колодца-1» со мной согласятся» — подытожил я, довольно улыбаясь.

И всё же, над Максом еще долго подшучивали из-за этой истории. Кто-то (Я почти наверняка уверен, что это был Леонс) даже окрестил его прозвищем — Микс. Парень конечно делал вид, что дует, но и сам за словом в карман не лез, метко отшучиваясь в ответ.

Каждый раз мне кажется, что такие встряски идут на пользу нашей команде, внося хоть какое-то разнообразие в нашу будничную скуку. Конечно, если только никто при этом не отрезает себе пальцы, ха!

Глава 7 Жёлтый человек

Как-то вечером, после очередной крышесносной смены, я решил отправиться на палубу, подышать. Денек и правда выдался нелёгким, я чувствовал страшное утомление и раздражение, отходя от нелегкой работы. В висках гудело, поясницу снова ломило, наверное стоит заглянуть к Хлое за обезболивающим. Однако, грех жаловаться: теперь у меня был Макс, с ним вдвоем как-никак было куда легче. К тому же, одно дело всё готовить самому, и, совсем другое — в слаженной команде. Ума не приложу, как он бедолага успевал выполнять еще и свои обязанности, в течение дня он регулярно бегал на бар варить кофе членам команды, то и дело забегавшим к нам за порцией бодрящего напитка. В процессе нашей работы я и вовсе забыл про усталость. Она коварной гостьей подстерегала меня в конце дня, когда я собрал и загрузил последнюю партию посуды в мойку. Уперев руки в бока, я обреченно осмотрел испачканные столы и почерневший за прошедший день гриль. Видимо выражение моей физиономии слишком соответствовало настроению, потому что, едва взглянув на меня, Макс поморщился:

— Иди уже, сэнсэй. Я приберу тут, отдыхай. Но завтра ты будешь убираться!

— Сделаю всё, что пожелаешь, даю слово. устало улыбнулся я, стягивая заляпанный передник. — Спасибо за смену.

— И тебе, Джек. До завтра.

Попрощавшись, я поспешил покинуть камбуз, пока мой ученик не передумал и не заставил меня драить плиту. Едва переплетая ноги, я добрался до своей каюты, где с удовольствием стянул пропитавшийся ароматами кухни китель, отправив его в сухую стирку. Быстро ополоснувшись и переодевшись, я вскоре уже бодрее направлялся, как и задумывал изначально, на верхнюю палубу.

Всё-таки я замешкался в своей каюте, время уже было позднее. Поднимаясь по коридору, ведущему наружу, я едва различил в сгущающихся тенях два силуэта, привалившиеся к перилам палубы. Слегка прищурившись, я узнал в человеке слева Леонса, но вот с кем он там болтает? Я бы подумал, что это наверняка Стив, но мужчина был пониже, и слишком уж широковат в плечах, да и бритый затылок, ну точно не он. Наконец до меня дошло — это был Ник. Я хмыкнул про себя: уж что-что, а такое не каждый день увидишь. Если Николай с кем-то и общался, то разве что со своим ровесником по возрасту — Перри. Они оба были постарше большинства из нашей компании и одно только это немного, но все же сближало их. Сам по себе Ник всегда был угрюмый и нелюдимый. Мы не могли найти с ним общий язык, а он в свою очередь не стремился к общению ни с нами, ни с остальным экипажем. А я так и вовсе обходил его стороной, памятуя ту выходку, что он проделал с Перри. Странно, что после этого они умудряются поддерживать связь. Наверное, Нику та шутка до сих пор казалась смешной. Словом, хоть он и не был добродушным и открытым малым но всем было в сущности плевать, ведь руки у него были золотые. Не зря они с Перри были инженерами первого ранга, когда как Леонс имел еще только статус техника. За годы работы я крепко усвоил одно: чем выше твой профессионализм и знание своей цены, тем больше тебе сойдет с рук. Вон, далеко ходить не надо, тот же наш капитан. Комитет корпорации ноги готов ему целовать, лишь бы он продолжал нести свою службу.

Судя по всему беседа уже подошла к концу, потому что еще даже не заметив меня, Николай резко развернулся и зашагал ко мне навстречу. Разминувшись мы лишь машинально

кивнули друг другу, и я взобрался на палубу, с удовольствием вдохнув слегка посвежевший но всё ещё нагретый воздух пустыни. Леонс тоже повернулся ко мне и заигрывающе улыбнувшись, оперся спиной на перила. В зубах у него торчала сигарета.

— Салют, Джек. Ты чего такой кислый? Хотя о чем это я: ты всегда такой пришибленный, как вылезает из своей столовки. Может, ты много на себя берешь с этой работой?

Я лишь отмахнулся, слегка усмехнувшись и тоже облокотился на перилам, зачарованно уставившись на скалы, проплывающие вдаль. Запах табака слегка щекотал ноздри. И тут меня осенило: это же синтетический табак! Сигареты-стимуляторы, в народе прозванные ститами. Бодрят покруче даже обычных стимуляторов в таблетках или уколах, но запрещены, из-за непредвиденных побочных эффектов. Конечно же, этот прохвост обо всем этом знает, ну дурья башка!

— Джинн тебя укради, Леонс! Где ты достал эту дрянь?

Француз не торопился с ответом. Ветер трепал его русые волосы, Он сосредоточенно рассматривал что-то за моей спиной, видимо оценивал состояние обшивки "Колодца-1". Всё-таки это его работа, которую он делал уже по привычке. Правда он испытывал неподдельную любовь к кораблю. Как же он был еще молод и красив! На слегка вытянутой гладко выбритой мордашке расплылась блаженная улыбка, только печальные серо-зелёные глаза продолжали что-то внимательно высматривать в синем свете прожекторов корабля. Какой-то он странный последние дни. Наконец, я не выдержав, ткнул его локтем:

— Эй, не уваливай! Ты же знаешь, что на борту нельзя курить стимуляторы!

Затянувшись, Леонс выпустил облачко зеленоватого дыма, одарив меня самой невинной улыбкой:

— Расслабься, аті, всего одну. Мне стрельнул Ник. Я в самом прямом смысле этого слова пронюхал, что у него завалились ститы. Наверное прикупил на блошином рынке когда мы последний раз были в порту. Вот я и вынудил у него штучку шантажом. Не станет же он меня убивать за это. Ведь не станет?

— Он нет, — улыбнулся я, — А вот Сел...

Помянешь солнышко — а лучик тут как тут. Голокомм на запястье Леонса пронзительно просигналил. Француз лениво поднес его к лицу, едва не ткнувшись в свой браслет носом. Он всплеснул руками:

— Джек, знаешь кто это? Свет, озаряющий мое брэнное существование на нашей старушке во время унылых рейсов! Наша цифровая крошка Сел не забывает про своего самого верного дыхателя! — Коснувшись сенсора, он принял запрос нашего ИИ, и хвастливо подбоченился, приподняв подбородок, с зажатой сигаретой в зубах. Между нами, на его запястье возникла маленькая голограмма Селены. В лиловом цвете его голокомма она выглядела очень даже милой, если бы не недовольное выражение ее личика:

— Младший техник Леонс Корро!

— Да, дорогая? — встрепенулся тот — Что случилось? Тебе пришлось не по душе отладка давления в шестом отсеке? Прощу прощения, в следующий раз я буду нежнее, даю слово!

— Поменьше фамильярностей, Корро. — требовательный тон Селены был непоколебим, — Немедленно избавьтесь от запрещенного вещества, которое вы употребляете в данный момент, либо я сейчас же свяжусь с помощником капитана.

— Тише, милая. Я сделаю все, что захочешь, только не злись на меня. — Леонс

выбросил стит за борт и обезоруженно поднял руки, изобразив на лице такое раскаяние, что я почти ему поверил.

— Последнее предупреждение, младший инженер.

И она исчезла.

Леонс облегченно выдохнул, стряхивая попавший на рыжую и без того покрытую пятнами форму изумрудный пепел:

— Какие все нервные сегодня.

— Только не ты! — засмеялся я, — тебя даже стимулятор не берет. Ты вообще злился когданибудь?

— Естественно, амі. Ещё как! — Он замолк, хитро поглядывая на меня, явно ожидая вопроса. Я, чувствуя оживление, не мог сдержаться:

— Ну, не томи!

— Когда застал свою даму сердца в постели... с другой женщиной! Пожалуй, это был самый унижительный момент в моей жизни. И нет, ей понравилось со мной, Джек, я почувствовал это, нашу связь. Ну и если бы ей не нравилось, она бы рассказывала мне, какая у нас была замечательная ночь. Она просто всегда была по девочкам, а я оказался первым, с кем она решила ну, просто попробовать, а со мной нельзя просто взять и попробовать! Я похитил ее сердце! Ну и закрутилось. Но в итоге она всё равно не смогла изменить своим привычкам, увы...

Он продолжал говорить, но я уже рассмеялся и не мог сосредоточиться. Между тем француз вытянул ещё один стит, и, задушил мои протесты на корню, мягко прикрыв мне рот ладонью:

— Я обещал, что выкурю одну, мне помешали. Так что я докурю. Ты же не против? Вот и ладно. Не волнуйся, амі, в этот раз она не заметит. Я знаю пару трюков, так что на несколько минут мы считай что в блэкауте.

Я только закатил глаза. Он победно ухмыльнулся и раскурил. Между тем становилось зябко, но я наслаждался холодком позднего вечера. Из-за облаков возникла луна, ярко осеняя дюны, манипулируя тенями так, что казалось, будто кто то крадетя там, в ночи. Завороженно разглядывая горизонт, я спросил у друга:

— Леонс, как ты думаешь, однажды эта пустошь будет вновь обитаема?

Он поперхнулся дымом, выпучив на меня глаза, словно на идиота:

— О чем это ты?

Я, немного сконфуженный его реакцией, объяснил:

— Ну, вот например капитан теперь устраивает искусственные водоемы на наших маршрутах. Он рассчитывает напоить кого то. Ему виднее конечно, но ведь мы никого никогда не видели, только скалы да песок.

Леонс принял настолько снисходительный вид, словно собирался объяснить мне, как правильно ходить:

— Джек, то, что ты торчишь на своей кухне целыми днями, на высоте в несколько десятков метров вовсе не значит, что под тобой никого нет. Нынешние обитатели пустынь вовсе не собираются просто так брать и показываться нам на глаза.

— Но ведь ты сам говорил, что не видел животных уже несколько лет! — возмущенно запротестовал я.

Француз выслушивал мои протесты, продолжая снисходительно кивать, словно учитель с рьяным учеником. Так и подмывало треснуть его по морде!

— Животных — да. А вот людей — нет. Совсем недавно мы разминулись с одним из племенных караванов. Как ни странно они не собирались скрываться. Видимо прознали про водоемы, организованные капитаном. — Заключил он, и, вдруг посерьезнев, продолжил:

— Амі, мы живем в очень суровые времена. Пустыня не терпит суеты. Это наша старушка может передвигаться не таясь, ведь после зачистки корпоратами рейдеров никто не решится грабить "колодцы". Да и если посмеет, то заплатит очень дорого. Но под нами там по прежнему живут люди, которым давно нет места в нашем мегаполисе. Они всё больше отдаляются от нас, приспособливаясь к новой среде. Это прекрасно и одновременно ужасно.

Я был очень удивлен услышанным, особенно меня тронула печаль, с которой Леонс говорил об этом. Подумать только! Всю жизнь я был уверен, что стены Полиса оберегают нас лишь от безумных рейдеров, выбравших путь насилия. Но нет, оказывается здесь в этом аду с ними заперты еще и мирные люди, вынужденные сосуществовать бок о бок с бандитами и головорезами! С другой стороны, учитывая, что даже в Полисе ресурсов в обрез и нищета растет с каждым годом так, что под городом образовались настоящие трущобы, неудивительно, что нашлись люди, которым вообще не нашлось места в городе. Я сказал:

— Можешь считать меня дураком, но я до сих пор даже не слышал ничего об этом.

— Ты просто и не интересовался никогда. — Ответил Леонс, улыбнувшись. — Ты прибыл сюда работать, и ты делаешь свою работу днями напролет, даже не выглядывая в окна своей столовой. А ведь у тебя оттуда такой вид! Почти как в штабе. А в Полисе комитет не будет рассказывать вам о пропавших в пустыне душах.

— Но я частенько выхожу на палубу после смен. Мне очень нравится пустыня. Она... успокаивает что ли. Здесь думается как то спокойнее. — Сам не знаю, почему я так разоткровенничался с ним.

— Ну и что ты там разглядишь в такое время суток? — усмехнулся Леонс, обводя рукой потемневший горизонт, — С тепловизором конечно можно увидеть разные вещи. Но простым глазом сам понимаешь. Ладно, наши яйцеголовые сказали, что завтра, скорее всего, прибудем к месту добычи. Так что пора нам на боковую.

— Точно! — я стукнул себя по лбу, — Капитан же хотел меня видеть завтра на палубе во время добычи воды... Я и позабыл со всей этой беготней на камбузе.

— Ради твоих статеек, да? — Леонс выкинул окурок за борт и поправил упавшую на глаза челку. — Здорово он это придумал, давно мы интервью не давали. — Мне показалось, будто в его голосе проскользнула ирония, — Правда, уже слишком поздно, людям не до того. В Полисе того и гляди восстание поднимется. Пойдем спать, амі, завтра у нас полно работы.

Я лишь кивнул, погруженный в свои мысли.

Не то чтобы я сильно волновался, но мне, наконец-то, предстояло впервые воочию увидеть добычу воды, поэтому всё утро я работал в предвкушении этого события. Быстро справившись с приготовлением завтрака и сделав Максу заготовки, я в назначенное время направился к водозаборному отсеку. Путь туда лежал через монорельс. «Колодец» уже завис над местом добычи, экипаж терпеливо ожидал команды к началу гидродобычи. Сам водозаборный отсек, как и наш транспортный ангар, располагался на нижних уровнях, я там никогда не бывал, да и зачем, я ведь повар, допуска мне никто не давал до сегодняшнего дня. Двери монорельса распахнулись, и ко мне навстречу выпорхнула непривычно оживленная Эмма, видимо тоже предвкушает предстоящую работу. Выглядела Эмма Нельсон как всегда безукоризненно: Синяя форма, выглаженная, словно новенькая подобрана четко по

размерам, светлые волосы аккуратно причесаны и собраны в хвостик. На лбу у нее проступали сосредоточенные преждевременные морщинки, свидетельствующие об интенсивном умственном труде. А в одном из ее серых глаз, внимательно рассматривающих меня, мерцала цифровая линза — очень удобная в ее работе штука, позволяющая масштабировать расстояние взгляда, фиксировать изменения температур, например или даже делать заметки, если у носителя есть подключение к специальному мозговому импланту. Всё это может себе позволить далеко не каждый, но «Рассел» обеспечивает своих специалистов самыми последними разработками. Мне такая штука по рангу не положена, так что я даже и не могу сказать ничего более объективного об её функционале. Джинн его знает, ничуть не удивлюсь, если она буквально сейчас рассматривает мои внутренности каким-нибудь сканером, диагностировав пару-тройку болячек, от которых я скоро умру.

— Здравствуй, Эмма. — улыбнулся я ей и своим глупым мыслям.

— Здравствуй, Джек. — неожиданно она схватила меня за руку. — У нас все готово, ждем только тебя, пойдём.

Первые пару шагов она тянула меня за руку, двигаясь спиной вперед. За ней простирался довольно широкий коридор. Я огляделся: сразу было видно, что мы находимся в логове техников. В отличие от остальных членов экипажа инженерам не нужно было скрывать наш «Колодец-1» за панелями и стенками. Здесь корабль мог быть самим собой, настоящим. Никаких масок: на стенах и потолке отсутствовала обшивка, оголяя проводку, электрощитки, сенсоры и сканеры, мерцающие каскадом огоньков. Диоды висели на потолке, без каких-либо плафонов, тускло освещая пол, выстеленный из самых грубых листов металла, по которому глухо стучали наши ботинки. Вопреки моим ожиданиям здесь не было прямо сильного бардака. Кое-где, конечно, валялась старая аппаратура, и приборы, ненужные в повседневной работе экипажа, ожидающие своего часа, потихоньку пылясь в углу. Пыли, к слову, тоже было не сильно много. Чем дальше мы шли, тем больше вокруг валялось инструментов и электроники. Вскоре провода и шланги перекечевали со стен на пол, растянувшись паутиной и вынуждая внимательно следить за каждым своим шагом.

— Мы почти на месте. — Сообщила Эмма.

И точно: сеть коридоров привела нас к тяжелой двери, ведущей в водозаборный отсек.

— Ну что, ты готов? — Улыбаясь, спросила Эмма, прикладывая свой пропуск к считывающему замку.

Я хотел было ответить, но тут двери распахнулись и я позабыл, что собирался сказать, так и застыв перед открывшимся зрелищем.

Водозаборный отсек был огромен. Прежде я думал, что транспортный ангар — самое большое помещение на корабле, но теперь я вижу, что все масштабы всего «Колодца-1» строились именно под этот зал. Мы оказались на открытых мостках, по которым сейчас расхаживали наши техники. Не скажу точно, какой был метраж, но потолок наверху терялся в полутьме, а внизу под нами всё было усеяно здоровыми цистернами, подсвеченными бледно-синим освещением. Мостки вели к центральной части, закругляясь вокруг странной конструкции: некоему каркасному столбу, выполненному из какого-то темного сплава. В его сердечнике билась энергия, похожая на электрический ток, подающаяся откуда-то сверху. Рассмотреть что-то было сложно: основа, к которой была приделана эта конструкция представляла собой полностью обшитую тем же темным материалом полусферу, из которой ветвилось множество толстых шлангов, оплетающих большую часть отсека.

— Что это такое? — ошеломленно указал я на столб в центре зала.

— Это — “Дейнотерид”, — Наполненный трепетом голос Эммы был едва слышен. — Первый бесконтактный бур, разработанный корпорацией «Рассел» в 80х прошлого века. Назван в честь вымершего семейства хоботных Deinotheriidae, живших в эпоху Олигоцен.

— Это очень давно. — Машинально пробормотал я, понятия не имея, о какой эпохе речь, и ошеломленно рассматривал отсек.

— Вечно вы, яйцеголовые, будто новички, пасти разеваете, каждый раз как сюда заходите. Ладно Джек, он тут и правда впервые. — Идиллию нарушила Сандра, незаметно возникшая рядом, она иронично улыбнулась Эмме. Наверное, ее скрытность была одним из профессиональных черт, которые она невольно применяла в повседневности.

— С такой профессией, как твоя, Сандра, неудивительно, что ты не разделяешь нашего восторга, — снисходительно улыбнулась ученая-геолог, качая головой, — я вот тоже не радуюсь, когда вам привозят новые боевые «игрушки».

Агент службы безопасности только усмехнулась в ответ.

— Сандра, И ты здесь, привет. — поздоровался я, искренне радуясь ее появлению, — Но почему?

— Кто-то же должен прикрывать ваши задницы, пока вы там ковыряетесь! — Она откинула челку и обаятельно улыбнулась мне в ответ. Мне нравилась Сандра, наверное, меня подкупала ее прямота. К тому же, несмотря на своеобразный характер она была красивой девушкой. Похоже, я тоже был ей по душе, по крайней мере со мной она была приветливее, чем, например, с Эммой. Только теперь я заметил, что поверх привычной штабной формы Сандра была одета в боевую броню, а за спиной у нее покоился неизменный странный карабин.

— Сейчас во время добычи воды все при деле, Джек — объяснила Эмма, — Сандра и Чарли охраняют палубы, Стив контролирует основное вооружение, следя за ситуацией в штабе. Медик на посту с подготовленным оборудованием. Мой коллега — Дейв Хардман работает удаленно, управляя Дейнотеридом. Обычно в этот момент я нахожусь рядом с ним, мы работаем вместе. Наши инженеры, как видишь, тоже здесь, — с этими словами она кивнула на работяг-техников, — готовы залатать любое физическое повреждение бура. Сейчас мы втроем пройдем на вот эти круглые мостки, окаймляющие бур. Там мы залезем в оружейную капсулу, использующуюся Сандрой для защиты бура. Она будет спущена под днище корабля, где нам откроется всё самое интересное, что обычно видит охранник корпорации, дежуря на посту во время добычи. Вот, держи. — она протянула мне круглые закрытые очки в толстой железной оправе, какими обычно пользовались сварщики — Они тебе пригодятся.

Такие же имелись и у Сандры. Другие Эмма надела и на себя. Я хотел спросить, на черта они нужны, но внезапно вспомнил, зачем я собственно здесь нахожусь:

— Варан меня задери, нужно же включить запись! — спохватился я, доставая планшет, специально выданный для сбора информации. Записывать я мог что угодно, но распространять любые данные за пределы корпорации «Рассел» запрещалось и наказывалось по всей строгости закона. Видеозапись требовалась мне для последующего просмотра, с целью выявить то, что я мог пропустить.

— Все готовы? — раздался из динамиков вкрадчивый голос нашего физика Дэйва. — Мы начинаем.

Его сменил приказной тон капитана:

— Всем занять свои посты, через две минуты мы начинаем.

Сандра поманила меня рукой, одетой в плотную перчатку и поспешила к буру. Я, неуверенно озираясь, засеменил за ней, чувствуя позади нетерпеливые шажки Эммы и держа перед собой камеру планшета. С мостков мы спустились на центральную площадку, пол которой был выполнен из прозрачного материала. На ней было установлено стационарное тяжелое орудие, которым управляла Сандра, бортовой терминал и непосредственно сама загадочная конструкция, нависшая теперь над нами. А прямо под нами внизу располагался люк, очевидно для бура.

— В случае угрозы, ИИ, Сандра или Чарли первыми реагируют на происходящее, а затем к ним подключаются автоматизированные системы защиты корабля. — объяснила мне Эмма.

Перри и Ник кинули нам, и отошли подальше. Я оглядел своих спутников: Лицо Сандры окаменело, губы были сжаты, руки крепко сжали рычаги станка орудия, ее лоб взмок под оправой темных очков, плотно прилегающих к голове. Синие глаза внимательно оглядывали все вокруг, подмечая любую мелочь. Эмма же напротив, лучилась улыбкой, словно ребенок в предвкушении рождественских подарков:

— Не переживай, — успокоила она меня — Дейнотерид не нанесет нам никакого ущерба.

В этот момент, откуда то сверху, почти беззвучно опустился прозрачный колпак, отделяя нас от бура и окружающего пространства. Должно быть он был весьма крепким. Затем, пол под нами дрогнул, и импровизированный лифт начал опускаться за пределы корабля. Я наблюдал, как сосредоточенные лица инженеров, провожавших нас на мостках уплывают вверх вместе со всем водозаборным отсеком, когда как мы все дальше погружались вниз, в неизведанное. Люк внизу со скрежетом распахнулся, я ощутил сильный жар пустыни и увидел в открывшемся проеме далеко внизу освещенные солнцем песчаные барханы. Высоты я не боялся, особенно находясь в закрытом лифте, но все же стоять в прозрачной штуковине на высоте нескольких десятков метров было крайне неудобно. Наш странный подъемник уже пересекал распахнувшийся шлюз, открывая нам вид на бескрайнюю пустошь, и огромное днище корабля, протянувшееся с двух сторон от нас, скрывающее в своей тени нашу капсулу от палящего солнца. Оно все было покрыто толстым слоем пыли и копоти, словно лианы опутывали корабль свисающие трубы, по краям несли дозор огромные бортовые орудия, сейчас чутко дремавшие в своих гнездах. Опустив нас на расстояние в пару, метров лифт застыл, а бур продолжил свое продвижение к земле, вытягиваясь под нашими ногами сегментами, как старая антенна.

— Как долго будет проходить бурение? — взволнованно спросил я Эмму, утирая проступивший пот со лба. Хоть тень от корабля и скрывала нас, духота все равно стояла страшная.

— Сам процесс занимает буквально секунды, — ответил мне геолог-почвовед — сильный выброс энергии на выбранный заранее участок почвы. Но вот количество этой энергии, необходимой Дейнотериду для успешной операции просто колоссальна! Именно на его... подзарядку у нас уходит так много времени. — она говорила, явно подбирая слова, доступные моему пониманию.

— А как именно вы заряжаете этот бур? И если это так затруднительно, то что делать с неудачными попытками добыть воду? Ведь такая «осечка» вынуждает вас заряжать бур по новой, заодно растрачивая время на поиск другого подходящего участка?

— У нас не бывает осечек, Джек. — Эмма говорила, завороченно наблюдая, как

освещаемый солнцем бур опускается всё ниже к песчаным дюнам, все больше вытягиваясь и становясь все тоньше с каждым выдвинутым сегментом. Пульсирующие в его темном каркасе синие всполохи энергии выглядели при свете дня тусклыми, зловещими. — Мы с самого отправления в рейс знаем конечную точку нашего маршрута, определенную нами заранее. Дрейфуем мы так долго потому, что Дейнотерид питается за счет собираемой нами энергии солнца. Понимаешь?

Я кивнул, собираясь задать следующий вопрос, но она внезапно схватила меня за локоть, в ее глазах появился фанатичный огонек. Она указала на бур:

— Сейчас начнется, надевай очки и смотри!

Забыв обо всем, я спешно натянул очки и вытаращился вниз, пытаюсь рассмотреть происходящее через чёрные как ночь линзы. Кончик Дейнотерида, казавшийся с этой высоты крохотным жалом, занесенным для удара, замер. Я ощутил вибрацию, происходящую в нем. Этот рокот обычно чувствовался даже на камбузе, но с чем он был связан, я тогда мог только гадать. Вибрация стихла. В повисшей тишине, под нами внизу вспыхнул столп ярчайшего голубого света, от которого корабль вздрогнул. Следом за лучом возникла вспышка, яркая, будто само солнце. Даже в сварочных очках. Я зажмурился от неожиданности, но всё уже было кончено.

Всё произошло за пару секунд, казавшихся мне вечностью. Вспышка исчезла так же резко, как и появилась, и я схватился за лицо, испугавшись, что ослеп. Но мои руки облегченно нащупали оправу очков, которые я тут же резко стянул, жадно всматриваясь в происходящее внизу. Каково же было мое изумление, когда я понял, что весь наш лифт потонул в облаке плотного белого дыма... Нет, не дыма, пара! Прозрачные стенки и пол под нашими ногами запотели от влаги. А вокруг все тонуло в тумане, это очень походило на облака, словно «Колодец-1» вдруг решил, что больше не хочет быть сухопутным судном, и воспарил в небеса. Весь возникший от разряда бура пар стремительно стягивался к днищу корабля. Сперва, за этими облаками ничего нельзя было разглядеть, но затем я увидел, как через открывшиеся неподалеку люки в корпусе корабль засасывал пар внутрь. Между тем бур уже складывался, поднимаясь вместе с нами обратно на корабль.

— Сейчас мы собираем добытую воду. — Пояснила Эмма, улыбаясь. — Ну, что скажешь, впечатляет? Вижу, что впечатляет.

— Это мягко сказано. Настоящее чудо! — пробормотал я. — Но как? Как это все работает?

— Я не смогу тебе объяснить, ты все равно не поймешь, не принимай на свой счет. Как не поймут и те люди, для которых ты собираешь материалы. Просто расскажи им о том, что ты здесь видел и как это воспринял.

Безусловно, она была права, но меня ее ответ немного задел. Я не считал себя настолько глупым, хоть, конечно, и не имел ученых степеней. Поэтому, не сдержав обиду, я сказал:

— Ну, ты ведь можешь хотя бы попробовать объяснить доступными словами!

— Ой, да брось, Джек. — вклинилась Сандра. С легкостью перекинув правую ногу через штурвал турели, она ловко вскочила с места стрелка. — Какая разница, как это работает, мы с тобой один хрен не поймём. Вот, взгляни лучше сюда. — С этими словами она вынула из кобуры за спиной свой карабин, ласково проведя рукой по его темной раме. — Эта крошка выполнена на основе той же технологии, что и Дейнотерид. Ты только подумай, пушка, расщепляющая органику! — Она привычным движением вскинула оружие, прицелившись в воображаемого противника: Бах! И от любого мудня остается лишь красное облачко! Но вся

его снаряга практически не пострадает. За десятки лет еще никто не смог повторить такой скачок в вооружении. И на чёрном рынке ты такую штуковину не достанешь, «Рассел» жёстко всё контролирует.

— Человек, как известно даже ребёнку, почти полностью состоит из воды. — Вставила Эмма, явно не разделяя восторгов своей коллеги из отдела безопасности. — Поэтому кому-то из корпорации пришло в голову оснастить охрану такими «штуками». За секунду эти установки отделяют жидкость в человеке от всего остального, страшная вещь, но для защиты ценных наработок корпорации — это крайне необходимая мера. Нельзя, чтобы они попали не в те руки... Кстати, насколько мне известно, «Колодец-1» оснащен и бортовыми орудиями такого типа. В теории можно зачистить целый отсек вражеского судна, практически не повредив сам корабль. Их питает отдельный генератор, активирующийся экипажем в том случае, если колодцу угрожает опасность. Это новая эволюция вооружения, можно сказать, что «Рассел» держит планку не только в Полисе, но и в большей части остального мира. Пока что, применять ее в широком спектре не требовалось, но если возникнет такая необходимость я не думаю, что комитет будет мешкать.

Я только хмыкнул в ответ. Так много информации валится именно сейчас, спустя столько недель, проведенных мной на борту в неведении. В такие моменты мне нужно время, чтобы обдумать увиденное. Но впереди еще предстояло посещение лаборатории наших ученых.

Наверху нас уже встречал Перри. Он рассмеялся, увидев мою ошарашенную физиономию:

— Ну, мистер Салливан, как вам наша работа?

— Перри, это поразительно! Но куда бортовые насосы откачали полученную воду? В одну из этих цистерн внизу?

— Какая проницательность. — прокомментировала за моей спиной Сандра.

— Да, Джек, в эти цистерны мы и закачиваем полученную воду. — пояснил старший инженер. — Через насосы она проходит фильтрацию, после которой полученные пробы отправятся в лабораторию. Вы ведь пойдете туда?

— Да, хотелось бы. — Я вопросительно взглянул на Эмму, и она кивком согласилась со мной:

— Следующая остановка — лабораторный отсек!

Путь туда как обычно лежал через монорельс. Находился данный отсек на верхних уровнях: лишенное каких либо иллюминаторов полностью закрытая комната, представляющая некий овальный коридор, сложенный из белоснежных панелей, перемещение по которому также ограничивалось небольшими мостками. Здесь было очень светло благодаря белоснежным диодам, торчащим из всех щелей. Слева и справа виднелись проходы в отдельные помещения. Вдоль стен располагались вытянутые овальные колбы, подозрительно похожие на медпринтеры, что я видел в кабинете у Хлои. Их тут было много, хватило бы на всю команду... Это совпадение ввело меня в ступор. Эмма, думая, что мои эмоции вызваны первым посещением лаборатории, подбадривающее меня подтолкнула:

— Ну же, Джек, заходи, а то все пропустишь. Работа уже кипит.

— Да как будто я много пойму в том, что там делает Хардман. — язвительно улыбнулся я ученой.

Она досадливо отмахнулась в ответ, и мы прошли в правую комнату, представляющую собой закругленную мансарду центрального помещения. За столом, выставленным вдоль

стены, сидел Дэйв, внимательно изучавший показания терминалов. Справа от него находилась штуковина непонятного назначения, напоминая тумбу с гнездом наверху, в котором торчала внушительная колба с толстыми стенками и стальной крышкой, внутри которой, судя по всему, была обыкновенная вода. Так же в комнате было полно и другой аппаратуры, на столах в стойках расположились пробирки, маленькие инструменты, даже микроскоп. В углу, за белой доской, исписанной формулами, виднелась еще одна здоровая яйцевидная колба. Она была похожа на медпринтер, что я видел у Хлои. Меня так и подмывало спросить, что это за штуковины, но я не забыл предупреждение нашего медика и держал рот на замке. Они все равно ничего мне не ответят, а если и ответят, то точно уклончиво. Может повезет, и я вообще перестану влипать в такие переделки, как то слишком много всего в последнее время. Я думал, что спокойно буду зарабатывать инфаркт на камбузе далеко в пустоши, но нет, всем и тут надо вовлечь меня в какие то авантюры... Но где-то глубоко в душе я и рад такому раскладу.

— ...Джек, ты слушаешь? — Хардман вскинул бровь, недовольно наблюдая за моим явно отсутствующим видом.

— Ох, извини, Дейв, — спохватился я, доставая планшет, — я до сих пор не отошёл от того, что увидел в водозаборном отсеке. Знаете, я бы сел, если можно.

— Конечно, — физик указал на свободное кресло, спрятавшееся за соседним столиком, — присаживайся.

Следующие полчаса Дэйв пытался донести до меня, чем собственно они тут занимаются. А я утвердительно кивал, соглашаясь с его повествованием. Я так привык к монотонной работе руками на камбузе, что воспринимать свежую информацию и конспектировать в течение долгого времени сейчас оказалось для меня трудной задачей. Хотя я всегда считал себя если и не любителем, то, как минимум не профаном журналистики. Работая шеф-поваром в «Танце дождя» я имел хоть какую то умственную деятельность, составляя статьи и руководя подчиненными, и мне не приходилось делать всю ручную работу самому, как это было теперь. В принципе, учитывая, что я не разбираюсь в описанных им подробностях суть оставалась для меня все той же: в лаборатории учёные проводят анализ полученной жидкости, ставят оценку её качеству и бракуют при наличие веществ, не переносимых человеческим организмом. Это пересказ получасовой лекции физика Хардмана в двух словах, которую я досиживал с большим трудом. С усталостью нарастало и раздражение, бьющееся внутри, ища выход наружу. Сдерживать его было все труднее, а Дейв между тем продолжал:

— ...Та вода, которую мы пропустим на борт, будет доставлена, как ты уже знаешь, в Полис, в качестве питьевой. Именно поэтому «Рассел» так жёстко контролирует и спрашивает с нашего штата за любой просчет. По хорошему нам нужно бы больше времени на оценку полученных жидкостей, ведь самая чистая вода очень ценна...

— Бога ради, Дэйв! — Эмма вдруг прервала нашего физика: Посмотри на него Думаешь, ему интересна наша работа? Ещё немножко и Джек просто заснет у тебя на руках, а ты и не заметишь. Хватит накидывать песку, для простых горожан полиса ты рассказал всё более чем подробно.

Дэйв от неожиданности сморгнул, и поник:

— Ты права, как скажешь, Эмма.

Она потрепала меня за плечо:

— Проснись и пой, Джек! Нам с тобой пора на верхнюю палубу, посмотришь, как

«колодец» сливает излишки воды.

Это она имела в виду осадок, оставшийся после фильтрации полученной воды. Его кстати тоже набиралось немало, но как можно догадаться к употреблению эта жижа была негодна. Да-да, кое-что из лекции мистера Хардмана я усвоил! Хорошо, что есть записи на планшете, с их помощью я могу прослушать лекцию еще раз.

По пути на верхнюю палубу я невольно сверился с часами на голококке. Было уже за полдень! Часть команды, которая освободилась, уже наверняка осаждала Макса в столовой. Я нервно дернул плечами, искренне соболезнуя своему ученику и жалея, что не успел вернуться вовремя. Но работа есть работа, так решил капитан, а значит, мне нужно присутствовать на всех этапах сегодняшнего события. Да и чем больше Макс проводит времени на кухне в одиночку — тем быстрее он привыкнет к организации своего труда. Поймав себя на том, что думаю о нем как о будущей замене на мое место, я задумался еще больше. Разве я собирался уходить? Собирать тайны «колодца» меня вовсе не прельщает, да и было бы о чём регулярно писать. Большинство деньков не так богаты событиями, как сегодняшний. Я конечно с легкостью могу сочинить пару историй, например про постоянные выходы Николая, но их содержание очень быстро может выжать из меня все силы.

Занятый своими мыслями я и не заметил, как шагая на автомате вслед за Эммой, вышел на наружные мостки средней палубы. Такое задумчивое состояние «в астрале» уже давно вошло в привычку, и беспокоило меня все больше. Корабль за прошедшие пару часов на жаре нагрелся еще больше, я чувствовал, как жгучее тепло, исходящее от обшивки палубы пронизывает мои ботинки, нагревая ступни. На мне была тонкая шапочка, но ощущения были такие, словно под ней разжигали костер.

Мы подошли к самым перилам, где я как в первый раз принялся разглядывать корпус. Под его наклонным словно у древней пирамиды стальным боком слева и справа от нас виднелись огромные тёмные двигатели, турбины которых мерцали синим огоньком. А под ними, на расстоянии, словно гребни волн проплывали песчаные дюны. Они постепенно замедляли свой прибой, пока до меня не дошло, что дело в корабле, который начал останавливаться, пока, наконец, снова не завис, недвижимо паря над землей. Я непроизвольно отдернул руку, которую по привычке приложил к перилам: в разгар дня поручень был обжигающе горяч. Оглянувшись вверх, над нами, я увидел продолжение пирамиды нашего корабля, ошестинившееся солнечными батареями, жадно всматривающимися в лик солнца, впитывая его силу. Где-то там наверху, в кабине центра связи сидел сейчас Чарли, тоже тщательно наблюдавший за ситуацией на «Колодце-1». Капитан и его помощник в данный момент расположились по правую руку от нас — в передней приплюснутой кабине главного штаба, которая всегда меня забавляла своим нелепым дизайном.

Между тем Эмма через свой браслет вызвала фиолетовую голограмму нашей ИИ — Селены:

— Передай инженерам, что мы на месте.

— Будет сделано, Эмма.

Спустя несколько минут тишины и созерцания скалистой пустыни, неизменно простиравшейся до самого горизонта, я услышал железный скрежет. Словно где то внизу под нами открывался шлюз. А потом я увидел то, что запомнил на всю жизнь...

Я родился и вырос в Полисе. С самого детства и всю сознательную жизнь я имел

возможность наблюдать, как постепенно вода становится самым ценным ресурсом города. Замену органическим продуктам давно нашли в синтетических, создавая еду чуть ли не из воздуха, а вот с водой совсем другое дело. Разумеется, даже в таких условиях выживания люди умудрились создать нынешнюю технократию комитета, в которой было место как престижным сливкам общества так и нищим, или просто бездомным. Всех их объединяла новая экономика, в которой именно одна валюта играла решающую роль в твоём положении в обществе — это была вода. Добравшись в своей карьере до верхних уровней Мегаполиса и посетив владения местных обеспеченных личностей, вы можете увидеть новую демонстрацию их статуса. Роскошные фонтаны, бассейны, регулярно сменявшие свои резервуары с чистой водой. Когда как на нижних уровнях бедному населению полагалось так мало вожделенных капсул, что приходилось прибегать к самым разным уловкам. Я помню, как однажды даже была история с местными бандами, которые организовали нелегальную станцию. На ней они с помощью бог знает какого оборудования фильтровали все жидкости, включая и человеческие испражнения, которые потом вновь потреблялись нищим населением нижних уровней города, отдававшим порой за подобные подачки последнее, что у них было. История нынешнего существования человечества банальная как мир, к сожалению. Но чего еще вы ожидали от таких разумных существ, как мы? Такова наша природа. Всегда были богатые и бедные, это те реалии, в которых живет «цивилизованное» общество. Хорошо, что с такими преступными схемами по фильтрации и распространению нелегальной воды корпораты «Рассел» пока еще борются для вида, но кое-где в трущобах на это уже закрывают глаза. Конечно, недовольство жителей растет, возникает все больше вопросов к нынешней элите, и, несомненно, однажды это перерастет в открытое противостояние. Но речь сейчас не о том. Откуда то снизу, где видимо и распахнулся шлюз корабля хлынул мощнейший водопад, с шумом пробивший здоровую мокрую кляксу на песчаной поверхности, которая расползлась все шире, образуя небольшое озерцо. Я удивленно вытаращился, не ожидая такого грандиозного зрелища. Мутная вода меж тем продолжала шумно падать, бурля и разбиваясь сотнями брызг, сверкающих на солнце. Вода, похоже, непригодная к употреблению по нормам нашего здравоохранения, но я знаю, что многие из жителей Полиса, увидев подобное кощунство, могли бы полноценно озвереть. Сам я тоже видел подобное впервые, и даже внутри меня всклокотал протест. А ведь наш капитан решил сливать и фильтрованную воду, стремясь помочь пустынной флоре и фауне. Как мне записать всё это? Такая информация может сильно приблизить восстание в Полисе, где работяги весь день гнут спину на смене за капсулы на четыре литра воды. Задумывался Роберто Гатти об этом? Может он вообще задался именно такой целью, стремясь высечь ту искру, которая разожжет пламя революции и изменит расклад в пользу низших сословий нашего города? Или я не должен говорить о том, что видел? Придется уточнять у него лично.

— Сколько жителей отдали бы всё ради того, чтобы просто постоять там, под струями этой воды. — Пробормотал я, сокрушённо качая головой оглушенный гулом разверзшегося внизу водопада.

— И заработать кучу болячек, которая убьёт их куда быстрее, чем жизнь в нынешних условиях обитания. — Равнодушно пожала плечами Эмма. — Наше дело дать городу качественный, чистый ресурс, а грязную воду они и сами без труда найдут в трущобах...

Ее прервал вой сирен, заставивший нас встрепенуться, озираясь в поисках причины тревоги. Но горизонт был пуст: ни человека, ни даже облачка пыли. В чем тогда причина?..

— Внимание! — раздался в динамиках голос Селены — Тепловизор вычислил у точки сброса жидкости сигнатуру человека! Повторяю, за бортом человек!

Я бросился к перилам, и свесился на них, игнорируя обжигающий жар. Рядом мигом оказалась и Эмма, она тоже зорко вглядывалась в землю под нами. Поток воды уже сильно иссяк, последние струи падали вниз, пополняя быстро высыхающее по краям и просевшее по центру пятно.

— Я вижу его! — воскликнула Эмма. Наверняка она нашла его благодаря своей цифровой линзе, потому что я ещё ни черта не видел. — Вон там! — она указала куда-то чуть левее от маленького грязного озера, оставленного сливом воды. Сперва я ничего не мог разглядеть кроме него, но потом увидел у одного из краев небольшую кучку песка, по форме подозрительно схожую с человеческой фигурой. Видимо вода размыла почву и потревожила лежбище незнакомца. Песок зашевелился, из него вырвалась тонкая рука, укрытая просторным желтым рукавом. Она сделала пару движений, будто поправляя одеяло, тем самым ещё больше сбрасывая с ее обладателя песок, и бессильно упала обратно. Меж тем корабль начал медленно снижаться к пострадавшему. Я почувствовал мурашки, пробежавшие по спине. Какого черта он там оказался?

— Поразительно! — задумчиво протянула Эмма, жадно рассматривая рукастую песчаную кочку, — Так значит, это правда!

— Что именно? — осведомился я.

— Этот человек из общины аборигенов, возникших в пустыне ещё десятилетия назад. Они весьма скрытны, Джек, у нас было очень мало времени и ресурсов для их изучения, за эти годы мы еще не разгребли бардак в самом Полисе, что уж говорить об исследовании пустыни. К тому же у «Рассел» другие приоритеты на данный момент. Но кое-что всё же удавалось выяснить. И среди того, о чем сплетничали наши коллеги, был и тот факт, что пустынные общины имеют свои верования, проводят обряды поклонения. Этот дикарь, судя по всему один из добровольцев, ставший жертвой их богу, кем бы он ни был.

— Я до недавнего времени вообще не слышал о том, что за стенами Мегополиса есть кто-то, кроме рейдеров. — я ошеломленно рассматривал человека, все еще ворочающегося, словно спящий, чей блаженный сон потревожили и он хотел лишь одного: немедленно вернуться обратно в глубины забвения. Но этому не суждено было сбыться: корабль уже опустил трап ангара, по которому к пострадавшему спускались Леонс и Стив. Я узнал их только по фигурам — они были одеты в костюмы химзащиты и осторожно толкали капсулу, парящую над землей, словно в невесомости. Такую я видел у учёных в лаборатории. Вслед за ними в бело-зелёном химкостюме твердо шагала Хлоя, неся в руках стальной контейнер с медикаментами, обмотанный желтой лентой. Ее сопровождала Сандра, с оружием наготове.

— Осторожно, не вступайте в зыбун! — напутствовал их через динамики корабля Гордон. Заворожено я наблюдал, как наши парни разгребают песок, вытаскивая оттуда лениво отбивающегося долговязого человека, одетого в желтую робу, напоминавшую огромное пончо, обшитое красной нитью по краям. Другой одежды видно не было. Волосы у него были длинные и спутанные, их цвет было не разобрать от налипшей грязи. Подоспевшая Сандра заковала его тонкие, покрытые коркой пыли и песка запястья в наручники. Несмотря на стоявшую жару, меня прошиб холодный пот. Теперь Хлоя могла относительно безопасно осмотреть пострадавшего, к чему она и приступила, методично проводя обследование, проверяя пульс и прочие показатели. Нужно было отдать должное ее хладнокровию и выдержке, у медиков это приобретенное видимо. Сам я мог сохранить

внешнее спокойствие в подобной ситуации, но внутри меня точно раздирали бы паника. Кто знает, может наш бедный медик и испытывает нечто подобное. Я очень переживал за Хлою, напряженно наблюдая за происходящим. Эмма же, напротив, не испытывала ничего кроме профессионального любопытства. Свешиваясь с перил всё ниже, она только и восклицала, что о важности подобной находки:

— Мы непременно отправим его на исследования в Полис. Этот индивид чрезвычайно важен для пополнения наших знаний о происходящем в пустошах! Вам невероятно повезло быть здесь сегодня в качестве журналиста, Джек. Это событие исторической важности. — оживленно улыбнулась она, обратившись ко мне. Я ответил кислой ухмылкой, не разделяя ее оптимизма. Население городов знать не знало, что за стенами есть кто-то кроме бандитов. Не думаю, что информации об этом аборигене дадут просочиться в Полис, лишние досужие сплетни правящему комитету не нужны. Это приводило к неутешительным выводам о судьбе подобранного нами человека. Не удивлюсь, если он навсегда останется в лабораториях корпорации. Говорить об этом я, разумеется, не стал. Подобные вещи и так были очевидны абсолютно каждому, но никогда никем не высказывались вслух. Между тем Хлоя, видимо удовлетворенная результатами осмотра, кивнула остальным. Леонс со Стивом за руки и за ноги положили жителя пустыни в капсулу, и законсервировали ее, закрыв над ним прозрачную крышку. Процессия с загадочной капсулой во главе, замыкаемая Сандрой, двинулась обратно к недрам ангара. Я выдохнул и ощутил волну сильной усталости, внезапно навалившейся на меня. К тому же стояла адская жара, не представляю как ребята внизу выдержали скакать по песку в химкостюмах.

— Пожалуй, я увидел достаточно. — Сказал я почвоведу, — думаю мне нужно на камбуз, к Макс. Он там, наверное, уже на стенку лезет!

— Да, конечно, Джек. — Рассеянно ответила Эмма, уже погруженная в свой планшет. — Мне тоже нужно поторопиться в медблок. Я должна присутствовать на обследовании этого дикаря!

Искренне надеюсь, что она не заметила мою гримасу, я сухо попрощался:

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Никогда не думал, что буду возвращаться к своей работе с таким облегчением! Но на кухне покоя мне не давал Макс, возмущенный моей задержкой, и, разумеется, тем, что он из-за меня пропустил:

— Почему всё самое интересное происходит именно тогда, когда я тебя подменяю, Сэнсэй? Может это ты — наш магнит для неприятностей?

— Возможно. — я сделал вид, что всерьез размышляю над этими словами. — Ведь именно когда моя задница оказалась на палубе у экипажа сразу всё пошло наперекосяк!

Всю дорогу мой ученик донимал меня расспросами о произошедшем. Я мог понять любопытство парня, но у меня не было ни сил ни настроения, чтобы удовлетворить его ответами на вопросы. В конце концов, почувствовав, что его неугомонность начинает меня раздражать, я отправил его восвояси, пообещав разобраться с оставшейся работой самостоятельно. Он с готовностью оставил меня наедине с работой и моими мыслями, отправившись узнавать подробности у других членов команды. Руки доделывали сегодняшние поварские задачи, но из головы всё не шла та картина с человеком, помещенным в капсулу. Я понял, что тоже хочу взглянуть на него поближе. Поэтому, после завершения смены я сразу же отправился в медблок. Завидев у входа в кабинет Хлою

неизменную троицу Макса, Леонса и Стива, я не был ни капли удивлен.

— Салют, ami! — воскликнул француз. — Что, тоже живот прихватило? Это всё наш Микс, опять он приготовил нам какой-то бурды, пока тебя не было. За ним нужен глаз да глаз.

— Я хотя бы людей в песок не закапываю. — Тут же откликнулся обиженный Макс.

— Э-э, я не закапывал, я, между прочим, спас человеческую жизнь! — Леонс подбоченился, гордо выпятив грудь.

— И как он тебе? — спросил я его.

— Ну, как ты думаешь, выглядит паршиво. — Леонс пожал плечами, — сейчас его умыли, сняли эти лохмотья, а под ними — ну просто живой скелет! Таких доходяг можно только в самых низах Полиса встретить. Шрам еще у него на животе, брр... Сходи, сам посмотри, Хлоя конечно не в восторге, что у всей команды внезапно живот прихватило, но относится он к нашему любопытству, пока что, снисходительно. Даже капитан с мистером Флоресом приходили поведать его, так Роберто так на этого дикаря вытаращился, что мне не по себе стало.

Я кивнул и постучал в медблок. Дверь распахнулась, и я шагнул в полный лекарственных ароматов белоснежный отсек, услышав напоследок напутствие:

— Смотри, в обморок там не упади.

Здесь все было на своих местах, словно и получаса не прошло с тех пор, как я в последний раз был здесь, когда мне залатали руку. Если не считать нового пациента, уже уложенного в медпринтере, принявшем прямую стойку и полностью закрытом, когда как я сидел лишь на его составной части, в форме кресла, если мне не изменяет память.

— Удивительная штукавина! — заключил я, рассматривая капсулу.

— Я надеюсь, ты не о пациенте, Джек. — откуда-то из недр медблока возникла Хлоя Уайт. Вид у нее был уставший: рыжие волосы чуть растрепаны, на медицинском белозеленом пиджаке я заметил несколько пятен. Ее лицо имело утомленное выражение, и только ее зеленые глаза светились каким то озорным блеском. Даже сейчас я поймал себя на мысли, что люблюсь ее красотой. Это снова вызывало ощущение неловкости, я лишь надеялся, что не покраснел.

— У тебя какие то жалобы на здоровье? — уточнила она, вскинув бровь.

— Излишнее любопытство, доктор. — Сокрушенно покачал я головой и улыбнулся ей.

— Боюсь, это не лечится. Я могу дать тебе витаминов, для поддержания тонуса, но их уже растащили все мои сегодняшние пациенты. — Она, тяжело вздохнув, кивнула в сторону двери, за которой собрался наш экипаж, развела руками, и опустилась в кресло. — Проходи, взгляни, только не беспокой его.

Осторожно, словно к клетке с опасным зверем, я приблизился к медпринтеру, разглядывая спасенного нами аборигена. Это был молодой мужчина. Леонс не соврал: он был очень худой, но всё же, чуть поупитаннее, чем какой нибудь больной анорексией. Теперь я мог рассмотреть его лицо, вытянутое с прямым носом и тонкими бледными губами, потрескавшимися от долгого пребывания на солнце, его глаза были закрыты. Кожа спасенного, теперь умытая от грязи, была жёлтого оттенка, а длинные спутанные волосы были ему по грудь. Он лежал на спине, пристегнутый в руках и ногах ремешками. На его животе я увидел шрам от аккуратно зашитого разреза. Судя по всему, когда то он пережил операцию, что было крайне странно для аборигена, всю жизнь сидевшего в пустыне.

— Он до сих пор пытается продолжить свой сон. — Тихо произнесла Хлоя за моей

спиной. Когда мы доставили его ко мне, он проснулся, спрашивал, зачем мы потревожили его.

— И как его состояние? — спросил я, не отрываясь от худощавого, но вместе с тем симпатичного лица спящего.

— Обезвожен, есть ожоги на ступнях, так как ходил он босиком, наглотался песка, лежа в своей яме. В его крови я не обнаружила никаких ядов или транквилизаторов, но билирубин повышен, это объясняет его желтизну — возможно, он страдает саркоидозом, но для подтверждения нужно провести больше анализов. Он спит вот уже весь день, и неизвестно, сколько он еще пробыл во сне, пока мы не наткнулись на него. Я никогда не сталкивалась ни с чем подобным. — В голосе нашего медика слышалось недоумение.

Я ничего не ответил, продолжая разглядывать доходягу и ощущая прилив сострадания. Внезапно он распахнул веки и перехватив мой взгляд своими карими глазами, слегка шевельнулся, насколько это было возможно в его скованном положении. Белки у него были с мутно-желтым налетом, выглядело это жутковато. Я услышал, как позади встрепенулась Хлоя, но пересилив свою тревогу, приложил руку к стеклу его капсулы, мягко сказав:

— Бедолага, как же тебя занесло в эти пески? Твои родичи принесли тебя в жертву? Или ты заблудился, и бродил, пока силы не покинули тебя? Так или иначе, не волнуйся, ты среди друзей. Хлоя — я кивнул на девушку, тревожно переминающуюся за моей спиной — наш целитель. Она мастер своего дела, понимаешь? Она тебя подлечит, но до того как ты поправишься нам придется держать тебя здесь. Но это лучше, чем валяться в песке под палящим солнцем, правда? — Искренне улыбнулся я незнакомцу. Не знаю, понял ли он хоть одно мое слово или нет, но слушал он мой голос внимательно. Едва я замолчал, желтый человек мгновенно утратил свой ко мне интерес, уставившись в потолок. Постепенно веки его сомкнулись, дыхание выровнялось. Хлоя наблюдала за нашим диалогом искренне улыбаясь моим словам.

— Тебе не страшно с ним тут одной? — обернулся я к Хлое.

— Пока он в медпринтере мы в безопасности. К тому же, он так слаб, что не совладал бы и с ребёнком. Ты же видел, как он отбивался, когда мы вытаскивали его из песка? Как ты сам сказал, на реабилитацию ему нужно время. Вечером меня подменит кто-то из штаба — Чарли или Сандра будут дежурить у медблока.

— Это первый человек, не относящийся к экипажу, попавший на борт во время рейса?

— Если не считать пережитые кораблем абордажи рейдеров — да. Зайцы или контрабандисты в основном интересуются транспортерами, колодцы для них слишком непрактичная и затратная затея. Пытались конечно проникнуть и не раз, все таки мы воду перевозим. Но каждый раз получали от наших безопасников, с колодцев еще ни одну цистерну не стащили. А эти аборигены всегда обходили нас стороной. Вживую я не видела никого из них, что уж говорить о лечении. — Хлоя вновь устало вздохнула, вернувшись за свой рабочий стол, она выжидающе посмотрела на меня.

— Что с ним будет? Ну, когда мы вернемся в порт.

Она пожала плечами:

— Понятия не имею, это решать не мне, а руководству корабля. Думаю к нашему возвращению он уже может восстановиться.

— Ладно, прости, не буду отвлекать. — извинился я.

— Не страшно. Я понимаю тебя так же, как и всех остальных, экипаж обеспокоен. Думаю, скоро мистер Гатти проведет собрание, на котором мы все обсудим. А сейчас

хорошего вечера, Джек.

— И тебе. Ты сегодня здорово сработала!

Я вышел из медблока, и, немного поболтав с ребятами, отправился в свою каюту, не чуя под собой ног от усталости. Я сделал пару записей о событиях сегодняшнего дня и надеялся отдохнуть, но желтый человек все не шел у меня из головы. Конечно, это не помешало мне благополучно вырубиться, да так, что я даже не сразу услышал сигнал утренней побудки.

Работал я вяло, неспешно готовя экипажу завтрак. Но мы все же успели вовремя. Макс разливающий экипажу в столовой напитки, рассказал, что Хлоя на завтрак не пришла. Я не придавал этому особого значения, пока позже, во время обеда, не выяснилось, что она не пришла и на него.

— Подменишь меня, Макс? — Спросил я помощника. — Я отнесу ей её порцию.

Тут он уперся:

— Ну уж нет! Я и сам справлюсь с таким поручением, сэнсэй, а то опять все самое интересное пропущу, пока в кастрюлях ковыряюсь.

Я с неохотой уступил. Всё-таки я хотел лично порадовать Хлою, принеся в медотсек обед. Но я решил не спорить с помощником, зная, что болтливый Макс сразу учует, в чём тут дело. Собрав ему поднос с обедом для нашего медика, который мы накрыли красивым прозрачным колпаком. Я придержал Максу дверь, чтобы он не споткнулся, и, балансируя с подносом еды, он зашагал через столовую. Я провожал его печальным взглядом, пока он не исчез в недрах корабля.

Вскоре Макс вернулся, сообщив, что Хлоя в порядке, пациент по прежнему на месте и она благодарит нас за нашу заботу. А чуть позже я получил оповещение на свой браслет, в котором помощник капитана объявил общее собрание вечером.

В этот раз было особенно непривычно, потому что Гордон собрал нас в комнате отдыха. Кто-то, как и я пришел пораньше, некоторые явились впритык по времени, но не опоздал ни один. Капитана и его помощника видно не было. Мы расселись в уютные кресла и ждали появления мистера Флореса. Ожидание проходило в полном молчании. Я обвел взглядом собравшихся в каюте отдыха членов экипажа: все они в основном были напряжены, и старались не смотреть друг на друга. Непривычно серьёзный Леонс, сидевший неподалёку от меня, поймав мой взгляд, попытался ободряюще кивнуть, но вышло как-то не очень обнадеживающе. Я кивнул в ответ. Перри поникнув, сидел, уставившись на свои большие ладони, что-то тихо бубня. Даже Макс сидел с кислой миной, забыв про свои шуточки. Из пилотов пришел только Сэмюэль, оставив Тома править кораблем. Чарли задумчиво хмурился, теребя свои рыжие вихры. Рядом с ним, то и дело тихо поругиваясь, на стуле развалилась Сандра, сплетя руки на груди. Особенно злым выглядел Николай, но я старался избегать его взгляда, мало ли что взбредет ему в голову. На фоне общей подавленности наши учёные, обычно самые тихие и спокойные, теперь выглядели ну настоящей душой компании! Дэйв и Эмма сели вплотную друг к другу, довольно громко и оживленно обсуждая какие-то данные в их планшете, который они положили друг другу на колени. Воистину этих и взрыв на корабле не проймёт, глазом моргнуть да и вернуться к своим вычислениям. Я вдруг почувствовал укол зависти: мне бы такую увлеченность своей работой! Пойти таки учиться на инженера что ли? Рядом с ними расположилась Хлоя Уайт. Она была красива, как и всегда, но на лице ее застыло пугающе отсутствующее выражение. В глаза бросался черный маникюр, выделяющийся на бледных ладонях. Она сложила руки на коленях. На ее грудь спала копна собранных в хвост рыжих волос. Хлоя поправила очки, а я поспешил отвести

взгляд, надеясь, что никто не заметил как я бестактно на нее пялюсь. Но с каждым разом отвернуться от Хлои было все труднее, а ее появление будоражило мое сознание. Это порождало противоречивые чувства, поднимавшие внутри меня бурю смятения. Заметив таки мои косые взгляды она тепло мне улыбнулась. Я смущённо улыбнулся в ответ.

Наконец, в каюту чинно вошел Гордон Флорес, он прошествовал к свободному креслу. За его безупречной выправкой проглядывалась сильная утомленность.

— Всем спасибо, что пришли. — объявил он, — Я буду краток: для начала я бы хотел от имени капитана и компании «Рассел» поблагодарить вас за проявленное хладнокровие и профессионализм. Отдельное спасибо нашей докторше (очередной повод взглянуть на Хлою), показавшей себя настоящим мастером своего дела, быстро оказав необходимую врачебную помощь пострадавшему. Все ветераны колодца знают: это человек за бортом, спасенный нашим экипажем. Первый, беспрецедентный случай за всю историю судна. Он не страдает заразными заболеваниями, не является гражданином Полиса, но не может покинуть корабль самостоятельно, следовательно, капитан принял решение как можно скорее выгрузить его в порту, где он станет проблемой комитета, а не нашего корабля. На время пребывания на борту больной будет числиться пациентом, и не покинет медотсек до прибытия в порт. Поскольку цели нынешнего рейса успешно выполнены, «Колодец-1» сейчас же возьмет курс в Полис мы пойдём так быстро, как только сможем.

Команда выслушала доклад помощника капитана молча. Собрание завершилось быстрее обычного, все разошлись по своим делам. Дальше нас ожидало трехдневное утомительное возвращение в порт. Экипаж старался выполнять повседневные обязанности, но на лицах друзей и коллег я наблюдал тень тревоги.

Глава 8 Вопросы

Два дня возвращения в порт с неожиданным гостем на борту казались нам вечностью. Команда была обеспокоена, техник Ник вообще открыто возмущался наличием постороннего на корабле. Я старался успокоить ребят хорошей стряпней, что мне к счастью удавалось. Никаких заминок на кухне не происходило, и мы с Максом успешно пичкали экипаж вкусными обедами. Я думал, что к голодным ртам, которые я должен кормить прибавится и таинственный спасённый, но он редко приходил в себя. Когда я решил уточнить насчет того, нужно ли мне готовить и на него мистер Флорес ответил мне, что больной не в состоянии принимать пищу самостоятельно. Напротив, столовую совсем перестала посещать Хлоя, всерьез обеспокоив меня этим обстоятельством. Похоже, я всё-таки был к ней неравнодушен, хоть и старался не признавать этих чувств. В общем, я думал заглянуть к ней со вкусным ужином и узнать, всё ли в порядке. Наверняка ей было бы приятно снова поесть нормальной пищи, на сухих пайках жить можно, но они, как известно, не доставляют удовольствия, просто избавляют тебя от голода и всё. Однако, то ли из-за стеснения, то ли от усталости я всё откладывал. Да и не только наш медик беспокоил меня. Как я уже сказал, вся команда была на взводе. На второй день нашего маршрута домой мне захотелось оттянуться на вечерних посиделках в зале отдыха, которые я чаще всего пропускал. Но мои надежды были разрушены новостями, полученными из Полиса вечером.

— Джек, ты слышал? — тронул меня за плечо Макс, когда я всюду был занят уборкой кухни. — В Полисе начались массовые беспорядки. Корпораты применяют оружие, чтобы разогнать бунтовщиков. Говорят, что появилось какое-то “сопротивление”.

Таких тревожных событий я не помнил со времён своего детства. Да, забастовки — частое явление в Полисе. Но массовые столкновения? Такого очень давно не случилось.

— Откуда ты узнал? — тихо спросил я. На борту связь с Полисом по регламенту поддерживалась лишь штабом. Члены обслуживающего экипажа не имели права пользоваться какими либо сетями, кроме локальных.

— Стив передал Леонсу. Ну и он шепнул мне на ужине.

Я лишь кивнул. Бармен оставил меня наедине с мыслями. Значит, об этих событиях знает уже вся команда, я очень часто узнавал новости одним из последних, застряв на камбузе. Выходит, что в городе неспокойно. Это паршиво, люди хотят справедливости и я тоже. Но какую цену мы за это заплатим, развалив и без того шаткую экономику Полиса. Если это “сопротивление” начнет вооружённое восстание, то мирному населению несдобровать. Обычно ношение оружия допускалось только корпоратами и службе безопасности комитета. Его распространение очень строго пресекалось в Полисе и сурово каралось. Поэтому можно было сделать вывод, что к нашему возвращению в порт Полиса первые волны стихийных столкновений уже подавят. Но это, разумеется, никак не поднимало настроения. Беда не приходит одна, как говорит старая мудрость.

Утром следующего дня, когда я уже накрыл для экипажа завтрак, ко мне в дверь камбуза аккуратно постучали.

— Входите! — Крикнул я, дверь камбуза была не заперта. Она беззвучно приоткрылась, и на кухню воровато просочился Леонс. Выражение лица у него было непривычно сосредоточенным, ни следа обычной беспечности. Убедившись, что на кухне мы одни, он ловким скачком оказался возле меня и прошептал мне на ухо:

— Джек, извини что влез на камбуз, но, я хочу, чтобы во время остановки в Полисе мы с тобой прошвырнулись по городу вместе. Это очень важно. Пойдешь?

Я изумленно вытаращился на него, не зная, что сказать. Француза словно подменили: ни капли привычной беспечности. Он даже не воспользовался повисшей паузой, чтобы подколоть меня очередной остротой. Наконец опомнившись, я так же серьезно ответил:

— Если это важно для тебя, Леонс, то конечно я готов выделить время.

Он расслабился, буквально всем телом выдавая своё облегчение. Похлопав меня по спине, он тихо сказал:

— Встретимся на причале порта, amі. Я буду ждать.

Таким же стремительным скачком он оказался у выхода, и аккуратно просунул голову в дверной проём. Убедившись, что столовая пуста, он исчез за дверью. Я оторопело провожал его взглядом, совершенно забыв про свои обязанности. Что это на него нашло? Видимо пронюхал ещё что-то в штабе. А может, действительно просто хочет прогуляться? Верилось с таким трудом, что я даже усмехнулся своей наивности. Ну чего гадать, надо ждать. Впереди был ещё весь день, полный забот. Макс мне сегодня не помогал, занятый пересчетом барного сырья, поэтому кормил я всех сам. Это давалось мне с трудом, к лишней паре рук быстро привыкаешь. Но зато, с головой уйдя в работу, я и не заметил, как на часах уже было пять, и приближалось время ужина. Правда, готовить его в этот раз не было нужды — мы вот-вот должны были прибыть в порт. Наконец, едва я закончил ежедневную работу, мой голокомм завибрировал, оповещая о скорой стыковке с грузовым причалом Полиса под номером три. Я еле успел закончить с делами и изумленно уставился на сообщение, в моем браслете: мы прибыли в самые короткие сроки. Неужели всем так не терпелось избавиться от несчастного бедолаги, заключенного в медпринтере? В мою голову начали закрадываться параноидальные мысли: а вдруг он не так безобиден, как говорит Хлоя? Может она что-то недоговаривает экипажу, как тогда, с медпринтером, о котором она попросила меня молчать? Необъяснимое чувство тревоги, гнетущее команду последние дни, начало овладевать и мной. Стоя на пороге камбуза, окидывая прощальным взглядом прибранные столы и вычищенную посуду, я почувствовал, как напряжение сдавливает плечи. Я смерил шагами стальную плитку столовой, осматривая пустующие обеденные столики в залитом солнце зале. «Колодец-1» начал скрипеть и слегка ворочаться, как он обычно делал перед посадками. «А, в зыбуны все!» — пробормотал я, остановившись у стойки. Нужно было снять напряжение. Заварив себе чашку черного чая с мёдом, — неслыханная роскошь для жителей Полиса, — я застыл у панорамного окна, оглядывая проплывающие под нами окрестности и стараясь насладиться каждым глотком изумительного чая. Внизу раскинулся пригород, состоящий из полуразрушенных трущоб, разбитых шоссе и кучи мусора из города, которую уборочные дроны Полиса сортировали крайне редко. Жить в этих местах считалось самым паршивым делом, но люди жили. Те, кому не нашлось места в самом Полисе, ютились непосредственно возле города, надеясь хоть на какую-то если не поддержку, то защиту. Иногда им помогали волонтеры, иногда устраивали чистки корпораты, ведь там, куда не достает рука комитета процветает преступность и черные рынки. Для городских банд нищее население было настоящим сокровищем. Легко внушаемые, они не думают о том, что будет завтра, капсула воды им и их семье нужна уже сейчас. Мда, в общем, расслабиться у меня не получилось. Тяжело вздохнув, я помыл чашку и побрел к монорельсу, перед этим быстро заскочив в свою каюту, я переоделся в штатское, набросил сверху бежевую накидку и спешно направился на нижний уровень корабля. Внутренне я готовился к

какойнибудь подлянке: вдруг порт все еще оцеплен службой безопасности «Рассел»? А что если наш больной окажется носителем опасного вируса, и нас просто изолируют? Эти и другие не менее многообещающие сценарии пронеслись в моей голове, а шаги моих форменных ботинок, стуча по обшивке, гулко отдавались в ушах, словно отсчитывали время до начала чего-то неминуемого. Но ничего не происходило, и мой путь в погрузочный ангар проходил как обычно через транспортный отсек Колодца. Ангары порта встретили меня привычной картиной неустанно суетившихся ботов, разгружающих контейнеры, ничего подозрительного. Вокруг нашего корабля уже всюю копошились дроны, проводившие стандартную диагностику состояния судна. По соседству с нашим кораблем прикорнула парочка транспортеров, их экипаж лениво слонялся по мосткам. Наши же техники напротив: носились у приемного отсека, возглавляемые, почему-то, Стивом.

— Он сказал мне, что будет сильная буря, и поэтому старушка так торопилась в порт, представляешь? Как я устал от вранья! — Ядовито фыркнув, словно бы из ниоткуда рядом со мной возник Леонс. Одет он был в штатское, как и я, если так можно выразиться, потому что мои поношенные накидки какого-то буддистского монаха и рядом не стояли с его красным костюмом. Выглядел он в нем великолепно, впечатление портило лишь рассерженное выражение на его загоревшем лице. Пожалуй, никогда еще я не видел Леонса таким раздраженным, нет, встревоженным? Бросив на меня быстрый взгляд серо-зеленых глаз, он вскинул бровь и спросил:

— Ну что, амі, идем, пройдемся?

— Леонс, ты же знаешь, мне нужно принять поставки и проверить чтобы все было на месте... — Запротестовал было я, но он заткнул меня изящным движением руки, не терпящим возражений:

Хоть раз обойдутся твои овощи без тебя, амі? А представь, как твое отсутствие порадует старика Мэла? — француз, на мгновение ставший собой прежним, улыбнулся, — Он же будет так счастлив, будто пять капсул воды нашёл!

Я улыбнулся в ответ, не в силах устоять перед его очарованием, но все же предпринял последнюю попытку:

— Но Мэл действительно безответственно относится...

— Джек Салливан! Хоть раз попробуй перестать жить одной работой и изволь насладиться этим прекрасным днем в моей компании! — Прервал меня Леонс, яростно потряхнув челкой. — Как знать, может он последний в нашей жизни. Ты же слышал о беспорядках? Да и Стив там о буре что-то болтал... Думаешь у меня работы нет, в конце концов? Погрузят тебе твои овощи, их боты таскают. Ну, проживем если что на пайках, пошли. — С этими словами он потянул меня за рукав моей накидки, и я волей-неволей потащился за ним. Я уловил на себе обиженный взгляд Стива, провожающий нас до самого ангара. Неужели они с Леонсом поссорились? Мы пересекли недра сортировочного центра ангара, где я засмотрелся на перемещающиеся вокруг контейнеры самых различных форм и размеров. У терминалов ожидали своих поставок команды с других кораблей. Я, всё ещё ведомый Леонсом, молился, чтобы лишний раз не встретить Мэла. Но если в ангаре никто не орёт, значит, управляющий порта занят сегодня другими, более важными вещами. В противоположном конце зала располагались проходные к подъемникам. На них людей вместе с техникой перемещали наверх в Полис и из него. Тут мы прошли через сканер, и нас встретили охранники порта — мужчины и женщины, облаченные в корпоратскую броню, их лица были едва различимы под забралами закрытых шлемов. Привычными движениями они

быстро обыскали нас, один из них — видимо главный — отсканировал наши голокоммы и, отступив в сторону, сделал приглашающий жест в сторону подъемников:

— Проходите.

По накатанному пандусу мы взошли на круглую платформу, с небольшим терминалом. Подъёмник, как и прочие, пристроился к высокой стене, нависшей над нами. Точнее не совсем стене: она являлась как бы фундаментом Полиса. Наверху было видно лишь круглую шахту подъемника с мерцающими сигнальными прожекторами. Свет стеклянного купола зала ожидания порта едва различался наверху. Я вздохнул: подниматься было высоко. По соседству с нами взмокшие от пота работники порта в засаленной форме сгружали с такого же подъемника какую-то технику. Пока я смотрел на них, Леонс поколдовал над терминалом, и платформа под нами плавно тронулась вверх.

— Давненько я не был в Полисе, — пробормотал я, — как думаешь, беспорядки уже поутихли?

— Конечно, Джек. Иначе я бы туда и носа не сунул. Расслабься. Кстати, нам с тобой посидеть бы гденибудь. Есть варианты? Как насчет сходить в «Танец дождя»? — Он ехидно ухмыльнулся.

— Вообще-то «Танцующий дождь» — поправил я его, — Ну уж нет, как-то не хочется. И откуда ты только помнишь, где я работал раньше?

— Это еще что, амі! Я, между прочим, читал твои заметки в Time to cook. — улыбка француза стала еще шире при виде моей ошарашенной физиономии.

— Ну, в любом случае это заведение нам не по карману. — теперь настала моя очередь ухмыляться.

— Ты чужие деньги не считай! Ладно, раз предложений нет... Знаю я одну забегаловку неподалеку, думаю там нам не помешают.

— Не помешают в чем?.. — спросил было я, но мой вопрос утонул в шуме толпы: платформа под нами дрогнула, а резкий короткий сигнал оповестил о прибытии. Перед нами открылся оживленный полный людей и ботов зал, представлявший из себя просторный стеклянный купол, облаченный в каркасный стальной скелет. Через окна, нещадно слепя, пробивались отсветы вечернего солнца, заставляя жмуриться. Ограждений у края платформы тоже не было, мы шагнули на эдакий перрон с жёлтыми линиями разметок, окружавший подъемники, расположившиеся в самом центре зала. Вокруг суетились сотни людей: от пассажиров до капитанов транспортеров и других кораблей. По левую руку, у стеклянных стен, за которыми зеленела редкая растительность, виднелись огромные очереди к портовым терминалам, небольшие рамки досмотра и пара групп корпоратских охранников. В другом конце здания, где находились парадные двери был старый барельеф, на котором изображались парящие над землёй колодцы «Рассел». Что примечательно, выглядели они все как наша старая модель, когда как «Колодец-1» — последняя из сохранившихся оригиналов, а земля, простирающаяся под ними, была ещё довольно обильно покрыта деревьями и кустарником, чего в наших краях издавна не водилось в таких количествах. В общем, было видно, что работа выполнена мастерами задолго до кризиса с засухой. Тут и там были разбросаны круглые бордовые диванчики, на которых вповалку спали пассажиры, ожидающие своего рейса. Было непривычно видеть такое столпотворение: обычно в порту не было ажиотажа, путей сообщения-то и было, что в соседний Полис. Уехать в другой штат или страну могли только самые обеспеченные, и делали они это в основном на частных транспортниках и кораблях. Видимо возникший бунт вызвал волну миграции в соседний

мегаполис всех самых испуганных и осторожных горожан. Мы с Леонсом прошествовали вдоль невысоких треугольных столбиков с синими голограммами ограничительных лент. Ботинки слегка скрипели на вычищенном, местами потрескавшемся мраморе пола. Барельеф, ещё с подъёмника казавшийся большим, теперь нависал над нами бесформенной бронзовой толщей. За нашими спинами, в дальнем конце зала открывался замечательный вид на горизонт пустыни, а ожидавшие там пассажиры и работавшие грузчики имели возможность взглянуть через панорамные окна на застывшую у причалов флотилию кораблей порта, расположившуюся под куполом. Мы проскользнули через дверной проем и вновь вышли на душный воздух портовой площади, украшенной хилым подобием сквера. Выполнен он был в основном из строгих гранитных рамок, украшенных памятниками и растительностью из цветных металлов — с живыми растениями на средних уровнях Полиса было туго, разве что кактусы выдерживали нынешнюю погоду. Но выглядело неплохо, особенно по вечерам, когда по всему мегаполису включалось освещение. Вдоль мраморных дорожек были раскиданы прилавки, в основном с закуской. Воду не продавали — люди получали ее пайками, в зависимости от статуса или зарплаты. А за такой роскошью, как моё любимое мороженое нужно идти в высшие заведения, да и то не факт, что там не подадут синтетическое. Я улыбнулся светлым воспоминаниям о работе в ресторанах, где я имел возможность изредка подеять у бармена шарик-другой изысканного прохладительного десерта. Но грех жаловаться: в отличии от капсульной системы обеспечения водой Полиса у нас на «Колодце-1» стояли кулеры, из которых можно было хоть упиться. За портовой площадью почти сразу простирались высотные здания, закованные в толстую броню, надежно защищавшую их от песчаных бурь, они словно рыцари из старых сказок через узкие окошки своего забрала, печально осматривали раскинувшееся под ними царство, хаотичный оплот человечества. Но, несмотря на общую угнетающую атмосферу, не стоит забывать, что есть еще верхние уровни, на которых дела шли куда лучше. Это собственно и спровоцировало вспыхнувшее восстание населения. Его следы мы заметили ещё спускаясь с лестницы парадного входа в порт. На улицах было непривычно пусто, вместо некоторых ларьков местами виднелся лишь обугленный след на мостовой. Витрины забегаловок, расположившихся в зданиях неподалеку, были выбиты и наспех заделаны тем, что попало под руку их владельцам. На углах сквера дежурили патрули службы безопасности комитета. От площади в нескольких направлениях широкие улицы прямой линией рассекали нагромождения небоскребов. Они были довольно оживленными в это время суток, когда жар начинал сходить на нет. Мимо нас сновали самые разные люди: долговязые парни с стоячими разноцветными ирокезами, девушки в кричащих цветастых костюмах и крашеными косичками, тут и там виднелись сомнительные группы имплантированных до зубов людей, которых я больше всего старался обходить стороной, испытывая перед этими трансформированными людьми настоящий ужас.

Я поспешил за своим другом до центра сквера, и, остановившись, спросил:

— А к нам никто не присоединится?

Француз лишь покачал головой в ответ, и мы пошли дальше. Я больше ничего не спрашивал, гадая, что же у него на уме. Обычно первым, кого брал на свои прогулки Леонс, был, разумеется, Стив. Они вообще повсюду умудрялись возникать вместе, несмотря на абсолютно разные уровни допуска и должности. Вторым в списке числился вездесущий Макс, которому только дай возможность бросить все и прошвырнуться по Полису, тратя жалование на всякое ненужное барахло в центре. Я неизменно числился в этом списке

последним, на что, в общем, никогда и не жаловался, напротив, предпочитая покой на борту и тишину нашего корабля шумному и сумасбродному Полису.

Пока я витал в облаках, Леонс поймал нам такси. Удовольствие сильно дорогое по нынешним меркам, но все еще имевшее место быть. Полис был большим, как никак. Вообще перемещение по городу для простого населения осуществлялось строго на наземных электромобилях. Ну, было еще метро и монорельсы, проходившие в основном над автомагистралями. А вот летающими транспортниками пользовались уже только спецслужбы, такие как скорая, служба безопасности «Рассел» и члены комитета. На частные корабли сливок общества в корпорации «Рассел» обычно закрывали глаза.

Я устроился на заднем сидении в салоне старенького универсала «Amulet», а Леонс уже вовсю болтал с водителем — грузным мужичком в фиолетовой рубашке, с пышными светлыми бакенбардами на улыбчивом лице. Пока электрокар петлял по улочкам, он успел прочитать целую тираду о недавних погромах, так плачевно сказывающихся на его зарплате. Я же предпочел молча рассматривать проплывающие за окном машины небоскребы, яркие вывески и толпы прохожих. Кое-где по прежнему бросались в глаза следы недавних погромов, учиненных бунтовщиками. Наш водитель, завидев очередную битую витрину, или раскуроченные остовы автомобилей опускал едва завуалированные ругательства. Большинство из митингующих должно быть, пришли с нижних уровней. Располагался он под главной платформой, на которой был выстроен город. Жили и работали там люди, поддерживающие жизнедеятельность электростанций, водяных систем и канализаций. Словом — делали самую тяжелую и неблагодарную работу. В этом техническом подгороде я, с тех пор как вырос, бывал нечасто. Но с уверенностью мог сказать: Корпорации еще лет десять назад надо было что то улучшать в этом направлении, потому что условия там были ужасные. Но люди все равно вынуждены держаться за свои места мертвой хваткой, все лучше чем оказаться совсем без пайков.

— Ami? — Леонс тронул меня за плечо, — Ты в порядке? Вылезай, мы приехали.

Я кивнул, и поблагодарил водителя, вышел из электромобиля, хлопнув дверцей. Мы оказались у очередной высотки, пестревшей табличками, освещавшими близлежащий крученый мост. Воздух становился все свежее, благо вечернее небо было абсолютно чистым вопреки прогнозам Стива, что показалось мне очень странным.

Леонс поманил меня за собой и пошел напрямик через тесный пешеходный коридор здания во двор, представлявший собой большой колодец с вереницами лестниц, на которых, свесившись с перил, курили и просто болтали жильцы. Дом жил своей обычной жизнью: где-то слышался лай, детский плач, с какого то окна играла музыка и раздавались взрывы смеха. И всё же здесь было намного тише, чем снаружи. Шум города едва доносился до нас в этом уютном уголке. Я сразу вспомнил свой дом, расположившийся в такой же коробке в северном районе города. Сильно ли я скучаю по нему? Не знаю, может я бы и пожил там пару недель, просто чтобы немного побыть в одиночестве. Но в общем-то острой тоски я не ощущал. Я не был женат, моих друзей в Полисе можно было пересчитать по пальцам, знакомых конечно, было много, но как и положено в суеде крупного города, они появлялись и так же стремительно исчезали из моей жизни. В общем, у меня не то чтобы были причины скучать по своей городской берлоге. Может вообще сдать ее комунибудь, а то что она пустует без дела?

В молчании мы подошли к витринам кофейни, расположившейся внутри двора. На табличке над входом ярко светились цифры «20–18». Неужели они тут действительно

готовят кофе? Я дернул дверную ручку и колокольчик характерным звуком оповестил персонал о посетителях. Стиль тут и правда был как из двадцатых прошлого века: Зал, обитый деревом, украшенные гирляндами витрины, стеклянный прилавок и полки с бакалеей. За кассой я увидел даже кофемашину, и не абы какой автомат — ручная тачка с классическими группами. Выполнена она была в эстетическом стиле аж 2010х. Но абсолютно точно я мог сказать, что это был муляж. Кофе здесь готовили все из того же дрянного порошка. Это будучи шеф-поваром в «Танцующем дожде» на верхних уровнях города или на нашем «Колодце-1» я мог хоть упиться настоящим чаем и кофе, любезно сваренный Максом. На среднем уровне Полиса чтобы тебе сделали напиток, ты должен был предоставить свою капсулу воды. Все общепиты полностью представляли формат закусочных, куда те из горожан, кто мог себе позволить, приходили со своими капсулами, из которых персонал уже мог сделать лимонад из специальных заготовок. Так же капсулы должны были быть запечатаны и иметь цифровую маркировку, подтверждающую, что их не разлили из ближайшей бочки за углом. Кредитами оплачивались лишь уже готовые продукты. Разумеется, питьевой паек при этом не нужно было таскать на своем горбу: капсулы передавались по пневматической почте при оформлении платежа. Выглядело это старомодно, но зато было эффективно. Такая сеть охватывала весь Полис, пневмопочтой люди могли передавать не только капсулы воды, но и компактные грузы. Правда куда популярнее для этих целей были дроны, с ними было как-то поменьше возни. Каждый житель мегаполиса имел свое количество капсул воды, и сам решал, что с ним делать.

Первое, что бросалось в глаза в кофейне «20–18», было отсутствие ботов. Почти во всех закусочных клиентов обычно обслуживали железки, но тут нас встречали вполне живые юноши и девушки, улыбавшиеся нам за кассой. Одеты они были в брендованную бордовую форму и бежевые милые переднички. Мы кивнули в ответ на их приветливые улыбки и прошли через ряды коричневых диванчиков и круглых деревянных столиков полупустого зала, выбрав самый укромный уголок у окна. Едва мы расселись на диванах, как к нам тут же подбежала одна из официанток, миловидная шатенка с большими карими глазами:

— Добрый день, что желаете? — улыбаясь, обратилась она к нам.

Леонс ответил ей своей самой обворожительной улыбкой, и задумчиво глянул в меню:

— Мне, пожалуйста, Венесуэльскую слойку и маффин. А ты что будешь?

— Мне просто маффин. — улыбнулся я официантке.

— Два маффина и венесуэльская слойка, хорошо. — и она упорхнула к стойке раздачи, где остальные уже собирали заказ.

Я выжидающе смотрел на друга. Леонс с ухмылкой покопался в своей маленькой сумке, и, выудив оттуда какую-то баночку, подбросил ее мне в руки:

— Вот, угощайся. Небось и не взял с собой ничего выпить.

Я повертел ее в руках и поморщился. Это оказалась порция синтетического кофе от «Coffhit». От оригинального напитка в нем мало чего можно было найти, но жителям Полиса выбирать особо не приходилось. Быстро же я отвык от него попивая натуральный кофе на корабле. Леонс ухмыльнулся, глядя на мою гримасу. У нашего столика возникла наша старая знакомая с подносом десертов. Расставив перед нами блюда, официантка пожелала нам приятного аппетита и удалилась.

Я аккуратно взял конвертик с кексом шоколадного цвета и с удовольствием надкусил. В зале между тем играла музыка, на которую я не сразу обратил внимание, а зря. Ребята знали толк в подборе плейлистов, этого электронного музыканта я узнавал сразу, несмотря на то,

что его работам было сейчас уже более века. Кто-то откопал его пластинки в архивах, и вновь обретенные фанаты быстро нашли цифровые варианты песен на стареньких электронных носителях. Самое забавное, что я всегда забывал его псевдоним, созвучный с какой-то породой, увы, сейчас уже вымерших обезьян. То ли уистити, то ли капуцин...

В общем, приятное было местечко. Здорово, что несмотря на хаос, творящийся в мире, существование в режиме колонии с разрозненным обществом не мешает людям влюбляться и жить с удовольствием, как в былые времена, создавая уютные места, подобные этому заведению. Правда я никогда не мог как следует расслабиться в ресторанах. Профессиональная солидарность во мне всегда вынуждала подмечать, какое блюдо достойно похвал, а в какое я бы добавил что-то свое. А то и вовсе всё во мне взывало вскочить и помочь поварам на кухне. Но сейчас я был слишком уставшим для таких глупостей. Всё, что мне нужно было, это посидеть и передохнуть с другом после трудного рабочего дня. Но у Леонса, едва притронувшегося к своей еде, явно были другие планы. Он молча смотрел вокруг, убедившись, что рядом нет любопытных ушей, потом взгляд его сфокусировался на мне, и он серьезным тоном заговорил:

— Ну, в общем, так, Джек. Ты на «колодце» служишь уже долго, я хотел спросить у тебя: ты не замечал ничего странного?

Я так и застыл с маффином в зубах, уставившись на Леонса. Внезапный вопрос не сулил ничего хорошего. Медленно дожевая, я отложил ставший вдруг пресноватым кекс обратно на тарелку и ответил вопросом на вопрос:

— А что конкретно ты хочешь от меня услышать?

Француз, глотнув кофе из своей банки, сказал:

— Я надеялся узнать, вдруг у тебя есть наблюдения, которые могли бы помочь мне увидеть то, чего я не вижу в упор. У меня нет четкой конкретики, Джек, но я тебе точно говорю: с нашим экипажем что-то не то. Я служу уже достаточно много лет, чтобы с уверенностью сказать, что они все что-то знают. И нет, ами, у меня не паранойя. Поэтому я прошу тебя помочь. Если ты видел что-то странное — расскажи мне об этом.

Я обдумывал услышанное, не веря своим ушам. Этот человек, сидящий сейчас передо мной был совсем не похож на того Леонса, которого я встретил едва заступив на борт «Колодца-1». Это его я считал душой всей команды, самым веселым и беззаботным парнем из всех, что я встречал за всю свою жизнь. Я завидовал его способностям к общению, к тому, как ценили его окружающие и как он везде где только можно оказывался «своим». Сейчас же от привычного мне француза не осталось и следа, он был абсолютно серьезен, его встревоженно бегающие глаза старались зафиксировать со мной зрительный контакт, но я отводил взгляд, не в силах переварить внезапные перемены, вмиг произошедшие с моим другом. Может во время беспорядков в Полисе пострадали его родные? Чёрт, я ведь ничего не знаю о его жизни в городе. Обдумывая его просьбу, я почти сразу вспомнил случай с медпринтером Хлои. Судовой медик попросила меня никому не рассказывать об этом. Но возможно ли, что все на борту знали об этом устройстве, кроме нас с Леонсом и Максом? Техник между тем выжидающе смотрел на меня. Стоит ли мне рассказывать ему об этом? А вдруг он шпион, или же всё это — проверка? Могу ли я вообще ему доверять, друг ли он мне? Мысли лихорадочно роились в моей голове. В такие моменты вместо застилающей глаза ярости во мне просыпалась постыдная трусость. Судя по всему, мои душевные метания отразились на моем лице, потому что Леонс, поморщившись, произнес:

— Бога ради, Джек! Хоть ты не играй в эти игры, прошу тебя!

— Леонс, я не понимаю, почему ты выбрал именно меня? — Взвился я, — Мне не нужны проблемы, понимаешь? Я вступил на службу, чтобы отдохнуть от Полиса и заодно принести обществу какую-то пользу. В принципе, я могу уволиться и уйти на покой на пару лет!

— Вот поэтому, амі, я выбрал тебя. Я наблюдал за тобой всё это время и увидел то, чего не видел в остальных: ты пришел сюда просто работать, и работать честно, на благо Полиса. Ты кормишь ребят, добывающих для города воду, и только! К тому же ты пришёл в наш штат позже и меня и только о тебе я с уверенностью могу сказать, что ты не вовлечен в местные интриги. Все остальные абсолютно точно что-то знают, уж поверь.

— А как же Макс? — напомнил я. — Он же совсем еще зелёный, по возрасту явнс только что заступил на службу и невинен как дитя!

Леонс печально покачал головой в ответ:

— Нет, Джек. Макс может и выбривает еще первые усики, но он совсем не так прост, как кажется. Я думаю он не зря все это время суёт нос в твои кастрюли, как услужливая собачонка. Что по возрасту: этот парень пришел на борт чуть позже меня, почти семь лет назад. Если считать со сколько лет берут на службу, и какие требования, то он минимум на год младше нас с тобой.

Я не нашел, что ответить, ошарашено уставившись на свои руки, нервно сжимавшие кофейный напиток. Макс — наш ровесник? Поверить в подобное было трудно и по характеру и внешне, я не дал бы ему больше двадцати. Но с другой стороны, если подумать, есть вещи, на которые я просто не обращал внимания. Я вспомнил, как Чарли мимоходом назвал Макса профи, как быстро Макс профессионально перевязал меня и дотащил до лазарета хотя на словах он совсем еще в этом не смыслит и вообще был напуган. На моей практике в ситуациях, когда повар мог порезаться ножом, или у кого-то случался приступ молодые ребята из персонала чаще всего теряли голову. Только люди постарше — опытные сотрудники, или администраторы — спешили оказать первую помощь и вызывали скорую. Но это лишь предположения. Все-таки Макс не какой-то там официантик из забегаловки, он член экипажа из корпорации «Рассел», прошедший отбор и специальную подготовку. Он может и в свои двадцать быть подготовленным и обученным всему, что мне неизвестно в мои двадцать восемь. Ведь в остальном он вёл себя как полный мальчишка. Леонс великодушно дал мне время на передышку, не донимая расспросами. Вместо этого он деловито пошарил пальцами по своему голокомму, и, загадочно улыбаясь, вывел на столешницу между нами прямоугольную голограмму какого-то чертежа. Она переливалась предупреждающим рыжим мерцанием, от которого у меня мурашки побежали по спине: такими цветами отмечались схемы, принадлежащие «Рассел». Движением руки я свернул голограмму, заставив ее спрятаться обратно в браслет техника, и холодно зашипел на него так, чтобы нас не услышали остальные посетители:

— Какого чёрта ты творишь, Леонс? Нам нельзя выносить это за пределы корабля! Что бы ты ни задумал, я в этом участвовать не буду, мне моя работа ещё нужна!

Это было уже чересчур. Этот болван нам обоим смертный приговор подпишет. Испытывая приступ паники, я привстал с дивана, собираясь уходить но Леонс схватил меня за руку и мягко, но настойчиво усадил на место:

— Ты уже в этом участвуешь, хочешь ты того или нет. — спокойно сказал он, — Сам посуди: сканеры в зале уже запечатлели нашу беседу и то, что я показал тебе. Нет, послушай! — прервал он мои возражения, и вновь раскрыл передо мной злосчастную

схему, — Я понимаю, что требую от тебя слишком много, поэтому хочу поделиться с тобой тем, что я знаю наверняка. Доверие за доверие, просто выслушай, а потом решай, идти докладывать на меня капитану, или помочь мне. Только сперва сними, пожалуйста, голокомм и дай ка его сюда. — он принял у меня браслет и немного поколдовав над ним вернул обратно, — Вот так! Этого хватит, чтобы нежелательные собеседники нас не подслушивали. На моем уже стоит прошивка, чтобы отвадить всяких Селен подальше, если понадобится. — хвастливо сообщил он, — Она, конечно, милая, но приставучая ужасно!

Я с шумом вздохнул, вдруг ощутив навалившуюся утомлённость. Расслабившись, я откинулся на спинку дивана, отключил мой голокомм и убрал в карман своих бежевых шаровар, давая понять, что готов его выслушать. Выдержав паузу, Леонс снова кивнул, и развернул чертеж ко мне лицом. Рассмотрев его внимательнее, я узнал наш «Колодец-1». Представлен он был в профильном и анфасном разрезах, приправленным какими-то инженерными разметками и очерками. Мой спутник пустился в объяснения:

— Как я уже говорил, техником я на нашей старушке работаю лет семь. Корабль сам по себе замечательный, работал я с рвением, но повышать меня никак не хотят, Ник и Перри намертво в свои места вцепились. Поначалу мне казалось, что я что-то делаю не так, ведь все мои бывшие однокурсники из университета уже давным-давно переквалифицировались минимум в инженеров, а я до сих пор штаны просиживаю как механик третьего разряда. Но потом я начал замечать подозрительное поведение команды. Меня будто проверяли, Джек. Кстати, Чу, твой предшественник был в этом смысле тем еще самодовольным муднем. Он был приближен к капитану — я частенько видел его в обществе Роберто Гатти. Но они будто разминулись, перестав общаться незадолго до того, как его хватил удар. Не находишь это странным совпадением? Не знаю, как именно и что им было нужно чтобы я делал, но я эту проверку не прохожу до сих пор. А этот Макс! Семь лет службы и он ничуть не изменился, ни волоска на щеках не появилось с его невинных усиков, ни морщинки! Всё это натолкнуло меня на мысли, что творится какая-то чертовщина, они просто хотят что-то скрыть, и я ещё недостаточно подлизался, чтобы меня в свои интриги посвящать. Я сдружился со Стивом, хотел выведать у него хоть что-то, но он нем как рыба, либо врет напропалую. Однажды я во время смены сумел взломать голокомм и скопировать у Перри его чертежи. И посмотри, что я нашел. — его указательный палец уперся в стол в самый центр корабля, изображенного на схеме, — Тут, между водозаборным отсеком и лабораторией, видишь?

Я присмотрелся к указанному им участку, пытаюсь понять, что он хочет мне показать. Водозаборный отсек, так и подписанный на чертеже, в котором располагался добывающий бур «дейнотерид», как я и думал, занимал солидную часть всего колодца. Здесь было много текста, даже ссылка на небольшой набросок чертежа самого бура. Изучая глазами схему я нашел и подписанную лабораторию, куда меня отводила на экскурсию наш учёный-почвовед Эмма Нельсон. Лаборатория находилась чуть выше уровнем, как и должно было быть. Палец Леонса уткнулся в безымянное пространство между водозаборным отсеком и следующим уровнем, где и располагалась лаборатория. Только после того, как он прицельно указал на этот участок схемы я заметил несостыковку. В отличие от всего чертежа на этом загадочном участке нет ни одной пометки, выглядело это словно толстенный пол между уровнями. Но ведь это совершенно непрактично. Там точно был ещё один отсек.

— Что там? — настороженно спросил я, выжидающе глянув на друга. Он, завидев мое любопытство, откинулся на диван, и победоносно улыбаясь, ответил вопросом на вопрос:

— Да, ami! Что, черт побери, находится в этом зале? Такой же вопрос мучает и меня. На

нашем корабле есть целый отсек, о котором даже я, долбаный техник, не имел ни малейшего понятия! Ну, вернее, я конечно, подозревал о его существовании, — он слегка покрылся румянцем, — просто не уделял этому внимания, пока не прижало. А этот чертёж только подтвердил мои догадки. Я понятия не имею, что внутри. Но я думаю, что знаю, как можно туда попасть. Я смог пронести на корабль разведывательного бота, который через технический лаз засветил мне главный вход в этот отсек. Он запечатан как надо, но думаю там нет ничего такого, что я не смог бы вскрыть. Кроме, конечно же, двери, ведущей в сам отсек. Там надо постараться. Ну что, Джек, теперь ты мне веришь? Я выложил все карты. Я просто хочу разобраться в том, что происходит на нашем корабле. И помочь мне можешь только ты, я не могу доверять никому из них. Если ты видел хоть чтонибудь, прошу, расскажи!

Он замолчал, спрятав схему. Я слегка встрепенулся, оглянувшись вокруг: народу в кофейне стало больше, заняты были уже почти все столики, вокруг носились официантки, нагруженные работой, разговоры и смех посетителей заглушали приятную музыку. Посреди всей этой суеты мы с моим другом молча глядели друг на друга. Я с болью чувствовал, как стены моего маленького мирка рушатся, оголяя совсем безрадостные факты. Я вдруг понял, что уйдя от бизнеса, работавшего на развлечение богатой верхушки, желая помочь простому обществу, я зачем-то устроился на вододобывающий корабль корпорации, из-за власти которой общество собственно в таких условиях и оказалось. Более того, единственным искренним человеком из целого экипажа обычных на первый взгляд работников оказался Леонс. От этих мыслей мне стало не по себе. Вдруг захотелось послать все в зыбуны и свалить в закат, пока еще цел. Почему собственно и нет? Расторгнуть договор я могу хоть сейчас, денег с прошлой работы у меня отложено кредитов более чем, да и в “Рассел” я заработал достаточно. Работа на «Колодце-1» должна была стать для меня чем-то вроде круиза по морю пустыни, удачно совмещенного с заработком. В итоге чем дальше, тем более четко я осознавал, что это отнюдь не так, и я совсем не отдыхаю на этой посудине, с головой уйдя в работу. Это озарение приводило к безрадостным выводам. Если я сейчас беспричинно спишусь с корабля, у командования точно возникнут вопросы. И начав копать, они наверняка найдут запись со сканеров этого заведения, где Леонс демонстрирует мне схемы их корабля. Выходит мы с ним теперь в одном зыбуне. Внезапно я поймал себя на том, что хоть Леонс и рассказал мне правду, я чувствую раздражение, ведь это по его вине я узнал обо всех подозрительных делах на корабле, хотя должен был тихо готовить стряпню на камбузе, зная ничего не зная о всех этих потрясающих историях. Тем ни менее предательский голосок подсказывал мне, что вообще-то я и сам все это время замечал нечто странное и просто отказывался это воспринимать так долго, как мог. А Леонс просто взял и ткнул меня в эти факты, как в тарелку с супом. Но могу ли я ему верить? Ведь Макс тоже мой друг, и мы, кажется, нормально с ним общались и конкретно за ним я странностей не замечал. Тут у меня есть только показания француза, а кто пытается меня обманывать — тот еще вопрос. Рассказывать ему правду, или соврать? Закусив губу, я горько ухмыльнулся:

— Да, Леонс. Накидал ты песку. В принципе мне не то чтобы есть о чем рассказывать, я же не мнил себя засланным шпионом, в отличие от некоторых. Но кое-что всё таки имеется. — С этими словами я закатал рукава накидки и протянул ему руки, вывернув ладонями вверх. — Взгляни, ничего не замечаешь?

Леонс сперва нахмурился, не понимая, что от него требуется увидеть. Схватив мои руки, он начал тщательный осмотр.

— Помнишь, я поранил руку? — Подсказал я, слегка пошевелив левой ладонью. — Я тогда думал, что без пальца останусь.

— Да, точно! Это не так давно и было, чтобы я забыл. — Пробурчал француз, не отвлекаясь от изучения моих конечностей. — Какой там у тебя был палец поранен? Ага, вот этот. Ни шрамика! — Заключил он, откинувшись на спинку дивана. — Я ещё в прошлый раз когда посмотрел — очень удивился работой Хлои.

— Я тебе больше скажу, — ответил я, продолжив, наконец, поглощение маффина, — на этой руке теперь вообще не осталось шрамов. Не первый раз в жизни я порезал руку ножом, уж поверь мне на слово. Они все исчезли, после штуковины, которой меня обработала Хлоя. Она сказала, что это медпринтер.

Хлоя! — Леонс сосредоточенно вертел в руках опустевшую банку. Настала его очередь переваривать информацию:

— И что, ты не заметил в ее поведении каких либо странностей?

— Ну, если просьбу о неразглашении медпринтера можно считать за странность... — Я ухмыльнулся.

— Вот жеж, амі, да ты рассказал мне сейчас очень важный секрет. — На миг я увидел перед собой прежнего Леонса, облегченно смеющегося откинувшись на своем диванчике. — Выходит, тебе и доверять нельзя, трепло ты такое!

— Сказал мне техник, стащивший чертежи корпоратского корабля! — Ухмыляясь, парировал я.

Мой друг, поставив локти на стол, запустил руки в вихры своих волос, губя замечательно уложенную прическу:

— Хлоя. Ты не поверишь, из всех членов на нашей старушке я присматривался к ней меньше всего. Мне казалось, что она тоже не доверяет остальному экипажу. А ведь это был не простой медпринтер, которым она тебя обработала, наши медкапсулы так быстро не печат, насколько мне известно. Мне жаль, что я втягиваю тебя в это, ты славный парень, амі. Но я-то чертовски славный! Так почему я должен сложить голову один там, где нас может быть двое? Мне нужны твои связи с местными редакциями, чтобы передать им то, что мы, возможно, узнаем на нашей старушке.

Я лишь покачал головой. Я все еще не был уверен, что хочу ввязываться в эту авантюру, да и план был так себе. Одно дело мило побеседовать за баночкой синтетического кофе в Полисе и совсем другое совать свой нос в секреты «Рассел». Поэтому я осторожно начал:

— Ты переоцениваешь мои связи, Леонс. Я издавался можно сказать только потому, что кулинарному журналу писать особо нечего при нашем нынешнем паршивом состоянии кулинарии в Полисе, а я был шеф-поваром известного ресторана с верхних уровней. Это скорее простое везение, образования у меня нет, как и собственно нужных людей. Мне просто писали из редакции, приходили разные журналисты, а то и боты, брали интервью и больше я их не видел. Я не то чтобы хорошо завожу знакомства.

— А ты, как всегда, скромничаешь! — Ответил техник. — Все, что нам нужно, это дождаться момента, когда нас никто не хватится и проникнуть в этот отсек. У корабельного ИИ там слепая зона, сканеров в инженерных коридорах тоже нет непонятно, кстати, почему. Так что нам надо лишь дождаться удобного случая... — Он внезапно схватился за браслет, вибрирующий у него на руке. Леонс быстро прочел оповещение и его глаза заблестели:

— Вот оно, вот нужный нам момент, Джек. Вот же чёрт!

— Что там? — осведомился я, запоздало начав шарить по карманам в поисках своего

голокомма.

— Ты не поверишь! Хлоя с нашим желтым фриком пропали с корабля!

— То есть как пропали? — Я действительно не поверил, нащупав наконец свой голокомм, я выудил его из кармана и включив, тоже прочел сообщение экипажу, отправленное помощником капитана, Гордоном:

«На корабле ЧС, судовой медик и подобранный в пустыне пациент исчезли, голокомм судового медика Хлои Уайт найден в ее каюте. Всем срочно доложить, вернуться на борт корабля, охранникам приступить к поиску пропавшего члена экипажа незамедлительно.»

Вместе с этим сообщением в моем голокомме висело уведомление, присланное еще пару часов назад, о благополучной погрузке моих злосчастных овощей на корабль.

— Я не знаю, что она затеяла, но это наш шанс, ami! Мы должны вернуться на колодец сейчас же, прошерстить этот чёртов отсек! Там точно что то есть, клянусь цистерной воды! И это наверняка поможет нам узнать, куда делась Хлоя. Давай, пойдём, Джек, доложимся Флоресу, и пока все ищут Хлою, под шумок сходим и поглядим! — Он оживленно вскочил с дивана, поправляя свой костюм.

— Стоп-стоп-стоп! — Я вскочил вслед за ним, не на шутку напуганный стремительностью развития событий. — Леонс, я правильно понимаю, что ты только что посвятил меня в свои тайны, и уже предлагаешь лезть в секретный отсек корабля разнюхивать корпоратские дела, так?

— Джек, — Леонс взял меня за плечи и тряхнув, заглянул мне в глаза, — послушай, то, что сейчас происходит на корабле, вся эта накаляющаяся обстановка — это наш шанс. Другого такого не будет, уж поверь, я ждал этого годами. А после произошедшего команда станет еще бдительнее! Заодно мы тоже попробуем поискать Хлою, непонятно ведь что с ней случилось! Жалко, что я не успел рассказать тебе все раньше, но сейчас не время прятать голову в песок. Я пойду туда, плевать, пойдешь ты со мной или нет. Знаю, что тебе это совершенно не нужно, и ты озадачен тем, что я рассказал тебе, я сделал это слишком поздно и осознаю это. Но я уверен: тебя тоже гложет любопытство, как и меня. В любом случае, нам пора возвращаться. Комитет ввел комендантский час, так что нужно успеть к Флоресу прежде чем нас остановит патруль.

И точно. За нашим разговором время пролетело быстро, и я совсем забыл про комендантский час, введенный правительством Полиса после подавленного бунта. Как назло, и груз полученный в порту тоже нужно будет разбирать! При мысли об этом всё внутри меня взвыло. Ладно, может Макс поможет... Нет, обойдусь-ка я, пожалуй, без Макса. После того, что я узнал от Леонса, вообще было непонятно, как общаться со своим «стажером» дальше. Поразительно, как француз мог сохранять такое беззаботное поведение на корабле, зная всё то, что рассказал мне сегодня, еще и подкалывать всех вокруг! Я бы не выдержал просто работать на корабле дальше, а уж шутить с мутными членами команды — вообще рехнуться можно!

— И откуда в тебе столько сил? Так убедительно строить хорошую мину при плохой игре! — восхитился я, нервно ухмыляясь пока мы быстрым шагом пересекали кафе. Леонс ничего не ответил мне, копаясь в своем голокомме. Официантки едва успели бросить машинальные прощания нам вслед, на секунду замерев в ожидании ответа и не получив его, они привычно продолжили свою работу. В этом смысле они и правда были похожи на ботов.

На улице я плотнее закутался в свое импровизированное пончо и с удовольствием вдохнул прохладный вечерний воздух. Несмотря на близящийся комендантский час, город и

не думал затихать: люди и боты плотным потоком заполнили улицу, меня едва не цапнул ручной варан, выгуливаемый случайным прохожим. С прилавков с барахлом и закусками шумно зазывали клиентов торговцы, по проезжей части проносились автомобили, а над крышами высоток в сумеречном небе сновали дроны. В пустыне темнело рано, вечер окрасил Полис тысячами огней и масштабных рекламных голограмм, проецируемых прямо на центральных небоскребах. При свете солнца эти махины казались пустыми железными идолами, подпиравшими небесный свод. Но за толстыми обшивками этих зданий вовсю кипела жизнь. Многие из них имели округлые площадки в почти сотне метров над нами, соединяющиеся друг с другом переходами. Если присмотреться, то на них можно было даже разглядеть кроны деревьев. Это и был недостижимый верхний уровень, на который жили только лучшие из лучших.

Среди небоскрёбов резко выделялась центральная конусообразная башня невероятных размеров. Принадлежала она, разумеется, правящему комитету. Башня по всей своей длине имела несколько выдающихся платформ. Они спиралью оплетали толщу башни, и были так огромны, что шестиместный транспортер покажется на них невинным насекомым. Довольно странное архитектурное решение от «Рассел». Но расположившиеся там богатейшие семьи города чувствовали себя вполне комфортно. Там же, к слову, находились легендарные заведения по типу «Сингулярности» и «Танцующего дождя» в которых мне довелось начать свою карьеру. Обшитая темной сталью, комитетская башня, освещенная тысячами проекций, возвышалась над центром Полиса и была видна далеко за пределами города, маяком зазывая в свою гавань корабли. На небоскребах, плотно окружавших ее, но даже близко не догоняющих по своей этажности, расположились самые влиятельные люди нашего общества — чиновники, медийные личности и все те, кто смог купить себе место наверху. За всю свою жизнь я заметил неизменный интерес горожан к верхнему уровню, оно и понятно. Простые работяги со среднего и нижнего уровней представляли верхний предел своих мечтаний. Оказаться там хотели очень многие, и я, как человек, поработавший в верхних ресторанах, могу сказать, что это лишь из-за того, что просто так туда не пускают. Потому что от помпезности и показухи, которая там творится на фоне бедствий на остальных уровнях Полиса у меня просто скрипел песок на зубах. Я предпочитал не распространяться об этом, ведь для некоторых жителей верхний уровень и правда неприкосновенен, и за непочтительные разговоры о нём можно было пропустить пару хуков от местных «мечтателей». И всё же, насмотревшись на обеспеченных посетителей в «Танцующем дожде», наслушавшись сплетен об их беспокойствах и проблемах, я считаю, что жизнь внизу куда безопаснее и искреннее. Конечно, все жители Полиса были бы не против обрести статус и престиж, попав к кормушке наверху. Чтобы навсегда попрощаться с тяжёлым существованием внизу, где ты постоянно бегаешь, чтобы оставаться на месте. Но многие знают, что на верхние уровни тем кто не «свой» просто так не протиснуться. Большинство из тех, кто побывал там предпочитают помалкивать, как и я, а те, кто пытался внести это в массы, очень скоро попадал под репрессии Комитета. Многие видят, что после кончины основателя Полиса Сэма Рассела корпорация «Рассел» пошла не по курсу, задуманному ее создателем. Комитет уже давно не менял стратегии существования города, пуская всё на самотёк и усиливая лишь службу безопасности, отделяющую их уровень от остальных. Многие жители Полиса догадываются, что за показной роскошью чиновника кроется полнейшая душевная черствость и, чаще всего, умственная импотенция. К тому же, они невероятно трусливы и каждый из них, лебезя перед комитетом, только и ждет возможности,

как сместить соперника в борьбе за рейтинг. Постоянные интриги и конкуренция, доходящая чуть ли не до абсурда, никак не улучшает жизнь горожанам. О наших заботах никто и не печется, но зато нас не трогают — так мы и живем рука об руку с комитетом, предпочитая не влезать в их дела. Это тоже своего рода трусость, но ничего не попишешь, значит, нам ещё есть что терять. А так никто не запрещает простым сварщикам чуть-чуть помечтать о космических доходах и статусе. Лично меня не прельщала такая жизнь в роскоши и постоянном балансировании на грани. Я предпочитаю безопасную среду. Да-да, именно поэтому я и работаю на корпоративном корабле и собираюсь лезть в их грязную посуду.

— Ты чего улыбаешься? Я вызвал нам такси, подождем здесь. — Сообщил Леонс, вновь закуривая запрещенный нам стит, но я не стал его одергивать. Теперь мне было уже все равно. Я тупо смотрел на прохожих фриков вокруг, на то, как мой друг делает первую затяжку и выпускает облачко цветного дыма, и чувствовал, как страх холодком пробегает по спине от мысли, что мы задумали. А почему, собственно мы? Я по прежнему не давал согласия помогать Леонсу в этом деле, я повар, а не шпион! Зачем ему обязательно тащить меня с собой, опубликовать материалы я могу и позже, в более безопасном месте, мне не обязательно для этого вместе с ним лазать по запрещенным уровням корабля. Пиная мусор под ногами носком своего ботинка, я охрипшим от волнения голосом спросил:

— Как думаешь, с какой вероятностью мы найдем в отсеке что то стоящее?

Леонс ответил не сразу. Продолжив курить, он оперся чистыми рукавами своего пиджачка на пыльные перила, отделяющие пешеходную зону от проезжей части. Наконец, он нервно тряхнул челкой:

— Джек, я вижу, что ты по-прежнему сомневаешься, и я не хочу сейчас запугивать тебя. Найдем мы там точно не коллекцию капитанских платьев! Амі, не накручивай себя, хорошо? Я позабочусь о том, чтобы они не пронюхали, что мы там были. Если никто из нас не проговорится о том, что видел, то все будет отлично! — с этими словами он ободряюще улыбнулся.

— Ну предположим найдем мы там «нечто», передадим журналистам и что дальше?

— Грязные дела комитета никто не будет публиковать открыто, журналюги же не умалишённые. Скорее всего, распространят по даркнету, но за эту информацию нам заплатят очень много, Джек. Мы передадим ее инкогнито и можем считать свой гражданский долг исполненным. Если там вообще будет что-то стоящее. К тому же, нам надо отыскать Хлою, я переживаю за нее.

Это и вправду чуть-чуть помогло, стало легче. Но он был прав, хоть я сильно колебался. С одной стороны мне действительно ничего не стоило просто взглянуть что там, учитывая, что со мной опытный техник, а на корабле сейчас происходит суматоха. И куда, в конце концов, подевалась Хлоя? — этот вопрос я задал уже вслух, тревожно переминаясь с ноги на ногу и мешая утомленным прохожим, торопящимся домой.

— Возможно, они узнали, что она вылечила тебя этим медпринтером, о котором ты знать не должен был. — Леонс сделал последнюю затяжку и выбросил окурок стита. — Или, возможно, она не выдержала того, что ей довелось узнать на борту нашей старушки. Мы попробуем найти ее. Смотри, наша малышка подана.

В этот раз за нами подъехал новенький электрокар «Diplomat». Водитель — Гладко выбритый, молчаливый мужчина, — явно купил его недавно, и сделал это в кредит, судя по его недовольному выражению лица. Мы сели на заднее сиденье и заговорщически глянули друг на друга, взгляд Леонса был азартным — он предвкушал предстоящую вылазку. Я,

пытаясь унять чувство тревоги, рассматривал город, а там было на что посмотреть. За окошками представительного автомобиля проплывали высотные здания и надземные шоссе, по паутине монорельсов неслись грузовые и пассажирские составы. Улицы Полиса щедро освещались пёстрой иллюминацией рекламных огней и голограмм. Они становились все безлюднее — близился комендантский час. Было непривычно видеть город таким пустым, по ночам Полис всегда жил полной жизнью. Водитель срезал при любой возможности, явно торопясь в пункт назначения, ведь ему нужно было еще успеть домой, а комендантский час был уже на подходе. Едва мы захлопнули дверцы, выйдя у портовой площади, как он дал по газам. Леонс последовал его примеру, быстро устремившись к главному входу в здание порта. Я едва поспевал за ним, ощущая невероятную усталость, — послевкусие насыщенного дня. Или ноги подкашивались от приступов паники, усиливающихся по мере нашего приближения к кораблю. Я не мог понять, что чувствует Леонс, страшно ли ему, он с невозмутимой легкостью взбежал по ступеням и пересек порог порта. Если ститы действительно дают ему такой всплеск энергии, может и мне стоило попробовать? Между тем мы без приключений миновали притихшие в наступивших сумерках погрузочные ангары порта. Я с некоторой обеспокоенностью готовился к нашему разговору с помощником капитана, и вообще ожидал увидеть на борту нашего корабля настоящую суматоху. У трапа «Колодца-1» я с тревогой рассмотрел дежуривших корпоратских агентов. Они проверили наши браслеты и молча пропустили нас внутрь транспортного отсека. Там нас заприметил Николай:

— Где вас носило? — с порога заорал он, играя желваками на раскрасневшемся от ярости лице. Несмотря на то, что обращение это было адресовано нам обоим, смотрел он при этом конкретно на Леонса, и вены на его квадратном лбу вздувались всё сильнее. — Мы тут ищем эту чертову медичку уже весь вечер, а ты где-то прохлаждаешь свою задницу, а?

— В свободное время я занимаюсь тем, чем захочу, и не тебе указывать мне, где моей заднице лучше прохлаждаться, понял, Ник? — неожиданно резко ответил мой спутник и, сделав выразительную паузу, продолжил:

— А сейчас, с твоего позволения, нам нужно к Флоресу.

Ник сквозь зубы зашипел что-то нечленораздельное. Я оторопел, пораженный резко изменившейся манерой моего друга. С чего вдруг такие перемены? Мысли за доли секунд лихорадочно пронеслись в моем мозгу, лопаюсь, словно спелые черри. И внезапно на меня снизошло озарение, повлекшее за собой ужас: Леонс пошел ва-банк! Я удивлялся его выдержке, его терпению, с которым он изображал здесь своего, но самообладание отказало ему, он устал играть в эту игру, сейчас он отбросил маски и уверенно прошествовал мимо ругающегося Ника, грубо толкнув его плечом. Я остановился, глядя на удаляющуюся спину француза в ярко-красном пиджаке. А готов ли я пойти ва-банк? Я, конечно, не люблю комитет Полиса, и понимаю, что они делают неправильные вещи, распределяя воду между людьми как между пустынными сорняками и розами на огороде. Но взять и отбросить хоть какое-то комфортное существование сейчас, вот так, нужно ли мне это? Всё происходило слишком стремительно, слишком! Мой разум метался между страхом и желанием что-то изменить. Ну кто узнает, что я побывал в секретном отсеке «Колодца-1», никто же, верно? Смешно. Зачем мне это? Что изменит наша находка в этом месте, народ уже бунтует, справятся и без нас. Так я и застыл с в растерянности. Мне очень хотелось помочь Леонсу, мне нравился этот парень, но я же не имплантированный киборг-убийца, я просто повар. Неожиданный тон Леонса удивил не только меня: на проходной отсека в полном

недоумении застыл наш физик Хардман. Слегка встряхнувшись, он обратился ко мне, опасливо косясь на француза:

— Джек, так значит, вы не встречали в Полисе Хлою?

— Да где уж там! — рассеянно отмахнулся я, одолеваемый тревогой, — Мы только до закуской прошвырнулись, а как сообщение получили — сразу обратно сюда.

— Досадно, досадно! — Пробормотал ученый, качая головой. Машинальным движением поправив свой синий форменный кардиган, он сказал:

— Очень уж интересный экземпляр она с собой утащила. Этот абориген — крайне необычный субъект! Или может он ее утащил? Но тогда хотя бы он еще цел и вполне пригоден для изучения. — когда Хардман говорил о жёлтом человеке его глаза горели едва ли не фанатичным огнем. Едва только речь зашла о похищении аборигеном Хлои этот блеск в сменился холодным равнодушием. Я уловил эту перемену, и почувствовал, как внутри меня через толщу слизкого страха и сомнений клокоча от возмущения пробивается настоящая злоба. Все-таки я был неравнодушен к Хлое. Дураку понятно, что ее исчезновение напрямую связано с джинновщиной, творящейся на корабле. Пропади все в зыбунах, сейчас, или никогда! Леонс молча застыл у дверей монорельса за спиной ученого, выжидающе глядя на меня. Он наверняка понимал, через какую душевную бурю я сейчас прохожу, и потому лишь мягко кивнул мне, поманив рукой. Я, подбадриваемый моим другом, почувствовал, как ноги, сбросив с себя страх, сделали первый шаг в его сторону. Голова за ногами не успевала, вяло сопротивляясь и страшась. И всё же как во сне я делал шаги. Раз-и-два, раз-и-два. «Назад дороги уже не будет. Подумай, Джек Салливан, ты потеряешь всё зайдя в этот долбаный лифт» шептал мне голосок, но я продолжал шагать. Хардман уже потерявший к нам интерес и озирающийся вокруг в поисках чего-то одному ему ведомого проплыл мимо меня, вернее это я миновал его, приближаясь к монорельсу. Сквозь сомнение и страх, раздражение и нежелание что-либо менять я дополз таки до дверей лифта, рукой уцепившись за проём монорельса.

Когда мы вошли в просторную кабину лифта Леонс выдохнул и нервно рассмеялся:

— Pardon, ami, видел бы ты свое личико! Я думал что ты заплачешь и убежишь, ей богу.

Я не смог ему ответить, лишь шумно прочистил горло. Француз меж тем связался с помощником капитана и доложил, что мы прибыли на корабль, и ожидаем дальнейших указаний.

— Джек может отдохнуть в своей каюте, — Распорядился Гордон, — тебе нужно будет проверить состояние вашей поставки груза, инженеры сегодня с ног сбиваются, так что эта работа оставлена тебе. На корабле чрезвычайная ситуация, надеюсь, вы помните регламент. Скоро на борт прибудет временный медик, всем нужно будет пройти краткую диспансеризацию.

— Есть. — по струнке вытянулся техник.

— Конец связи! — ответил помощник капитана. Я выдохнул. Больше всего сейчас хотелось спрятаться в своей каюте и не выходить оттуда. Но едва голограмма исчезла с браслета Леонса, он подскочил к терминалу лифта и принялся рыться в интерфейсе.

— Что ты делаешь? — испуганно спросил я.

— На чертежах видно, что к скрытому уровню есть проход с монорельса, там тот самый небольшой коридор, ведущий к двери отсека. — затараторил Леонс, параллельно вскрывая интерфейс терминала и копаясь в исходном коде, — в эту секцию мне не удалось получить доступ, но я могу остановить лифтовую кабину прямо у вентиляционной шахты над ней. Там

я и провёл разведывательного бота когда пытался вскрыть с его помощью отсек.

— Прямо как в комиксах. — Нервно усмехнулся я. — А ты уверен, что мы там пролезем?

— Места там маловато, но и мы с тобой не тюфяки, пролезем!

Он продолжал взлом. Я решил, что не стоит донимать вопросами Леонса. Чем быстрее мы поглядим, что там такое, тем быстрее вернемся к обязанностям, забыв на время про этот инцидент. Как бы я ни протестовал против задумки, но вынужден признать: Леонс был прав. Момент нам подвернулся на удивление удачный, такими потерянными и встревоженными я членов экипажа еще не видел, ну, если не считать Хардмана конечно. Николай абсолютно точно скрывал свой страх за показной яростью. Тут уж безопасникам Чарли, Сандре и остальным точно будет не до нас. Настолько, что у меня даже возникали подозрения, не причастен ли мой друг к исчезновению жёлтого человека и нашего медика? От мыслей меня отвлекло замигавшее освещение. Кабина монорельса дёрнулась, и замерла. Двери распахнулись, открывая внутреннюю обшивку с небольшой прямоугольной решеткой вентиляции. В руках Леонса словно по волшебству возник ключ, которым он ловко принялся снимать болты, фиксирующие решетку.

— Помоги-ка! — прокряхтел он. Мы подхватили ее с обеих сторон и, стараясь издавать меньше шума, задвинули внутрь шахты, облокотив на боковую стенку. Изнутри нас обдало облаком пыли, я чихнул.

— Отлично, полезли, Джек. — Глаза Леонса вспыхнули в предвкушении, потирая руками и радостно ухмыляясь, он буквально нырнул в открытый нами проем. Я с сожалением оглядел его прекрасный выходной костюм, выглаженные красные брюки, которыми француз будто тряпкой протирал недра вентиляции, ползя на пузе, и извиваясь, словно змея. Нехотя я последовал за ним, проклиная грязь, скопившуюся здесь за десятилетия и заодно себя, за свою отчаянную тупость. Внутри передвигаться можно было только ползком, но в ширину места было достаточно. Через пару метров Леонс оглянулся, убедившись, что я тоже внутри он с помощью браслета закрыл двери монорельса, лифт сразу же продолжил своё движение.

— А что, так можно было? — уставился я на свой голокомм. Мой голос гулко отдавался в застенках шахты. Шикнув на меня, Леонс шепотом ответил:

— Если разбираешься в кибернетике, то можно и не такое, ami!

— Потом покажешь мне пару трюков. — неубедительно улыбнулся я, борясь с вновь подступавшей волной страха.

Преодолев еще пару метров ползком, Леонс остановился, принявшись шарить руками по днищу вентиляции. Я воспользовался этой заминкой, дав себе передышку. Да уж, ещё утром я собирался просто отдохнуть после поставок и прийти в себя. А на ночь глядя я уже вовсю ползаю по шахтам «Колодца-1» впрочем, ничего нового. Почему, будучи просто штатным поваром на старом корыте пусть и принадлежащем «Рассел», я все равно умудряюсь оказываться в историях покруче чем за всю жизнь в Полисе, я, хоть убейте, затруднялся ответить. Тем временем поиски Леонса увенчались успехом: он распахнул инженерный лаз, ведущий в помещение под нами, и, поманив меня рукой, прыгнул вниз. Я заглянул в открытый им небольшой люк и увидел совершенно обычный коридор, только освещение в нем было приглушенным, такое обычно бывает, когда надолго выходишь из комнаты. Пол, едва подсвеченный светодиодами по краям, находился в паре метров подо мной. Чуть помедлив, я прополз над люком вперед так, чтобы мои ноги свесились вниз и,

развернувшись с живота на спину, неуклюже соскользнул в него, тяжело приземлившись на пол руками и ногами, как чердачный кот. Подняв голову, я в ужасе замер.

Передо мной в тусклом свете стояла спиной ко мне огромная тень. Стальной колосс отдаленно напоминал бота, но был на голову выше человека и выполнен из темного материала, похожий я видел на нашей буровой установке с заумным названием, которую мне показала Эмма в водозаборном отсеке. На его сгорбленной спине я разглядел какую-то угрожающего вида установку, а его безвольно повисшие руки, если их можно было так назвать, тоже были обвешаны оружием. В общем, стоял он тут явно не для красоты. Я продолжал неподвижно сидеть, не шевелясь и не отрывая взгляд от боевого бота, чувствуя, как мной начинает овладевать ужас. Внезапное прикосновение к плечу заставило меня с криком отпрянуть. Это был Леонс.

— Джек, спокойно, не ори, он отключен. Не зря же я сюда бота провёл. — улыбался техник, — с его помощью я деактивировал всю охранную систему в этом отсеке.

— А какого чёрта ты не предупредил меня, что тут есть такая охранная система? — огрызнулся я, — твою мать, Леонс, да я чуть не обделался здесь, такое потом не скроешь, вычислят по днк!

Мой друг расхохотался:

— Амі, если бы я рассказывал тебе о всех местных турелях и военном боте, полез бы ты со мной сюда? Извини, что я не сказал тебе. Но я отключил все оборонительные системы, их считай, что и нет! Вот, возьми, снимем всё, что найдем внутри и свалим по быстрому. — Он протянул мне планшет. Я выругался и поднявшись на ноги взял прибор, оглядываясь по сторонам и стряхивая с себя вековую пыль. Мы действительно оказались в обычном холле монорельса, если не считать охраны и того, что данный уровень отсутствовал на панели лифта. Боевой бот стоял лицом к дверям монорельса, встречая незваных гостей. Еще я заметил несколько турельных гнезд в потолке, о которых упомянул Леонс. С другой стороны нас ждала дверь, ведущая в неизвестный отсек. Я оглядел ее со смешанным чувством страха и любопытства. В шахте за нашими спинами гудел монорельс, продолжавший развозить экипаж по кораблю.

— Нужно торопиться! Шепнул я Леонсу, уже держа наготове планшет.

— И без тебя знаю! — Он копался с дверным замком. — Здесь тебе не столетняя пропускная система, как по всей нашей старушке. И когда только они успели обновить софт целого отсека так, что я этого не заметил?

Продолжая бубнить себе под нос, он подбирал какие-то цифровые ключи к замку. Процесс явно занял больше времени, чем рассчитывал Леонс, в томительном ожидании протянулись уже десять минут.

— Тысяча бурь! — наконец сдался он, в сердцах пнув дверь и обреченно откинувшись спиной на стену у панели дверного замка. — Мы должны были уже снять все и уйти отсюда.

— Попробуй еще разок! — сам поражаясь своей внезапной смелости, подбодрил его я. Было такое чувство, будто мы два беспризорника, сцеживающие воду из чужого водопровода, только вот мы не беспризорники, а владельцы труб — не жильцы из захолустья, а корпорация, которая похоронит нас едва узнает, чем мы тут занимались. Но чувство азарта вкупе с любопытством взяло верх — мне уже не мог уходить с пустыми руками.

Я хотел сказать еще что-то, но в этот самый момент я увидел собственную тень, возникшую передо мной в квадрате белого света — то распахнулись двери монорельса за

моей спиной. Глаза Леонса расширились, он выругался и поднял руки вверх. Я медленно обернулся и увидел в прибывшей кабине Роберто Гатти. За его спиной стоял Гордон Флорес, а по левую и правую руку капитана с оружием наготове застыли Чарли и Сандра. Сандра фыркнула, глядя на сжавшегося за мной Леонса, Гордон Флорес покачал головой словно учитель, заставший учеников за шлодничеством. Лицо же мистера Гатти было необычайно суровым. Я давно не видел нашего капитана, и надо сказать, с нашей последней встречи он сильно сдал: виски будто сильнее тронула седина, ясные когда-то глаза помутнели, словно он испытал потрясение, и не одно, уголки губ нервно подергивались. Ни следа былой статной фигуры и выправки. Если можно было бы накинуть к своему возрасту с десятков лет за пару недель, то именно это и сделал наш капитан. Я вдруг с удивлением почувствовал, что страх куда то исчез, то ли из-за всплеска адреналина, то ли ещё чего, но я просто стоял и равнодушно ждал, что же будет дальше, глядя на прибывших в монорельсе людей, которых считал если не своими друзьями, то как минимум честными и добропорядочными коллегами. Куда же меня занесло...

Наконец, Роберто нарушил гнетущее молчание:

— Я не удивлен, что застал здесь младшего техника. — пробасил он таким тоном, будто никогда и не знал Леонса лично, — Но вы, Джек Салливан. Вас я считал ответственным и грамотным работником. Не думал, что у нас с вами возникнут проблемы.

Я не стал отвечать ничего в свое оправдание. Глупо было отпираться, будучи пойманным в отсеке, к которому у тебя нет доступа, да что там! Я о нём вообще знать не должен. Я продолжал взирать на всю эту картину с каким то оцепеневшим безучастием, словно был зрителем театральной постановки, а не её участником. И правда, трудно поверить, что всё происходящее было явью, настолько нелепой казалась мне эта ситуация. Чарли и Сандра, с карабинами наперевес угрожающе двинулись вперед. Чарли, продолжая держать нас на мушке одной рукой, другой обыскал меня, забрав мой браслет и прочие мелочи из карманов. Я услышал, как Сандра за моей спиной грубым пинком оттолкнула Леонса от замочной панели, которую мы безнадежно пытались вскрыть мой друг со стоном повалился на пол. Проверив ее, она обернулась к Роберто:

— Они не успели открыть замок, капитан.

Он кивнул, и обратился к нам:

— Вы оба совершили нарушение регламента, и подозреваетесь в причастности к исчезновению Хлои. До выяснения обстоятельств вы задержаны. Поместить их в карцер!

Так я узнал, что на нашем корабле есть карцер. Нас силой затолкали в кабину монорельса, и последнее, что я разглядел через закрывающиеся двери лифта, как тело охранного бота вздрогнуло, как зажглись его словно кровью налитые красные глазки-огоньки.

Глава 9 Что сказать в заключении

Пожалуй, одним из главных достижений в своей тихой размеренной жизни в Полисе я с уверенностью могу назвать отсутствие судимостей. Для жителя мегаполиса это — действительно настоящая заслуга, хоть я этим и не горжусь. Комитет сильно опасался восстаний, и потому цензура и репрессии были для населения в порядке вещей. Лишь самые тихие и покладистые горожане могли прожить свою жизнь без штрафов и поездок к безопасникам корпоратов. Даже на верхнем уровне порой бывало так, что к нам в ресторан навевалась группа быстрого реагирования из беспардонных корпоратов, облачённых в тяжёлую броню. Они врвались в наше заведение, круша уже которую по счёту мебель и буквально вытаскивали какого-нибудь невезучего чиновника еще не успевшего распробовать своих экзотических устриц прямо из-за обеденного стола. А чем ниже уровень — тем грубее методы. Ходили слухи, что в трущобах пригорода в чистках корпораты уже давно применяют оружие без разбора. В общем, мы в Полисе незапамятных времен жили по принципу «не лезь в дела комитета и комитет не полезет в твои». Я всегда был категоричен в отношении этой ситуации, но на протесты не ходил — подмочить свою подноготную и терять работу не хотелось. Так или иначе, уж теперь о репутации законопослушного гражданина можно было забыть.

Вляпались мы с Леонсом крепко. Сандра и Чарли молча тащили нас под руку к нашему новому обиталищу, в совсем незнакомую мне часть корабля с узенькими коридорами и переходами. Где-то на полпути у очередной развилки Сандра грубо развернула Леонса и они скрылись в переборке другого отсека. Я же продолжал послушно плестись, морщась от боли в заломленной левой руке. Чарли то и дело с грязной руганью пихал мне под лопатку ствол своего карабина. От каждого такого тычка я всё сильнее впадал в отчаяние. Я хотел бы договориться с ним, мы всё-таки служим вместе уже не первый месяц. Но едва я попытался заговорить о компромиссном решении, как получил удар прикладом по зубам от бывшего сослуживца. Перед глазами все поплыло. Где-то на фоне я услышал встревоженный голос Селены, звавший меня, а затем грубый рык Чарли, велевшего ей замолчать и не вмешиваться. Он еще какое то время тащил меня по узким коридорам, пока, наконец, не открыл какую-то маленькую дверцу и грубо затолкал меня внутрь. Я, споткнувшись о порог, едва не упал. Почувствовав, что меня отпустили, я замер, боясь пошевелиться. Дверь за мной закрылась, и камера заключения, в которой я оказался начала опускаться вниз. Когда порог двери был уже на уровне выше моей головы, сверху с шумом захлопнулась створка, увенчанная тусклым освещением. Она отделила меня от выхода из камеры. Сам карцер представлял собой узкую комнатку, буквально пару шагов в диаметре, обитую крепкими белыми пластинами. Оказавшись в ней, я ощутил настоящий страх и безысходность. Кажется, в какой то момент я даже принялся колотить по стенам, моля выпустить меня отсюда, но чёрт его знает, кто мог слышать меня так глубоко. Первые минуты или часы были для меня настоящим испытанием. Оказавшись в тесной комнатке, дезориентированный и напуганный я сидел на полу, лихорадочно всхлипывая и ожидая, что со мной сделают дальше. Вероятность того, что меня просто убьют, была велика, это я понимал отчетливо. Иначе капитан не стал бы заирать меня здесь, а сразу сдал бы нас на берег — в Полис, корпоратам из «Рассел». Я не знаю, сколько времени я предавался истерии и отчаянию, камера действительно оказалась карцером, внушавшим ужас. Минимум места, какой либо мебели здесь я не обнаружил —

даже унитаза! Было душно и противно пахло какими-то машинными химикатами, такой запах обычно стоит в самых грязных уголках нижнего уровня Полиса, куда даже техники заглядывают дай бог раз в год. Здесь невозможно было понять, который час, когда наступит ночь или день. Светодиоды в потолке светили абсолютно одинаково. Так я думал, пока в какой-то момент свет резко не потускнел, а из стены, словно из неоткуда выехала койка с грубым, но все же тканевым материалом, заменяющим перину. Значит на «Колодце-1» был объявлен отбой. Я, чуть всхлипывая, забрался с ногами на импровизированную кровать, едва помещаясь на ней во весь рост. Уснуть я, разумеется, не смог, но наличие хоть какого-то временного ориентира слегка привело меня в чувство. Кое-как устроившись на узкой жестковатой койке, я, оперевшись спиной на панель камеры, задавал себе множество вопросов. Что сейчас с Леонсом, почему нас не сдали корпоратам на берег, куда запропастилась Хлоя, и какого джина я вообще вдруг подписался с ним на эту авантюру? Последний вопрос особенно занимал мой взбудораженный разум. Применяя методику «семь почему» я пришел к выводу, что мне просто надоел подход нашего комитета к управлению делами Полиса. Зачем простые люди батрачат за жалкую капсулу воды, если лишь на одном нашем водовозе ее столько, что сполна хватит на весь город? А ведь “колодцев” девять! До сих пор этот факт не укладывался в моей голове. На среднем и нижнем уровнях простых жителей убивают за капсулы воды и пьют её порой самого отвратительного качества, пока на верхнем уровне Полиса чиновники и друзья членов комитета плавают в бассейнах и украшают свои цветущие сады фонтанами! Загадочная деятельность экипажа тоже приводила в замешательство, это и стало последней каплей. Что бы ни было в этом отсеке, оно явно не сулило ничего хорошего. Кто же из них в курсе происходящего? Я как смог выпрямил затекшие ноги и по пальцам пересчитал тех, кто наверняка посвящён в эту тайну. На монорельсе среди арестовавших нас был помощник капитана Флорес, и наши безопасники — Чарли и Сандра. Готов был отдать голову на отсечение, что Эмма тоже в курсе происходящего. А вот остальные? Вечно угрюмый Николай, ну, я бы еще поверил, а вот добродушный здоровяк Перри? А ведь именно он является старшим инженером на нашем корабле, и это у него Леонс стащил чертежи, где можно зафиксировать несостыковку в планировке «Колодца-1». А наш тихий задумчивый учёный — Дейв Хардман? О нем я знал крайне мало, но у него оказалось достаточно черствости чтобы проявить безразличие к судьбе Хлои... больше всего занимало во всём этом именно ее внезапное исчезновение. Я понятия не имел, нашла ли их с пустынным аборигеном наша команда. Так я лежал, занятый размышлениями и даже не заметил, как задремал. Разбудили меня волны вибрации, исходящие из койки под жестким матрасом. Синхронно с ними в камере мигал свет, похоже, это была своеобразная «утренняя побудка». Едва я встал со спального места, как оно исчезло, бесшумно заехав обратно под панель. На одной из стен, находящейся напротив двери, оставшейся наверху, на белой панели возник минималистичный значок щетки, и внезапно над ним открылась ниша с сухим зубным порошком. Почистив зубы, я выплюнул порошок в эту же нишу. Она закрылась и значок на стене сменился на нечто, напоминающее туалет с убывающим таймером. Вместе с этим под ним из стены выдвинулся унитаз и я, (извините) торопливо справил все свои нужды, с тревогой поглядывая на таймер. Это было невероятно унижительно, я краснел, ощущая себя каким-то зверем в зоопарке. Унитаз исчез, и в стене справа от панели со значками выдвинулась некая корзина, а значок сменился на рубашку. Я в ступоре разглядывал возникшую пустую корзину, силясь понять, что это значит. Меж тем таймер истекал. Когда он дошел до нуля, корзина исчезла и меня как есть

во всей одежде, с ног до головы обдало пенной волной из душа сверху. Я, ругаясь и шипя, скакал по камере, как сумасшедший. Когда душ отключился, я критически осмотрел свою насквозь промокшую одежду. Меж тем внезапно меня окатило волной горячего воздуха — камеру вместе со мной просушили фенами, встроенными в стены со всех сторон. Благодаря им моя одежда немножко подсохла. Вслед за феном вернулась злосчастная корзина со сменной одеждой, в прошлую я, как оказалось, должен был сложить свою одежду. Я не стал брать сменную форму. Корзину сменил возникший за моей спиной поднос со спрессованным кирпичиком сухого пайка и капсулой воды. В общем, все это продолжалось не более десяти минут. Позавтракав пайком и выпив воду, я принялся слоняться по опустевшей камере. Наличие туалета и душа окончательно отрезвило мой охваченный паникой мозг. Даже вонь машинных отделений поутихла, может, она была такой сильной, потому что эту каморку давно душем не ополаскивали? Устав мерить шагами двухметровый карцер я сел, скрестив ноги под собой и глубоко вдохнул, пытаясь окончательно успокоиться. Итак, теперь я знал, что смерть от голода и переполненного мочевого пузыря мне не угрожала. Это сильно успокаивало, но гложущее чувство тревоги по-прежнему сосало под ложечкой: я ждал, что с минуты на минуту люк сверху распахнется и меня отведут к бывшему руководству, которое наконец определилось с моей судьбой. Который раз высчитывая степень жестокости ожидавшего меня наказания, я с некоторой долей оптимизма делал скидку на то, что почти ничего не видел. Но на меня всё равно могли повесить шпионство в пользу другой страны или ещё чтонибудь в таком духе — в кодексе Полиса я не сильно разбирался, так как знание законодательства еще не помогло ни одному простому смертному, который перешёл дорогу комитету. Тревожными размышлениями я накручивал себя минуты, а затем и часы, но ничего не происходило. Со мной никто не связывался, в камеру никто не заходил, да вообще стояла кромешная тишина. По затихшему «Колодцу» я мог сделать вывод, что мы всё ещё стоим в порту. Тяготящее ожидание вновь отозвалось нарастающим внутри волнением, которое я безуспешно пытался подавить. Но за первый день ничего не произошло, если не считать появлявшегося из ниши в стенах унитаза и пары сух пайков. Умыться и поесть дали только вечером, затем прозвучал отбой, я лег калачиком на койку и проспал тревожным сном до утра, которое прошло по прежнему сценарию, только в этот раз перед душем я, с надеждой, что здесь нет пишущих сканеров, разделся догола, сдав свою одежду в корзину. Помывшись под душем и высушившись, я обнаружил в распахнувшейся нише невзрачную серую форму, похожую на пижаму. Одевшись и позавтракав, я снова стал ждать. Но в этот раз мои мысли были обращены к побегу. Удастся ли мне просочиться в одну из этих открывающихся панелей в стенах? Может быть Леонс, имея опыт, уже нашел способ, но мне пока что это казалось невозможным, да и если даже удастся выбраться из камеры — далеко ли я уйду? Нас наверняка охраняют. Да и скидка по приговору, на которую я так рассчитывал точно аннулируется с моей попыткой побега. А так я просто нарушил регламент, оказавшись в неположенном месте. Но ничего такого увидеть там я не успел, может хотя бы убивать не станут. Беспокойство и страх постепенно ослабевали, уступая место усталости и раздражению. К концу второго дня я начинал нервничать: сколько ещё мне тут сидеть? Когда будет суд и будет ли он? Пару раз я вскакивал, собираясь стучать по стенам и кричать, но каждый раз брал себя в руки и садился на место: это все равно ничего не даст, только ухудшит мое нынешнее положение. На третий день мое раздражение сменилось апатией и обреченностью, я почти весь день провел глядя в потолок. Я уже не думал ни о ждущем где-то там наказании, ни о своем заключении. Мне

было уже всё равно. Мои мысли витали теперь в прошлом, я вспоминал о решениях, приведших меня сюда, о жизни, оставленной в Полисе, о решениях, повлекших мой отъезд из перенаселенного города. Я хотел просто более спокойную работу, подальше от людей и большой ответственности. Уходя из «Танцующего дождя» я чувствовал себя невероятно усталым, мне надоели капризы богатеев, вечное соперничество с другими шеф-поварами за первенство в ублажении представителей местных элит. Мне невероятно надоело все это. Но откуда, варан подери, мне в голову пришла настолько идиотская мысль уволившись с работы на верхнем уровне записаться на борт «колодца», принадлежавшего всё тому же комитету и его элите? Почему я не увязал эти два факта и не сделал правильных выводов? Наверное, я слишком туго соображал тогда. Но Роберто Гатти и его команда до последнего казались мне славными ребятами, я даже успел проникнуться симпатией к доброй половине из них. Рассказанное Леонсом просто невероятно смутило меня и пробудило сильное любопытство: а правда ли такие люди могли скрывать какую-то пакость? Что же такое находится в том отсеке? Мы ведь просто возим воду, ведь так? Я усмехнулся своим мыслям. Я очень люблю одиночество и тишину, здесь у меня было и то и другое. С удивлением я обнаружил, что совершенно успокоился и все больше погружаюсь в раздумья. Откуда-то из глубины сознания я выудил давным-давно похороненную мечту: любыми возможными путями убраться из Полиса в страну, где еще остались леса и поселиться там в каком-нибудь домике и чтобы обязательно неподалеку была река. Плевать, кем я там буду работать и сколько я там буду получать, будучи молодым, я мечтал лишь оказаться в лесу. Живя в детском приюте трущоб, мы с ребятами часто сбегали на средний уровень, где у знакомых нам мальчишек из более состоятельных семей имелись нормальные голокоммы, которые в отличие от наших простых моделей были с нормальной цветопередачей. На них мы могли поиграть и посмотреть сделанные путешественниками фото и видеоматериалы из других частей Земли, менее подверженных засухе, или даже, напротив, — континентов, сильно подтопленных таянием ледников. С инфраструктурой других стран все было очень печально. Но увиденные в документальных фильмах зеленые холмы и леса, плавящиеся на солнце грандиозные ледники посреди нескончаемых океанских вод приводили нас в восторг. Мы вечно спорили, у кого из нас будет больше воды, чей особняк будет выше и глубже в лесу... Я встряхнулся, снова очнувшись все в той же камере, и понуро повесил голову. Даже не верилось, что эти воспоминания принадлежали мне — они будто были из позапрошлой жизни, настолько всё изменилось, изменилась моя жизнь в реалиях Полиса. «Ну, что стало с твоей мечтой, Джек?» — язвительно спросил я себя. «С каких пор вечная рутина задвинула это так глубоко, что ты оказался на этом корыте? Что же привело тебя сюда? Желание объединить заработок и помощь людям из города, как ты утверждал раньше? Или ты просто откликнулся на первую же вакансию, потому что так легче?».

— Да. — Ответил я вслух. — Все, что я делал, было продиктовано моей долбаной усталостью и ленью. Я просто пошел по пути меньшего сопротивления. Ведь чтобы уехать в другую страну нужно невероятное количество выдержки и средств, куда проще было влачить свое существование в мегаполисах, не высовываясь, играя по правилам корпорации «Рассел». Все явно шло не так, как задумывал ныне покойный глава этой компании Сэм Рассел — к такому выводу я приходил уже не в первый раз.

Эти внутренние откровения подорвали меня ещё больше. Я окончательно сник, чувствуя себя ничтожным в том числе и из-за вечной жалости к себе.

Прошел четвертый день, за ним следующий. Ко мне так никто и не приходил, со мной

никто не связывался. Иногда во мне просыпалась встревоженность, но в целом я уже даже привык к своему новому обиталищу. Интересно, чем они там сейчас питаются без меня. Может их кормит Макс, а может они уже ищут нового повара на моё место. Внезапно меня посетила мысль: «а точно ли мой предшественник — мистер Чу — умер своей смертью?» Такие вопросы спустя вот уже почти неделю заключения не вызывали страхов, лишь горькую усмешку.

Утром одиннадцатого дня я уже не хотел даже думать. Я продолжал лежать на вибрирующей койке, игнорируя специфичный будильник. Моя кровать прогудев пару минут просто бесцеремонно задвинулась в панель стены прямо подо мной. Я со стоном рухнул на пол и продолжал лежать пластом на животе, уткнувшись лицом в пол и игнорируя выдвигающиеся рукомойки, унитазы и прочие приبلуды моей темницы. Я почувствовал, как меня в чём-то окатило волной из душа и проветрило феном. Только тогда я подтянулся, вспомнив, что еду тоже нужно получать в одной из этих чертовых открывающихся дыр. Я приподнялся, забросив руку на выскочивший поднос начал шарить по нему в поисках моего пайка.

И тут «Колодец-1» тряхнуло мощным взрывом.

Застывший с протянутой вверх рукой, не ожидавший столь сильного толчка, я больно ткнулся лицом в словно бы керамически белый пол. Сверху на меня посыпались остатки моего завтрака, но я уже забыл про него, в ужасе закрыв голову руками. Вслед за первым взрывом последовал второй, затем я услышал приглушенные хлопки, напоминающие выстрелы. Боже правый, что происходит? Оказаться в такой момент запертым в карцере было наверное самым паршивым вариантом из всех возможных. Я продолжал лежать на полу, беспомощно прикрывшись руками, а что ещё мне было делать в этой ситуации? Сначала какофония перестрелки была непрерывной, словно какой-то беспризорник закинул связку петард в костер. Но с каждой минутой хлопков становилось всё меньше, пока они не стихли совсем. Какое-то время зависла неопределенная пауза, после которой «Колодец-1» снова встряхнулся — но уже не от взрыва. Мы поднимались! Я был абсолютно уверен в этом! Откуда-то снаружи слышался шум транспортников, явно круживших вокруг нашей старушки, множество голосов, предупреждающе кричащих что-то в мегафоны, но мне отсюда ни черта было не разобрать, один сплошной бубнеж! Они продолжали кричать, кружа вокруг нашего корабля, пока тот не замер в воздухе, я понял это по привычному краткому толчку, с каким обычно «Колодец-1» делал остановку. Рывкающие звуки множества голосов, усиленных мегафонами стихли, когда им ответили приборы нашего корабля, я понял это по вибрации, прокатившейся на палубе от наших мощных динамиков. Я не мог разобрать слов говорившего сквозь толстые стены моей тюрьмы, и голос его был мне незнаком — спокойный, будто немного гнусавый. Он декларировал свое сообщение в повисшей тишине, прерываемой лишь моторами окруживших нас транспортников. Говорил он довольно долго, а когда смолк, ему никто не ответил. Через какое то время после затишья и шум кружащих вокруг бортов — транспортники удалились от нашего корабля. Я продолжал лежать, приподняв голову и жадно вслушиваясь в повисшую тишину. Но больше ничего не происходило. Что бы ни произошло на борту, сейчас заварушка подошла к концу, но что же случилось? Судя по всему, на нас кто-то напал и преследовал, а затем отстал. Но кто тогда отвечал им по нашей связи? Я был абсолютно уверен, что это был не член экипажа. Выходит, что наш корабль захвачен? Но раз так, почему мы до сих пор живы, ведь директива капитана в таком случае — блокировать корабль. Наверное мы бы попросту рухнули сейчас

на землю, если бы это было так. А Селена? Почему наш ИИ не отреагировал на нападение или же у неё нет возможности активировать блок без позволения членов штаба?

Я буквально запытывал себя вопросами, валяясь посреди своей каморки. Спустя пару минут кромешной тишины я попробовал позвать на помощь, но ответа не последовало. Я так и остался в полной тишине, наедине с тревожащими меня мыслями.

Пожалуй, это был самый долгий и невыносимый день в моей жизни. Он начался столь неожиданно и так резко стих, что в томительной неизвестности прошла словно вечность. Я собрал рассыпанные по полу остатки развалившегося съестного пайка, убрав его в карманы штанов. Совершенно забыв о голоде и жажде я ходил по камере, как сумасшедший, периодически стуча по стенам и взывая о помощи. Но ответом была по прежнему мертвая тишина. А вечером перед отбоем поднос, на котором обычно был сухой паек оказался пуст. Я не думал, что еду мне в камеру запикивали вручную, но похоже, что это всё-таки было так, и про меня попросту забыли. Что там за чертовщина происходит? Я возмущался и кричал, пытаюсь подавить душивший изнутри липкий страх. Меня бросили здесь совершенно одного. Если с нашим экипажем стряслось что-то нехорошее — я покойник. Что пожалуй было самое поразительное во всем этом — «Колодец-1», повиснув в воздухе где-то рядом с Полисом, так и не сдвинулся с места! Я старался держаться, убеждая себя, что раз мы неподалеку от мегаполиса, то нас обязательно вызволят из этой передрыги, а меня может даже пощадят. Но перспектива умереть в карцере без еды вызвала у меня череду панических атак. Свет погас, оповестив о наступившем отбое и оставив меня в кромешной темноте. Я кричал, плакал и выл до изнеможения, но меня по прежнему никто не слышал. Я не помню, как продержался до того, как зажегся свет и завибрировала злосчастная кушетка, наверное мозг стер ту ужасную ночь из моей памяти. Камера проводила свои стандартные процедуры: задвигала кровать, выдвигала корзины, в которых не было одежды, ниши открывались без сухого порошка для чистки зубов и еды. Я взирал на все это с тупым равнодушием. Лишь только во время душа я вскочил, жадно собирая ладонями воду, которую сразу же отправлял в рот. Это было лучше, чем ничего. После просушки феном я с горечью вспомнил о вчерашней еде, так и лежавшей в моих карманах. Я достал из штанов взмокший комочек, когда то бывший питательным спрессованным пайком. Немного подумал, и съел ровно половину. Если я вынужден сидеть здесь без еды, то нужно было оставить второй кусок размякшего пайка на завтра, и съесть его до того, как душ окончательно не размочит остатки моей пищи в сток — спрятаться от мощной струи воды в двухметровой камере было негде. К вечеру наполненного волнениями и метаниями дня я уже не находил себе места от голода и подступающей жажды. Спасти меня мог только сон, и я ждал сигнала к отбою как манны небесной. Едва в карцере возникла койка я тут же развалился на ней и закрыл глаза, ожидая, когда наконец погаснет чёртов свет. В наступившей темноте я ещё долго пытался заснуть, игнорируя до боли урчащий живот. Несмотря на ужасный голод я всё-таки смог отключиться. Не знаю, когда я очнулся от своего мучительного беспомыслия, но свет был все еще выключен. Первое, о чем я подумал — это о сытном мякише сухпайка, лежавшем в моем кармане. Мои мысли не могли сосредоточиться больше ни на чем, желудок сводило страшными спазмами. Но я понимал: я не знаю сколько сейчас времени, может быть шесть утра, а может — час ночи. Если съесть оставшуюся еду до того, как включится свет, то потом проголодаешься намного раньше. Мне нужно было дождаться, пока в камере включат свет. Ждать, пока включат свет. Но он лежит в моём кармане, такой сытный, питательный паёк! И за что его так не любят в нашей команде, это же настоящее благословение! Шедевр

поварской мысли, вершина высокой кухни! Мой желудок требовал сиюминутного поглощения этого великолепной еды! Я держался из последних сил. Мне повезло, что до побудки оказалось недолго — по моим прикидкам я ждал включения света еще где-то час. Не представляю, как я высчитал прошедшее в томительном ожидании время — когда сидишь в карцере почти две недели в полном одиночестве, это происходит как-то само собой.

Едва зажглись лампы как я жадно выудил из кармана комок еды и набросился на него. Он оказался ничтожно малым — половина утреннего рациона! Сколько я, уже будучи страшно голодным, продержусь после этой подачи? Вновь поддавшись панике я заколотил по стенам, крича и умоляя выволить меня из этого страшного места. Вспомнив, что я сжигаю на это бесполезное занятие драгоценные калории, я осел на пол своей тюрьмы, и горько заплакал.

Я уже не мог сказать точно, какой сегодня был день, но по моему с момента последнего приема остатков пищи прошло не больше суток. Я валялся на полу камеры лицом вниз, прячась от надоевшего света, в абсолютном бессилии. Благодаря утреннему душу и суточным умываниям в карцер поступала вода, но есть мне хотелось до безумия. Голод затуманил разум. Я забыл обо всем, что происходило на корабле, мне было абсолютно всё равно, что произошло, я хотел только одного: чтобы открывшаяся утром ниша в панели была с благословенным блоком прессованной еды. Я поднял руку, проверяя не выскочил ли вожделенный поднос с едой, но сегодняшняя побудка уже прошла, и поднос был пустым. Я уронил руку обратно на пол, издав глухой стон. От боли в животе начинала кружиться голова, все поплыло перед глазами, мне почудилось, что камера уезжает куда-то вдаль. Вдруг я осознал, что мне вовсе не кажется — она действительно поднималась вверх! Я, собрав все оставшиеся силы, поднялся, озираясь словно затравленный зверь. Панель потолка наверху исчезла, карцер поднимался к распахнутой двери камеры, в которую меня в своё время затолкал Чарли. Там меня встречали незнакомые мне люди с оружием наготове. Их было двое, одеты они были в форму рабочих порта, только в отличии от них эти ребята были увешаны подсумками с боеприпасами и какими-то приспособлениями явно боевого назначения. Лицо одного из них было скрыто под забралом шлема, похоже снятого с корпората, второй — мужчина средних лет, с аккуратно выбритой седеющей бородкой и пронизательными карими глазами. Я так задрал голову, рассматривая их, что едва не упал, почувствовав очередной приступ слабости. Бородач сочувственно покачал головой, глядя на меня:

— Ох, ты посмотри, как ему досталось, Джефф. Давай вытащим этого бедолагу, ну!

Камера поднялась еще только наполовину, а я уже почувствовал, как пара сильных рук подхватила меня подмышки и вытянула наверх. Бородач и его напарник выудили меня из недр камеры так легко, словно поднимали на руки ребенка. Поставив мою безвольную тушку между собой, они сочувственно меня осмотрели.

— К-кто вы такие? — едва смог выдавить из себя я.

— Неравнодушные граждане. — Подмигнул мне бородач, убирая свое оружие в кобуру за спиной, — Не переживай, Джек, теперь всё будет в порядке. Пойдем, отведем тебя в твою каюту, если ты конечно помнишь, где она.

По-прежнему поддерживая меня под руки, эти странные ребята потащили меня прочь из страшных узких коридоров корабля, сейчас мне было плевать, кто они, и что за джигитовщина здесь происходит. Я настолько туго соображал, что хотел лишь одного: как можно скорее покинуть эту часть корабля и никогда больше в нее не возвращаться.

Ну и конечно же, съестъ с десяток сухих пайков!

Глава 10 Из одной бури в другую

Странная парочка тащила меня к монорельсу, поддерживая под руки. Я чувствовал себя невероятно измотанным, казалось бы мне нужно сейчас основательно тревожиться за свою жизнь, но, похоже, ужасы, пережитые в карцере, слишком подорвали мое самочувствие. Сидя две недели в заточении, я уже смирился с любой готовящейся для меня участью, и сейчас не испытывал ничего, кроме страшной усталости. Бородач поддерживавший меня за левую руку продолжал дружелюбно мне улыбаться каждый раз, когда мы встречались взглядами. Справа от меня недовольно сопел его напарник — Джефф. Эмоции на его лице были скрыты под забралом корпоратского шлема, комично смотревшегося на фоне его рабочего комбинезона, а вот импланты заменявшие ему руки выглядели более чем внушительно. Едва они затащили меня в кабину монорельса как я упал на ближайшее кресло, ну, вернее на то, что от него осталось — весь лифт был разбит до неузнаваемости, на корабле явно была яростная стычка. Что же случилось с командой? А с Селеной? Нет, сейчас я не буду размышлять об этом. Я закрыл глаза. Думать вообще ни о чем не хотелось.

— Да сними ты уже чертов шлем, Джефф. — Донёсся до меня сквозь забытье голос бородача, в котором слышалась усмешка — этот парень нас не укусит! Ты посмотри, он же еле живой.

Джефф только пробурчал что-то в ответ, но судя по лязгу оружия и снаряжения он всё-таки послушал своего товарища. Я открыл глаза, чувствуя, как сквозь толщу отрешенности меня пронзает укол любопытства.

Судя по открывшемуся мне лицу Джеф был примерно одного возраста со своим напарником. Полностью выбритое лицо, строго поджатые губы, пронизательный взгляд карих глаз, подозрительно буравящий меня насквозь. Кто же они? Рейдеры? Да не похоже, я конечно и о рейдерах почти ничего не знал, но эти ребята явно не пустынные грабители транспортеров. Минутку... Я прищурился:

— Да вы же близнецы! — в моем состоянии я простил себе нелепый комментарий, с хрипом сорвавшийся с моих потрескавшихся губ.

— Да, а ты глазастый. — снова улыбнулся бородач, тряхнув седеющей, аккуратно зачесанной шевелюрой — меня Джоэлом звать, ну, а это мой брат, Джеф. Приятно познакомиться, Джек, по имени ты нам третьим братом годишься! — Усмехнулся он, деловито поправляя ремни своих подсумков. — Ну вставай, бедолага, мы прибыли к тебе домой.

Я попытался подняться, и со стоном рухнул обратно на остатки кресла: тело отказывалось слушаться, было такое ощущение, будто по мне проехали катком.

— Ну и что ж нам с тобой делать? — Покачал головой Джоэл. Схватив мою руку он поднял меня легко, словно пушинку. А ведь на нём ещё и обвесов с оружием было килограмм на пятнадцать. Оставалось только позавидовать такой физической форме, в его-то возрасте! Хотя по лицу сложно оценить, сколько лет было Джоэлу: вроде молодой, а вроде без пяти минут на пенсию. Вот по его брату сразу было понятно: Джеффу где-то лет пятьдесят. Он был, похоже, полной противоположностью своего брата: молчаливый, угрюмый мужчина. От него куда больше веяло угрозой, чем от простого, улыбчивого Джоэла. Да и помогал он мне куда с меньшей охотой, чем брат. Хотя уж с его-то имплантами он вполне мог, не особо напрягаясь донести меня одной своей стальной

лапищей. Всегда чувствовал какую-то необъяснимую тревожность рядом с имплантированными людьми. Братья меж тем под руки вытащили меня из монорельса в общий зал жилого отсека. Здесь всё было как обычно, разве что пустовато. Мои конвоиры поглядывали вокруг, готовые в любой момент схватиться за оружие. Но держались они без должной сноровки, не как военные типа Чарли или Сандры. Похоже, они действительно были простыми рабочими. Рабочими из Полиса...

— Неужели вы подняли мятеж? — Пораженный этой догадкой, я кое-как выдавил из себя этот вопрос.

— Можно и так сказать, дружище. Вот твоя каюта. Все твои вещи на месте, здесь ты можешь делать что хочешь, но за ее пределы пока лучше не выходи, целее будешь! Позже принесу тебе воды, еда уже на столе, но ты не торопись, голодал ты давно, мало ли что. — с дружелюбной улыбкой напутствовал меня Джоэл. Джефф за его спиной лишь молча смерил меня взглядом. Они закрыли дверь каюты, заблокировав ее снаружи. Каким бы милым и общительным не был этот чудак, а я всё-таки нахожусь в заключении. Ну что ж...

Не теряя времени я накинусь на поднос с едой, жадно поглощая всё, что перед собой видел. И готов поклясться, никогда в жизни я не ел с таким аппетитом ни в одном из ресторанов верхнего уровня!

Я набивал живот, пока боль от голода в моем желудке не сменилась острыми спазмами переедания. Забросив остатки своего обеда, я с трудом встал и шатаясь, чуть прошёлся по своей каюте. Здесь все было перекопано — её явно обыскали, это сделали либо те, кто привел меня сюда, либо члены экипажа «колодца» ранее. Я присел за компьютерный стол у круглого окна, которое в данный момент было наглухо запечатано защитными панелями. Проверив терминал, я к своему удивлению обнаружил, что все загруженные с моего планшета записи были на месте. Может, они решили оставить их как доказательство в суде? Ерунда, меня не стали бы судить. Убили бы и дело с концом. Еда придавала немного сил, и меня сразу же начали донимать тревожные мысли. Теперь уже было очевидно, что корабль взят на абордаж либо мятежниками, либо они были рейдерами, этого я не мог знать наверняка. Но как им удалось захватить корабль? «Колодец-1», самое защищённое судно, летающую крепость, пусть и древнюю, но всё же неприступную! Я горько усмехнулся: из одной бури я сразу угодил в другую. Им наверняка кто-то помог. Это могла быть даже Хлоя, так удачно исчезнувшая прямо перед нападением. Или же... возможно ли, что Леонс был с ними в сговоре? Что им руководило не просто желание узнать, что происходит на корабле, это могла быть часть плана по захвату «Колодца-1»? Я схватился за голову: «какой же я кретин! Как я мог поверить настолько сомнительному объяснению его мотивов, нахрена я вообще полез в это дело, ведь не хотел же!» Но язвительный голосок в голове уже подсказывал, почему я так поступил: «Мало у тебя силы воли, чтобы сказать человеку «нет» в критических ситуациях. Удивительно, Джек, что ты вообще еще не сгинул в этом суровом мире и смог оказаться на вершине своих возможностей — поваром на корпоратском колодце!»

— Да пропади ты в зыбуне! — Простонал я, злясь на себя самого.

В чём есть я завалился на кровать — пошло оно всё. «Умоюсь, как проснусь — решил я, — сейчас сил нет никаких». После заключения в камере перина на моей койке казалась мне невероятно просторной и мягкой, хоть складная кровать в каюте тоже была на самом деле довольно грубой и компактной.

Вдруг я поймал себя на том, что скучаю по Полису. Сначала я страшно удивился такой

перемене, ведь я на дух не переносил город. Тем ни менее, даже там я был свободнее и целее, чем на борту этого проклятого корабля, оказавшегося частью какой то невероятной карусели событий. С другой стороны я не знаю, что происходит в самом Полисе, ведь корабль так и не улетел от города, или быть может мы уже парим над просторами моря пустыни, а отлет я просто напросто пропустил, когда спал?

— Нет. — ответил я сам себе, и содрогнулся от свежих воспоминаний: в полной тишине карцера я вскакивал от любого шороха, и ни за что не пропустил бы толчок, возвещающий об отбытии корабля. «Колодец-1» всё ещё находился где-то у Полиса. Я снова впал в томительное, чуткое забытье, заменявшее мне сон последние недели. Оно было наполнено нечеткими кошмарами, обжигающими и бескрайними как сама пустыня. Скрип двери моей каюты разбудил меня мгновенно. Я вскочил, тревожно вглядываясь в открывшийся вход, чувствуя как все тело прошиб холодный пот. Там стоял Джоэл, вид у него был слегка виноватый.

— Наш главный — Эйден, — хочет тебя видеть. — сообщил он, произнеся имя своего босса с каким-то особенным трепетом.

— Мне нужно умыться. — сильным голосом ответил я, тяжело плюхнувшись на пропотевшую простынь. Джоэл словно воскресил меня своим приходом, как какой нибудь чернокнижник древнего мертвеца из старых докатаклизменных НРИ.

— На это нет времени, идём Джек. Надеюсь, у меня нет причин надевать на тебя наручники?

Я отрицательно кивнул, и нехотя сполз с кровати, мимоходом плеснув в лицо водой из-под крана миниатюрного умывальника, поплелся за Джоэлом. Их босс хочет меня видеть, значит? Воображение сразу же нарисовало мне Эйдена: какой-нибудь здоровый татуированный верзила — типичный бритый налысо бригадир портовых рабочих. Широкий в плечах и резкий в выражениях. Ну а кто еще мог быть лидером взбунтовавшихся работяг Полиса? И что же, интересно, ему от меня нужно?

Я решил больше не изводить себя вопросами, их и так было слишком много за последние недели, проведенные на этом долбаном корыте. Внезапно, я пожалел о том, что назвал нашу старушку так грубо. Я успел привязаться к кораблю, и не он был виноват в том, что его команда сделала со мной. «В этом виноват исключительно ты! Сидел бы себе тихо как обычно, не высывался и проблем бы не было! И Леонс не стал бы совершать таких глупостей» — Шептал мне предательский голосок. Да к джиннам Леонса, он меня надул, спевшись с этими повстанцами, а я думал, мы друзья! И всё-таки меня терзали сомнения насчет неискренности моего друга. Слишком уж он переменялся, когда выложил мне всё, будто снял маску лжи, от которой невероятно устал — вот как это все выглядело в тот момент. Это и был ответ на мой вопрос почему я решился таки пойти за ним в этот проклятый отсек.

Снова мы вошли внутрь разбитой кабины монорельса, я чувствовал невероятное напряжение. О чём бы мы ни говорили с их предводителем, это явно будет беседа не из приятных. Джоэл периодически ободряюще улыбался, а когда сигнал сообщил о прибытии, он похлопав меня по плечу, сказал:

— Не переживай, Джек, Эйден — странный малый, но он не тиран. Всё будет хорошо.

Я тупо кивнул, и мы вышли из лифта, оказавшись в штабе. Весь порог монорельса был черен как ночь от следов гари и копоти: похоже, именно здесь прогремел один из взрывов, сотрясших колодец. На стенах просторной кабины корабля виднелись следы от выстрелов,

капитанский мостик был поврежден до неузнаваемости. Кое-где вдоль разбитых терминалов я заметил подозрительные темно-багровые пятна.

— Всё, что осталось от наших ребят. — Мрачно сообщил Джоэл, проследив за моим взглядом.

Я слегка содрогнулся при мысли о том, как этих бедолаг заживо распыляют пушки Чарли и Сандры, основанные на технологии гидродобычи «Рассел». В моей голове до сих пор не укладывалось, каким же надо быть отморозком, чтобы додуматься до применения основы бура (как там, Эмма Нельсон говорила, он назывался?) для превращения людей в кровавое пятно на полу. Интересно, сколько членов моей команды пережило это столкновение? И где они сейчас? Что с нашим ИИ я тоже не знал — корпоратский голокомм забрали, а звать её я бы не рискнул.

Вокруг нас суетились самые разные люди: комбинезоны рабочих сменяли обычные костюмы гражданских, некоторые из присутствующих и вовсе были одеты в видавшие виды лохмотья, правда прикрытые внушительной броней. Их было много, на меня они не обращали ни малейшего внимания, поглощенные своими делами. В штабе повисла непривычная полутьма. Я не сразу понял в чем дело, пока до меня не дошло: панорамные окна кабины корабля, из которых открывался прекрасный вид на горизонт, сейчас были наглухо закрыты панелями бортовой брони. Похоже что «Колодец-1» находится в режиме полной боевой готовности.

Между тем из разнесённого штаба мы перешли в кают-компанию. Сюда заварушка не добралась, помещение было цело, значит и каюта капитана, скорее всего, тоже.

У двери, ведущей в каюту Роберто Гатти Джоэл застыл, прислушиваясь. Затем он забарабанил кулаком по стальной обшивке:

— Эйден, я его привел.

Дверь распахнулась, Джоэл затолкал меня в каюту, а сам остался снаружи. Я застыл, окидывая взглядом кабинет бывшего капитана корабля — Роберто Гатти. Здесь почти ничего не изменилось, разве что стало темнее с закрытыми ставнями. Что же с ним сделали? Взглянув на дверной проем, ведущий в спальню, я вздрогнул от неожиданности: на пороге застыл жёлтый человек. Тот самый абориген, подобранный нами посреди пустыни. Тысяча мыслей пронеслась в моей голове, он видимо понимая мое удивление, молчаливо ждал.

Трудно описать его внешность, до сих пор не понимаю как человек может выглядеть настолько жалко и при этом величаво одновременно? Он был очень высок, но невероятно худ, Длинные патлы его волос свисали чуть ли не по грудь, обрамляя симпатичное тонкое, не тронутое щетиной желтоватое лицо с прямым носом. Губы сжались словно нить, его зелёные глаза, с белками, тоже тронутыми желтизной отрешенно смотрели куда-то сквозь меня. Так мы и замерли: я удивлённо пялился на него, он же задумчиво взирал на меня, погруженный в свои мысли. Обернувшись, Эйден широкими шагами достиг капитанского стола. Одет он был в простую футболку, поверх которой на худых плечах висела кожаная куртка. На ногах темные джинсы и какие-то странные кеды. Словом, прикид типичного фрика из центрального района Полиса. Развалившись в кресле, он закинул ноги на стол. Я, чувствуя утомление, позволил себе осторожными шагами приблизиться к стулу напротив, и тоже присел.

— Итак, ты — Джек Салливан? — просто спросил он.

Я сразу же узнал этот голос. Этим гнусавым ровным голосом говорил с транспортерами наш корабль, когда на борту отгремело сражение моей команды с повстанцами Эйдена. Я

ответил:

— Да, это я. Можете объяснить, что здесь происходит? Кто вы такой и что случилось с командой?

— Это сейчас важно? — отрезал он спокойным, даже безразличным голосом. — Сейчас это не играет роли, все там, где должны быть. Кроме тебя и твоего друга. Сейчас меня интересуют именно вы. Я ознакомился с твоим досье, у «Рассел» на каждого есть файл. У тебя очень интересная биография, Джек: «Танцующий дождь», «Сингулярность».

Всё это так напомнило мне мое первое собеседование с предыдущим капитаном корабля, что я невольно усмехнулся. Но моя улыбка исчезла, когда он продолжил:

— Ты вырос в приюте трущоб, видел самые грязные углы Полиса и его обездоленных обитателей. Работал на верхних уровнях, каждый день обслуживая чиновников Комитета. Тех людей, которым ты обязан своей паршивой жизнью на средних уровнях города. Сколько раз у тебя была возможность избавиться от них, возможность, которая мне и не снилась, но я бы отдал очень многое за то, чтобы выйти на связь с таким человеком, как ты. Но ты пошёл дальше: из ресторанов верхнего уровня ты решил перебраться коком на борт «Колодца», и не к кому-то там, а к самому Роберто Гатти! За все твои пресмыкания перед комитетом ты должен был сейчас находиться там же, где вся ваша команда, Джек Салливан, но тем ни менее ты здесь. Догадываешься, почему?

Я молчал, обдумывая вопрос. Его претензии были смехотворны. Да, я работал на верхних уровнях, но что я мог сделать? Подсыпать крысиной отравы комитетскому хмырю и навсегда исчезнуть в застенках башни «Рассел»? Смешно. Он точно знал, что случилось — Леонс наверняка уже растрепал, почему я оказался в заключении, просто Эйден хотел узнать мою версию произошедшего. Но будет ли она верной? Борясь с приступами паники, я ответил:

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Уверен, что Леонс уже рассказал вам обо всем подробно, он ведь работает на вас?

Эйден лишь слегка качнул головой:

— Твой напарник, к сожалению, не работал на сопротивление. Но теперь-то я думаю, что он нашёл своё место среди них. А ты? Джек, ты находишься здесь, потому что ты был посажен своей командой в карцер, когда мы штурмовали корабль. Куда неожиданнее было то, что ты поборол свой страх, и полез таки на закрытый уровень вашего корабля, нарушив все правила. Вы с Леонсом едва не сорвали мои планы, когда пытались открыть ту дверь. Хорошо, что команде не хватило ума проверить, всё ли в порядке в отсеке после того как они вас скрутили.

Так вот куда он пропал, черт его дери, он и был за этой дверью! И что бы он сделал, если бы мы с Леонсом ее открыли? Убил бы нас? А Хлоя, она тоже была с ним? Эйден уже явно дал понять, что вопросы здесь задает он, так что визнавать было бесполезно. Я вздохнул:

— Хорошо, Эйден, что вы от меня хотите?

Он помедлил, окинув пустым взглядом каюту, когда наши глаза вновь встретились он ответил:

— Всё просто, Джек. Твои действия доказали, лояльность сопротивлению, я не собираюсь тебя вербовать, я и сам не могу назвать себя приверженцем идей повстанцев. Я просто хочу, чтобы ты продолжил готовить на борту корабля, на этот раз — для моей команды. Ты — мой трофей. Повара лучше шефа с верхних уровней у меня на борту уж точно

не будет, а бригада, захватившая корабль, заслужила хорошего рациона. Люди измотаны, им понадобится приложить много сил для приготовления корабля к финальной части моего плана. В общем, я восстанавливаю тебя в должности.

Он говорил о происходящем очень странно, окончательно сбив меня с толку. Как он может не быть убежденным повстанцем, если он — лидер сопротивления? Подчинённые для него тоже явно вещь, инструмент, который он пустит в ход в нужный момент. Я был удивлен его предложением, я то думал меня выкинут за борт, или посадят обратно в душный карцер. Эйден, словно чувствуя моё смятение попытался его развеять, повторив своё предложение:

— Ты доказал свою надёжность выступив против комитета, Джек, хоть и при таких обстоятельствах. Но учти, твоя команда всё ещё в моих руках помни об этом, если решишь сделать какую-нибудь глупость. Можешь идти, Джоэл проводит тебя обратно. Дальше жилых отсеков доступ для тебя будет только по запросу.

Он знал, что в ближайшие месяцы после того, что мы с Леонсом выкинули, я точно не решусь выкинуть ничего экстраординарного. Поднявшись, я ошарашенно спросил:

— Но как мне работать на вас, я даже не понимаю, что происходит, кто вы и чего пытаетесь добиться? Что творится в Полисе?

Он молча смотрел на меня, давая понять, что разговор окончен. Не дождавшись ответа, я развернулся и вышел из каюты. Джоэл, стороживший дверь, увидев меня он облегченно вздохнул и, похлопав меня по спине, сказал:

— Ну что, пойдём обратно, дружище? Тебе необходим отдых. Завтра осмотришь свой камбуз.

Во мне всё кипело от возмущения и страха, всё вокруг вмиг стало таким чужим и странным. Я абсолютно не понимал, кто эти люди, и что происходит вокруг, но никто не удосужился мне ничего объяснить. Я пленный повар или же часть команды? К несчастью, Эйден и правда оказался очень странным, какой-то себе на уме, совсем не таким я представлял себе лидера повстанцев, которые свергнут комитет. Или же он не их лидер? Но Джоэл назвал его «боссом». Молча прошагав мимо Джоэла я вышел обратно в штаб, застыв посреди просторной кабины «Колодца-1» заполненной народом. Я чувствовал настоящую растерянность, о какой кухне могла быть речь, если я даже не имею представления, сколько человек мне кормить и что происходит вокруг. Время, проведённое в карцере, конечно казалось мне вечностью, но перемены, произошедшие на корабле пока меня не было были чересчур радикальными. Я абсолютно не представлял, что делать дальше.

— Ami! Как я рад, что ты цел! — Меня вырвали из жестокого мира и заключили в дружеские любвеобильные объятия. Я охнул от неожиданности, и улыбнулся другу: хоть я и был в обиде на Леонса, но всё же я был рад видеть, что он жив и здоров. Француз отпрянул, критически оглядывая меня с головы до ног, на его красивом лице отразилось неподдельное сострадание. Покосившись на Джоэла, он бесцеремонно бросил помощнику Эйдена:

— Могли бы и привести в порядок бедного парня, прежде чем таскать по вашим мятежным делам.

— Мало времени, — как-то задумчиво ответил тот, пожав плечами, — мы все помятые после штурма корабля. Взять колодец — это тебе не по терминалам пальчиками тыкать!

— Я тоже рад тебя видеть, Леонс. — Выдохнул я, улыбнувшись другу. — Давно тебя освободили?

Я мельком оглядел его. Судя по рыжему форменному кардигану он явно был восстановлен в должности инженера, и уже успел приступить к работе, свободно

перемещаясь по кораблю. Это внесло немного ясности насчёт моих будущим перспектив и даже слегка успокоило меня: значит я действительно смогу вновь спокойно поработать на камбузе, если конечно, комитет не взорвет наш колодец к чертям. Ну удачи им в этом деле — зубы обломают!

— Да, давненько меня вытащили. — ответил Леонс. — Почти сразу после того, как повстанцы раздолбали нашу старушку своими зарядами. — тут он снова выразительно глянул на моего провожатого. — Это надо было додуматься, использовать взрывчатку, собранную на коленке. Набросали вы конечно песка, могли бы для своих великих планов ограбить пару-тройку военных складов «Рассел», а не тащить с черных рынков барахло! Чудом только свои задницы не подорвали!

Джоэл только усмехнулся в ответ. Я спросил:

— Леонс, что происходит, что с нашей командой?

Мой друг помрачнел:

— Они больше не наша команда, Джек. Селену отключили почти сразу после того как корабль был взят. Ее защитные протоколы представляют опасность для повстанцев. Хлоя тебе всё расскажет, найди её. Сейчас мне надо бежать, я заглянул только узнать, что ты в порядке, дел по горло, нужно привести старушку в порядок, видишь, какой тут разгром. Увидимся в столовой.

С этими словами он поспешил к повстанцам, оживленно что-то обсуждавшим у одного из уцелевших терминалов штаба.

Я удивлённо глядел ему вслед. пока Джоэл наконец не выдержал:

— У меня тоже много дел, Джек, не только кока с экскурсией по кораблю водить, давай вернем тебя в твою каюту.

Мы в который раз вызвали монорельс. После карцера я чувствовал себя очень некомфортно в небольшой закрытой кабине старого лифта, даже несмотря на наличие здесь мебели. Когда мы вышли в общий зал жилого отсека, меня ждал очередной сюрприз: на круглом диванчике в центре сидела Хлоя. Завидев меня она встрепенулась, тряхнув рыжими локонами и, поправив очки, улыбнулась:

— Джек, привет! А я тебя жду.

Я ощутил, как тепло стало на душе: мне было приятно внимание Хлои да и к тому же я был безумно рад ее видеть. Жаль только, что я появился перед ней немывтым в том же тряпье, в котором меня только что вытащили из камеры. Вспомнив об этом, я смущённо покраснел:

— Здравствуй, Хлоя. Я рад, что ты цела! Может быть, ты мне расскажешь, что здесь происходит?

— Пожалуй, я вас оставлю. По этому уровню можешь передвигаться как хочешь, но чтоб без глупостей! — Джоэл не стал даже выходить из монорельса. Он не улыбался, но его глаза как-то озорно сверкнули, когда он глянул на меня сквозь закрывающиеся двери лифта.

— Пойдем, поговорим в медотсеке. — поднимаясь с диванчика позвала Хлоя таким будничным тоном, словно бы я не сидел в камере, а корабль не захватили повстанцы. Она, как и Леонс, тоже была при параде: приталенная бело-зеленая форма медика была ей к лицу. У меня было множество вопросов к Хлое, ведь похоже именно она, а не Леонс, помогла Эйдену осуществить захват корабля. Но в этот миг я забыл обо всем, невольно залюбовавшись ею. Я услышал собственный голос:

— Знаешь, а ведь я всё хотел отнести тебе ужин, когда ты хлопотала над Эйденом. Макс к тебе бегал, а я всё откладывал, думал никуда мы с корабля не денемся, а вот оно как вышло, жаль, что я не успел.

Джинн побери, как глупо! Ну, я по прежнему делал себе скидку на свое состояние, надеюсь она меня простит. Да и время, проведенное в карцере, напомнило мне о том, что жить надо сейчас, а не после работы. Изящное личико Хлои вновь озарила улыбка:

— Так ты скорее всего останешься здесь поваром, верно, Джек? Я тоже пока что ещё не подала в отставку. Мы еще успеем поужинать. Пойдем, осмотрим тебя.

Моё самое идиотское в жизни приглашение на свидание было принято. Раньше я переживал бы и мусолил это достижение ещё на этапе перехода на «ты». А теперь всё было так просто — пригласил, Хлоя согласилась, вот и счастливый конец. Почему я тянул с этим так долго? В медотсеке я снял с себя тряпки заключенного оставшись в нижнем белье и упал в кресло. Всё казалось настолько нереальным, что наверное это и вызвало подобную отчужденность.

— Ну ты и вымазался конечно. — улыбнулась Хлоя, проводя осмотр. От ее улыбки я снова почувствовал тепло, а редкие прикосновения мягких рук вызывали приятный трепет. Я наслаждался тем, что наконец-то она была рядом. Опомившись от эйфории, я вспомнил о самом важном:

— Хлоя, расскажи мне, что происходит? Куда ты исчезла вместе с этим Эйденом? И что творится в Полисе, бунт?

Она посерьезнела, и тяжело вздохнув, села в своё кресло, развернув его ко мне. Наши взгляды встретились, сложив руки домиком, она ответила:

— Я расскажу тебе всё, что мне известно, Джек. Ты уверен, что выдержишь сейчас слушать все это? Выглядишь ты неважно.

— Да я огурчик, ты что, ради такого готов и потерпеть. — я лгал самым наглым образом. Весь мой организм протестовал нещадными болями, голова просто разрывалась, отказываясь работать, а ведь завтра, я так понимаю, я уже должен был начать работу на кухне, да, пожалуй зря я так расхрабрился... Мои потуги не обхитрили Хлою, покачав головой она решительно встала с кресла:

— Давай сначала я проведу детоксикацию твоего организма, а потом мы поговорим.

— Де-что? — осведомился я, вскинув брови.

— Это та же процедура, которую мы проводили с твоей рукой, только теперь я полностью помещу тебя в медпринтер. Не бойся, это быстро и безболезненно. Откинься в кресле, ноги подними, вот так, да. — Теперь я опять чувствовал себя словно на приеме у терапевта, компетентность у нашего медика не отнять — никаких фамильярностей на работе.

Она опустила меня вместе с креслом в горизонтальное положение, и потянулась к крышке медпринтера, замеченной мной во время прошлого лечения, когда я чуть не оттяпал себе палец. Хлоя лёгким движением руки накрыла меня ею, собрав воедино капсулу медпринтера. Я почувствовал себя цыплёнком в яичной скорлупе, но все же на уровне лица было небольшое окошко. Я вдруг снова ощутил приступы паники. Память о заключении была еще слишком свежа. Нервно ерзая в закрывшемся медпринтере, как в гробу, я, стараясь окончательно не потерять лицо, неловко забормотал:

— Знаешь, после пары недель в нашем карцере я не очень комфортно себя чувствую в замкнутых пространствах...

— Я включаю медпринтер, вдохни как можно глубже, закрой рот и глаза! — строго прервала Хлоя. Я незамедлительно последовал ее указанию, сделав глубокий вдох и опустив веки. Внезапно все моё тело словно приподнялось, оказавшись в невесомости, кожу мягко обволакивал гель, тот самый, которым медпринтер в прошлый раз обрабатывал мою раненую руку. Я почувствовал невероятные ощущения, мое тело словно наливалось силой, боль и усталость уходила прочь, нечто похожее я испытал в прошлый раз, но сейчас это было в тысячу раз сильнее. Плавая в геле я чувствовал, как через меня проходят мощнейшие волны исцеления, придающие сил и словно пропитывающие меня насквозь, меняющие моё сознание... Я словно перерождался, вся моя прежняя никчемная жизнь утекала из меня, прежний «я» стыдливо подался прочь, уступая место новой сущности внутри меня, я уже не ощущал себя более человеком, я был словно Божеством. Я растворился в геле, чувствуя, как мое жалкое тщедушное тело наполняется силами, не знакомыми мне ранее. Теперь я запросто мог дать пару хуков жутким имплантированным психам из Полиса, но в тот момент я не мыслил таким образом: мне было плевать на этих низших существ. Теперь мой мозг заработал на полную мощность, я ощутил невероятную чистоту и ясность в голове, как в новейшем бортовом терминале я был здоров и готов впитывать, обрабатывать любые объемы информации. Откуда-то пришло чёткое понимание: «вот теперь я в порядке».

В этот же миг всё прервалось. Гель с хлопаяющим звуком исчез в желобах медпринтера, я снова обрел себя, резко открыл глаза от неожиданности. Забыв, где я нахожусь, я попытался энергично вскочить, издав самый радостный и возбужденный крик в моей жизни — так прекрасно я себя никогда не чувствовал. Но тут же моя голова ударилась о крышку капсулы.

— Не дергайся, все хорошо. — услышал я приглушенный голос Хлои снаружи, затем она подняла крышку капсулы и я буквально выпрыгнул из нее, приземлившись ногами в склизком геле на пол медотсека. Еще раз энергично встряхнувшись я взревел:

— Тысяча бурь! Никогда еще в жизни я так себя не чувствовал! Что это, Хлоя? Какой-то военный стимулятор? Наркотик?

Девушка печально улыбалась, протягивая мне полотенце:

— Ни то, ни другое, Джек. Это то, ради чего мы и добываем воду на самом деле.

Я пропустил ее слова мимо ушей, энергично вытираясь приятным махровым полотенцем и переваливаясь с ноги на ногу, так скакали боксеры прошлого на рингах. Она вновь села в кресло, терпеливо ожидая, пока я успокоюсь и попутно объясняя:

— Первый раз оказывает на людей действительно ошеломляющий эффект. Но я не застала первую детоксикацию никого из членов экипажа, кроме, разве что, Макса.

Он смогла завладеть моим вниманием. Я прекратил приплясывать и, едва сдерживая себя от полного изучения высших курсов математики и пробежки на десять кругов по кораблю, сел прямо на пол, скрестив под собой ноги и раскачиваясь. Я сказал Хлое:

— Расскажи мне всё, что ты знаешь и чего не знаю я, пожалуйста.

В который раз она тяжело вздохнула, и присев в кресло, начала свой рассказ:

— Как ты уже знаешь, я работаю врачом на борту колодца, на эту службу некомпетентных специалистов не берут, даже наоборот — в приоритете потомки создателей этих кораблей. Наши семьи строителей и инженеров приезжали в Полис к Сэму Расселу из Франции, Америки, Китая... Нас с детства учат истории нашей семьи, нашему предназначению. Мы должны обеспечивать сохранность «Колодцев», а те в свою очередь — добывать воду для города. Для этих целей обучают и отбирают лучших из лучших. Конечно

же я отучилась со всеми отличиями, очень хотела не опозорить своих предков, попасть на борт колодца, показать себя хорошим доктором и принести пользу обществу. Но здесь, за годы службы я узнала очень многое, Джек. В прошлый раз я не могла ничего тебе рассказать, лишь предупредить. Но теперь мы можем говорить открыто. Во-первых, я искренне рада, что вы с Леонсом не оказались вместе с нашей командой когда штурмовали корабль. Я знаю, что тебе пришлось тяжело, но поверь, это не худшее, что могло с тобой случиться. Когда я заступила на службу Роберто Гатти лично инспектировал меня по функционалу медотсека. Тогда я впервые узнала о медпринтерах. В университете нас учили всем азам первой помощи и прикладной хирургии по классическим стандартам медицины, но это... Это что-то невероятное. Что я узнала точно — в «Рассел» разработали технологию добычи чистой воды за счёт выработки ее из какого-то нового источника энергии. Ты кажется видел «дейнотерид» — наш гидробывающий бур, основанный на этой технологии, да весь наш корабль по сути находится на плаву за счет нее.

Я вспомнил странные всполохи синеватой энергии при добыче воды и молча кивнул. Хлоя между тем продолжала:

— Как они получают и находят нужную воду я не имею представления, для меня это схоже с чудесами, хоть моя профессия — в них не верить. Я знаю, что на её основе прямо на корабле создается гель для медпринтеров. В основе всех технологий корпорации «Рассел» лежит именно вода, казалось бы, это логичная тенденция, сформированная из потребностей людей последних десятилетий. Человек состоит из воды, и теория была в том, что чистой вода на Земле может очистить человеческий организм, на уровне клеток, запустив некий процесс их восстановления в организме. Они назвали это банальным словом «детоксикация». Эту процедуру регулярно проходили все на борту, кроме мистера Чу — прежнего повара, Леонса и тебя — вы с техником были новенькими на корабле, и вам пока что не доверяли. Леонса Гатти вообще подозревал в мятежных настроениях.

— Как видишь, не зря! — улыбнулся я, — Скажи, ты тоже проходила эти... процедуры?

— Лишь один раз, когда заступила на службу. Я пришла чуть раньше Леонса. С тех пор я лгала им, что регулярно ложусь в медпринтер, не понимаю, как они не узнали правды.

— Но почему они сразу же доверились тебе? — осведомился я.

— Потому что я приносила клятву медика! — горько воскликнула она. — Они знали, что я не нарушу слова. Представь меня тогда: глупая студентка с горящими глазами прибывшая из университета желая творить добро на благо выживания нашего вида. Я не говорю, что я невиновна, как видишь я сама была соучастником происходящего.

— Не понимаю, — покачал головой я, — ведь клятва медиков не относится к таким преступлениям, это же мутация? То что я ощутил это словно... как будто мой организм трансформировали, улучшили, разве мутация это этично?

— Это не мутация, а лекарство от старения, Джек. Здесь в катаклизме засухи глобального потепления «Рассел» создают лекарство от старения. Добыча воды для города это только сопутствующий фактор. Но проблема в том, что мы, горожане Полиса понятия не имеем об этой технологии, от нас ее скрывают. Я почти наверняка уверена в том, что детоксикацию проходят лишь чиновники комитета и команда «Колодца-1»

— А остальные колодцы?

— Да нет, на других колодцах не проводят подобное, там не работает Роберто Гатти. Команды на других Колодцах менее компетентны, чем наша. Вокруг нашего капитана комитет собрал лучших. И я боюсь представить, сколько лет они продлевали себе жизнь,

работая на нашем корабле. Они добывают чистойшую воду, из которой создают гель, самую грязную жидкость сливают а остатки воды везут горожанам. Полученный таким образом гель комитет продаёт высшим чинам города и затем — другим странам.

— Погоди-погоди! — остановил её я, уже с ужасом догадываясь о том, что сейчас услышу, — Каким другим странам?

— К этому я и веду, Джек. В мире нет катаклизма в таком глобальном ключе, в каком его раздувают здесь, в Полисе. Да, планете и народам живется нелегко, но мы не последний оплот человечества как нам рассказывают всю нашу жизнь в Полисе. Когда ты рождаешься и растешь посреди пустыни, а тебя убеждают в том, что в ней больше нет ничего кроме одичавших бывших стран, увязших в войне голоде и разрухе, а огромные корабли, самоотверженно добывают воду для города ты волей-неволей согласишься. Но страны вполне себе целы. Они просто не обладают такими мощными технологиями как Полис, Сэм Рассел создал настоящий оплот инженерной мысли, мы технически превосходим многих по всем показателям. Комитет продает другим странам медпринтеры, но без геля, который создается лишь у нас, эта технология не будет работать. Это тоже своего рода гарантия того, что Полису не придется ни с кем воевать.

— В любом случае, я никогда не думал пройти через всю пустыню пешком, чтобы доказать, что там есть другие страны. — кивнул ошеломленный я. — Гениальное средство сдерживания. Выходит, что наш город — просто огромная станция для создания этого геля и медпринтеров на продажу? И все эти сказки про конец мира и добычу воды для города — чушь варанья?

— Нет, это не совсем так, — Хлоя нервно поправила очки. — пустыня, в которой находится Полис, и правда невероятно разрослась с прежних времен, и продолжает расширяться. Катаклизм — не миф, а реальная проблема, для решения которой Сэм Рассел действительно создал Полис, заселив его гениальными людьми, но потом что-то пошло не так, к сожалению, я не знаю, что именно.

— Всё пошло не так после его смерти, — подсказал я. — Знаешь, я давно думал об этом, нам с детства прививали патриотизм и уважение к Сэму Расселу и его детищу, но вот к нынешнему комитету такого уважения я не испытывал никогда.

Хлоя только кивнула, соглашаясь с моими мыслями. Я умолк, обдумывая услышанное. Выходит, сотни тысяч горожан Полиса просто водят за нос. Но наверняка же были те, кто пытался связаться с нами извне, или бродяжки из Полиса, пытавшиеся перейти пустыню... Она точно велика, но теперь я знал, что не настолько, как нам рассказывали. Это вселяло надежду. Однако, делам комитета пора было положить конец. Тут-то на сцене и появляется Эйден.

— Честно говоря, — Хлоя утерла слезу, — я уже ненавижу этот «Колодец» всей душой, его команда будто проклята на вечную жизнь, знаешь, как в старых байках моряков, когда еще было море... Вернее, где-то оно еще есть. Сколько они уже живут так, и зачем? Мне страшно представить, в каком состоянии их разум. Каждый день, проведенный среди этих людей на борту корабля, был ужасен!

Она закрыла лицо руками. Хлоя явно была рада наконец выговориться, рассказать кому-то о своей боли, копившейся годами. Вот почему она вела себя так закрыто и отчужденно по сравнению с остальными, когда я заступил на борт. Я встал с пола, и подойдя к девушке мягко погладил ее плечи, вздрагивающие от рыданий. Значит я оказался на борту с командой, почти не сменявшейся десятилетиями, возможно некоторые из них работали на

самого Сэма Рассела двадцать лет назад. Уж Роберто Гатти точно его видел, в этом я не сомневался. Все они регулярно ложились в эти медицинские штуковины, жадно продлевая себе жизнь. Звучало всё это и правда жутковато.

— Значит, все члены команды — искусственные долгожители? — настороженно осведомился я, продолжая осторожно гладить ее плечи, — Прости за любопытство, просто всё это не укладывается в моей голове.

— Ничего страшного, я понимаю твои чувства — Хлоя вновь взяла себя в руки, утирая слезы бумажными платочками. — Я не знаю, сколько им всем лет, Джек. Если честно, я вообще мало что знаю об экипаже, мы мало общались, как ты можешь догадаться. Я поддерживала связь только с Леонсом и мистером Чу, поскольку он был в почтенном возрасте, и не проходил детоксикацию, на борту, я считаю он всё знал, но сознательно отказывался от этой процедуры как и я. Для меня это было показателем и мы с ним неплохо поладили. Долгое время Роберто Гатти спускал старику с рук многое, считался с его мнением, но незадолго до смерти Чу что-то произошло. Они будто бы повздорили с капитаном, и он ходил сам не свой. У меня нет ясности умер ли мистер Чу сам или ему помогли. При осмотре я констатировала у него сердечный приступ, но был ли он спровоцированным я не знаю. Что-то подсказывает мне, что с возможностями корпорации они вполне могли припасти в рукаве парочку незнакомых медицине ядов, не оставляющих следов. В общем скорее всего наш мистер Чу был убит. Тогда у меня появились первые мысли о том, что нужно что-то делать.

— И тут появился Эйден? — уточнил я, подкатив второе кресло и устроившись в нем напротив девушки.

— Сначала, ещё до Эйдена, когда умер Чу я сильно пала духом, боялась вообще что либо предпринимать, но потом на борт прибыл ты. Я видела, как к тебе приставили Макса для слежки. Так я смогла понять, что ты, как и Леонс, еще не посвящен во все дела нашего корабля. Но капитан явно считал тебя лояльнее младшего техника, я думаю, что твое «посвящение» прошло бы быстрее и тебе не пришлось бы ждать годами, как твоему другу.

— Для этого Гатти придумал истории со статьями. — я выругался, хлопнув по колену, — в качестве предлога для того чтобы подвести меня ближе к секретам корабля! Никуда бы эти статьи не пошли, какой же я кретин, «Рассел» никогда ничего и не рассказывал бы горожанам Полиса, они живут совершенно обособленно друг от друга. Почему я вообще надеялся, что может получиться хоть что-то выпустить? Но почему он так носился со мной? Я же не имею никакой ценности.

— Ты верный и добрый, он сразу подмечает в людях нужные ему качества и собирает их вокруг себя. Зачем ему это — я могу только догадываться. Ему нужна была кандидатура для замены мистера Чу, а лояльность требуется как минимум для сохранения корпоратской тайны. В общем, с твоим появлением я смогла прийти в себя: теперь я знала что кроме меня и Леонса на борту есть хотя бы ещё один человек, который не вовлечен во все эти интриги. У меня появились силы действовать и вот тогда-то со мной и связался Эйден.

— Кто он такой? — задал я пожалуй самый волнующий вопрос из всех в моей копилке. — Он является лидером сопротивления Полиса? Как же он смог связаться с тобой?

— Он написал мне со своего голокомма. — Она показала браслет, лежавший у неё на столике. Видимо Хлоя вернула его, когда корабль захватили повстанцы.

— Но это невозможно. Наши голокоммы привязаны к внутренним сетям «Рассел». — воскликнул я и меня вновь осенила догадка, — только если он не...

— Да, все верно, Джек. Ты наверняка помнишь печальную историю «Колодца-3», запечатанного после захвата рейдерами?

— Да, конечно я помню. — я слышал эту историю будучи на борту, но в Полисе правящий комитет тактично умалчивал о причинах исчезновения корабля, а горожане не требовали от него ответов. Как известно всем и каждому:

— Не лезь в дела комитета...

— ...И комитет не полезет в твои. Эйден был помощником капитана на борту «Колодца-3». Я увидела в голококке его настоящее имя — Божур Зекавица.

— Чудное имя, почти как у нашего техника — Николай.

— Его предки почти из тех же краёв — восточная Европа, я думаю. Я кое-что смогла узнать за это время. Его отец — Милан Зекавица — был одним из ведущих учёных, он возглавлял команду инженеров, проектировавших колодцы при Сэме Расселе. Эйден организовал повстанческую сеть, провёл мятежников на корабль и после захвата «Колодца-3» запечатал его изнутри. Комитет «Рассел» подумал, что корабль сгинул и не стал утруждаться выяснениями обстоятельств, предпочтя не давать всплывать этой теме. Они провели чистку по всей пустыне, уничтожая рейдеров, и бродяг, на самом деле не имевших к этой истории ни малейшего отношения. Так «Колодец-3» стал оплотом повстанческого движения. Связавшись со мной, Божур-Эйден предложил мне помочь ему проникнуть на наш корабль, чтобы вырвать его из рук корпорации, это была часть его плана, я конечно же согласилась без раздумий, у меня было достаточно времени на службе чтобы всё взвесить и решить, я лишь ждала нужного момента.

— Но ведь всё общение по голококкем отследивается? Как же тебя не раскрыли?

— Я думаю бывший помощник капитана «колодца» знает, как обойти эти системы. — улыбнулась Хлоя.

Я представил себе, как наш помощник капитана Гордон Флорес ведёт подрывную деятельность и организывает повстанческие ячейки. Получалось из рук вон плохо. Я задумчиво озвучил свои выводы:

— Что же могло толкнуть помощника капитана на подобное?

Хлоя лишь пожала плечами:

— Я не знаю, что конкретно случилось, но я уверена в том, что у Божура есть свои счета с Роберто Гатти. Хочешь чаю? — она поднялась с кресла, направившись к маленькой обеденной стойке и включила смешной круглый чайник. — Тебе нужно набросить что-нибудь, у меня есть кое-какая форма для пациентов, сейчас, подожди.

Я, на секунду расслабившись, улыбнулся:

— Да, не откажусь.

Мы заварили чай и после я переоделся в удобные штаны и футболку, напоминающие пижаму. Новые вещи приятно облегли мою обновленную кожу, я чувствовал себя прекрасно. Интересно, сколько же лет я скинул в этой шкуровке? Трудно представить, насколько большая нужна сила воли, чтобы побороть искушение использовать эту технологию, когда ты владеешь ею. Подумав так, я проникся еще большим уважением к Хлое и ее принципам. Мы с ней снова расселись по креслам за чашечкой чая. Немного помолчали, наслаждаясь моментом. Спустя несколько минут, она продолжила свой рассказ:

— Дальше всё было организовано самим Божуром. Он имел довольно высокий уровень доступа к нашей локальной сети «Рассел», почему-то его не обнулили после того, как Божур исчез, наверное кто-то недосмотрел, корпорация всё-таки большая. Он знал, где мы будем

останавливаться для добычи воды и спрятался там, притворившись одним из аборигенов, которого избрали для жертвоприношения. Так ему удалось попасть к нам на борт. А потом, выждав удобного момента мы с ним прощмыгнули в секретный отсек, спрятавшись там. Потом, когда наступило время он открыл шлюз повстанцам так они и смогли захватить корабль. Я довольно долго пробыла рядом с Божуром, чтобы понять, что он преследует сугубо свои цели, он не заинтересован в судьбе Полиса. Он собрал вокруг себя портовых рабочих, бедняков с нижних уровней, деятелей которым не все равно и все они объединились вокруг этого человека с целью свергнуть комитет, но вот сам Эйден он не выглядит вовлеченным в их дело. Он напоминает мне скорее человека, одержимого мстостью. Я стараюсь не обсуждать это с его сторонниками, они по моему либо сами все понимают, либо слепо идут за своим лидером, доверяясь ему без колебаний. Так или иначе, все понимают, какую важную роль играет этот человек, исчезнувший с радаров «Рассел» но имеющий доступ к их данным и кораблям. К тому же у него есть четкий план действий. Лидера для повстанцев лучше я просто и представить не могу.

Картинка начала складываться. Но у меня было еще множество вопросов:

— Что же случилось с командой? И где сейчас бывший капитан?

— Когда Божур выбрался из секретно отсека и открыл шлюзы повстанцами полиса начался штурм корабля. Роберто Гатти удалось сбежать, Чарли погиб во время перестрелки он был смертельно ранен на капитанском мостике, я пыталась ему помочь, но безрезультатно. Остальные, насколько я знаю, взяты в плен и заключены под замком где-то на «Колодце».

Понятно, Роберто сбежал. Наконец, пор было узнать самое важное:

— Что было в том отсеке, Хлоя? — спросил я. — Что ты там видела?

Она ответила не сразу, взгляд ее изумрудных глаз внезапно стал другим. Задумчиво сделав большой глоток чая она посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

— Я видела Селену, Джек. В том отсеке где мы укрылись с Эйденем и куда вы чуть не вломились Роберто Гатти спрятал саркофаг, какое-то древнее устройство, оно напоминает медкапсулу, я бы сказала первый ее прототип. В нём спит девушка... Это даже сном назвать трудно. Судя по тому, что мельком рассказал Эйден наши ученые и Роберто пытались пробудить остатки ее разума, выдав нам его за ИИ, Селену. Но её мозг... я думаю он был поврежден, по крайней мере сейчас его снова погрузили в сон.

Девушка. Так наш ИИ оказался вовсе не искусственным супер-мозгом. В его основе лежит вполне живой, человеческий. Чем больше я узнавал, тем больше мне казалось седых волос я насчитаю у зеркала этим вечером.

— Её зовут не Селена. — мой голос слегка охрип, я тоже глотнул чая, чтобы немножко успокоить нервы. Честно говоря, глотнуть хотелось чегонибудь покрепче. — Имя дал ей я.

Я вкратце рассказал Хлое историю ночного разговора с Селеной, когда я случайно дал ей имя, которым она и назвалась.

— Бедняжка! — всплеснула руками Хлоя — она даже не помнит своё имя! Что же они сделали с ней... получается, ты ей понравился! — она улыбнулась, но улыбка лишь на миг коснулась её тонких губ, она вновь печально опустила голову:

— Когда вы с Леонсом сидели в карцере она закатывала Роберто Гатти настоящие истерики. Требовала выпустить вас, иногда даже угрожала. А со временем стала все меньше и меньше проявлять активность. Каким бы ни было ее имя, эта девушка провела в саркофаге уже очень много лет. Я не знаю, кем она приходится Роберто, но он явно хотел сохранить ей

жизнь как можно дольше. Но судя по тому, что я видела, очень сомневаюсь, что это можно назвать жизнью.

— А я всё думал, почему же она такая живая, настоящая, ну прямо как человек! И всё же, она явно была ограничена в своих воспоминаниях. Зачем Гатти так с ней поступил? Неужели все ИИ сконструированы таким варварским способом? — Изумился я.

Хлоя лишь пожала плечами:

— Уверена, ответы есть у Божура. Я не решилась спрашивать. У меня сложилось впечатление, что от человека в саркофаге мало что осталось. Они будто использовали ее мозг... зачем-то.

Божур в жизни мне ничего не расскажет. Но я должен буду попытаться узнать хотя бы что-то. Судьба этой несчастной девушки была мне небезразлична. Она лежит там, в своём саркофаге, в глубинах корабля... сколько? Десятилетия? От одной только мысли меня пробирали мурашки. Если бы мы с Леонсом открыли ту дверь Роберто и его подчиненные убили бы нас на месте. Ещё и Эйдена с Хлоей в придачу, спрятавшихся внутри. Как же нам повезло, что нас застукали чуть раньше, чем мы вскрыли проклятую дверь.

Пока что кое-что оставалось неясным, но в целом я смог разобраться. Я решил больше не доставать Хлою вопросами:

— Я думаю, мне хватит на сегодня. Даже после медпринтера переваривать всё это просто нереально. Давай поговорим о чёмнибудь... нормальном. — я нервно улыбнулся, подливая себе еще чая.

Хлоя понимающе мне кивнула, тоже испытывая облегчение. Мы ещё некоторое время пили чай, болтали о том о сём, просто наслаждаясь свободным вечером и обществом друг друга. Хлоя рассказывала в основном, конечно же, о работе. Работы у неё было много: после захвата “колодца” не раненых бойцов сопротивления можно было сосчитать по пальцам. Чарли фактически умер в медотсеке, у неё на руках, так и не придя в сознание. Не знаю, хотел ли я вообще встречаться с прежней командой после всего, что узнал. Все они знали про саркофаг, в этом не было сомнений. Знали, и всё равно были лояльны к капитану и корпорации. Но несмотря даже на столь щепетильный подбор персонала капитан допустил на корабле целую троицу враждебных комитету бунтовщиков!

— Скажи, почему ты решил работать на «Колодце»? — вдруг спросила Хлоя.

Я замялся, не зная, сказать правду или приукрасить. Помедлив, я решил сказать ей как есть:

— Так просто было проще. Руководить кухней на верхних уровнях это очень стрессовое дело, я быстро вымотался. Уволившись, я выставил резюме и даже не искал работу. Откликнуться на письмо Роберто Гатти было проще всего. В начале я придумывал себе всякую чепуху, ну там знаешь, я это делаю чтобы помогать простым людям, а не ублажать комитетских холуев, но теперь я понимаю что мне в сущности было плевать я просто устал и мне нужно было отдохнуть вот я и пошел по легкому пути.

Хлоя хихикнула, откинувшись в кресле:

— И как, отдохнул?

Я только ухмыльнулся в ответ и задал встречный вопрос:

— А ты планировала строить свою карьеру дальше?

— Я хотела, разумеется, — она тяжело вздохнула, отставив в сторону опустевшую чашку — думала, что Полис будет развиваться и появится еще куда расти. Но с тех пор, как я здесь, стало ясно, что ни о каком развитии города не может быть и речи, пока всем заправляет

шайка Дамира́на.

— Советника Дамира́на? — зачем-то уточнил я.

Да. — она кивнула, с грустью оглядев свой рабочий отсек.

— Не переживай, я думаю, что теперь все изменится к лучшему. И всё благодаря тебе. Знаешь, пока я торчал в карцере я много думал, может вообще свалить из Полиса, если мы переживем все это? Ладно, — я поднялся, поставив чашку на столик, — уже поздновато, наверное, мне пора, спасибо тебе за все. С меня ужин!

— Хорошо, береги себя, Джек.

Распрощавшись с Хлоей я вышел из медотсека, подводя итоги. Теперь я знал, что корабль отбит у комитета равнодушными гражданами Полиса. Возглавлял их правда тип, совсем не вовлеченный в их дело революции, но зато хорошо разбирающийся во внутреннем устройстве корпорации «Рассел». Я уверен, что знает он куда больше, чем Хлоя. Более-менее разобравшись, что к чему, я задался вопросом: останусь ли я работать на борту поваром? Собственно, почему бы и нет? Не думаю, что у меня есть выбор, да и в Полисе судя по всему мне небезопасно: если Роберто Гатти отловит меня в городе меня ждет суд, а то и мгновенная расправа за измену, кто знает? Здесь мой лучший друг, и девушка, в которую я, похоже, безнадежно влюбился. Они живы и с ними обходятся уважительно, как и со мной кстати. А комитет получает по заслугам. Не вижу ничего плохого в том, чтобы внести свой скромный вклад в дело сопротивления. Может в этом и был замысел Эйдена — разбудить во мне совесть чтобы я остался и кормил его парней? Да ну, ты слишком большого мнения о себе, Джек. Ему совершенно все равно, какое решение ты примешь. Он просто даёт шанс, а что ты выберешь ему наплевать. Я ухмыльнулся, подумав: «мой контракт оплачен до конца года, почему бы мне не поработать?»

Глава 11 Когда откроется занавес

На утро после обработки медпринтером, всё мое тело припухло и словно покрылось росой, я быстро смыл выделившиеся из организма остатки геля в душе и энергично собравшись, отправился в столовую. Мои следующие несколько дней были потрачены на возвращение в строй. Работы было много: пока комитет и сопротивление вели разборки, а я торчал в карцере моё сырьё стояло на камбузе, так никем и не расфасованное. Процесс разбора контейнеров с едой затянулся из-за отсутствия голокомма под рукой. Без браслета со всеми данными по сырью, приходилось всё записывать и пересчитывать заново вручную. Кухня тоже оказалась в удручающем состоянии, пыли откуда-то намело столько, что мой передник мигом побурел. К счастью, повстанцы притащили с собой на борт ботов, поэтому мне не пришлось ещё и чистить всю кухню, за меня это делал боевой бот, наподобие того, что охранял секретный отсек. Я же в это время спокойно завтракал и составлял план по актуальному меню столовой. Я усмехнулся, глядя на то, как железяка чистит пол: видел бы Гатти, что на его корабле хозяйничают боты!

Голодных ртов тоже стало больше. Результаты подсчетов были неутешительные: запасы провизии были рассчитаны на экипаж корабля, а не на многочисленную ватагу нового капитана «колодца» — Эйдена. Продукты стояли не разобранными уже давно, ведь я сидел в камере а прежнему капитану явно было не до поиска счастливого кандидата на место кока «Колодца-1». Макс, судя по всему тоже сразу же вероломно бросил играть свою роль «помощника повара», как только меня упекли в карцер. «Скатертью дорожка» — процедил я сквозь зубы. В итоге часть ящиков, которые не успели затащить в холодильные камеры и бросили на камбузе, оказались с испортившимся продуктами, их пришлось утилизировать в специальном отсеке переработки.

Команда в два раза превышала предыдущую, если верить Джоэлу теперь нас было чуть больше тридцати человек, не считая девяти членов прежнего экипажа, находившихся в плену на борту. Хорошо, что они сидели на пайках, людей на корабле и так было слишком много, кормежку всех сорока человек разом я бы не потянул. Но всё равно, такими темпами еды у нас оставалось примерно на пару недель, о чём я и сообщил Эйдену. Тот выслушал мой доклад молча, и затем сказал:

— Нам этого будет более чем достаточно. Пока на корабле есть продукты — корми людей как следует. Как только еда закончится мы перейдём на пайки, но до этого вряд ли дойдёт. — равнодушно бросил Эйден и выразительно взглянул на меня, давая понять, что разговор окончен.

Я кивнул и отправился выполнять распоряжения нового капитана. Все следующие дни стремительно полетели одни за другим, сливаясь в привычную рутину. Я потел на кухне, позабыв обо всём: революция — революцией, а обед по расписанию. Парни у Эйдена были здоровяками что надо, ели за двоих, а то и за троих... Чан овсяной каши с фруктами исчезал за минуты, супы и выпечка уплетались повстанцами в течении обеда молниеносно. В первые дни, когда я вновь начал готовить, в столовой царил настоящий хаос: люди, дорвавшиеся до невероятно вкусной пищи после синтетики Полиса, приходили сразу всем скопом. Тридцать человек вламывалось в столовую, места частенько не хватало настолько, что кому-то из команды даже приходилось есть стоя. В течение недели ребята определились и стали приходить на завтраки и обеды организованными посменными группами, чтобы всем

хватало места. Многие из них вообще были людьми весёлыми, добродушными и отзывчивыми. Часто бывало, что кто-нибудь из них помогал с уборкой зала, каждый раз у посудомойки были разные лица, и всем им я был искренне благодарен, подкидывая моим помощникам дополнительной еды с собой. Если же все сильно уставало от работы и не находилось добровольца на уборку — ребята, виновато потупившись, пригоняли мне бота. Так или иначе, работа шла своим чередом, мы помогали друг другу, и на корабле воцарилась совершенно другая атмосфера. Я тоже частенько привлекался к дополнительным простеньким работам, то помогая остальным разгружать материалы, то просто сменял дежурных в патруле, давая им блаженные минуты отдыха. Мы даже вновь начали варить кофе — среди команды нашлась девушка по имени Руби, у которой дома была (своя!) кофемашина, и она без труда смогла управиться с нашей. Я всегда был невероятно счастлив вывалившись с пропаренной кухни застать её у кофемолки и заказать свежего кофею. Моё счастье стало безграничным, когда она начала приносить мне кофе сама. Так, я потихоньку привыкал к ребятам, а они в свою очередь привыкали ко мне. Их было по настоящему много на корабле из всего экипажа, я запомнил только Руби, помощника Джоэла, его брата Джеффа и ещё парочку ребят. Я старался как мог, балуя их скрэмблами, пастами, салатами, мясными и овощными стейками с грибной подливкой. Я наблюдал в столовой их ошарашенные от увиденных шедевров кулинарии лица, и испытывал что-то вроде стыда. В моих холодильниках можно было найти такую снедь, которую эта разношерстная компания никогда в своей жизни не пробовала. Но теперь они брали в руки, ну, точнее в ложки то, что должно было принадлежать всем жителям Полиса по праву рождения, и наслаждались трофеями. Я был рад предоставить им такую возможность, просто делая свою работу. Однако каждый день я стремился привнести что-то новое в рацион, насколько это позволяли мои скудные запасы бездонных холодильников. Что самое интересное: я чувствовал куда меньше усталости после смен, чем раньше, хотя кормил я в два раза больше народу, работая практически один. Всё-таки обработка в медпринтере здорово пошла на пользу моему организму, но ложиться туда снова мне, впрочем, не хотелось. Всего должно быть в меру, иначе станешь ненормальным, как прежний капитан. Удивительно, насколько оказалась обманчива благородная внешность Роберто Гатти. До сих пор не могу поверить, что он засунул девушку в медкапсулу и держал там её десятилетиями, пусть даже чтобы сохранить ей жизнь. От осознания того, что она, похоже, до сих пор спит там, в тёмных глубинах колодца меня бросало в дрожь. Размышляя над этим я грустно улыбнулся, усердно протирая столешницу камбуза в тёплый вечер одной из моих насыщенных смен.

— О чём задумался, ami? Три давай-ка усерднее, вон, пятнышко пропустил! — на пороге неожиданно возник Леонс, с довольной физиономией наблюдая за моей уборкой. С тех пор, как к власти на корабле пришли повстанцы, я рукой махнул на правила санитарии — все ходили по кухне как у себя дома. Все-таки у этих ребят все было несколько хаотично, но еду никто не таскал, а те, кто пробовал — получал по рукам огромной поварской лопаткой. Среди этих свободных граждан Полиса Леонс явно был в своей стихии.

— Привет, Леонс. — я обрадовался другу, — Могу и тебе тряпку выдать, хочешь?

— Ну уж, нет, спасибо. — отмахнулся француз, — вообще не понимаю, почему ты бота не припахиваешь для таких дел? Что за радость самому ковыряться, у тебя и так работы много.

Я умыл руки, и сняв передник, виновато улыбнулся, протягивая руку в приветствии:

— Привычка. У меня остались кексы, хочешь парочку? Кофе есть только из турки, к

сожалению...

— ...Ну, в общем, как-то так. — рассказывал мне Леонс чуть позже, когда мы с кофе и кексами сели за столик у закрытых броней окон столовой, — После того, как меня освободили я успел увидеть нашу команду. До того, как их увели, ох и злые они были, amí! Но я был не добрее. Я высказал à cet idiot Стиву всё, что я о нем думал. И остальным тоже. Забудь про них, Джек, они наглухо отбитые кретины! — никогда еще я не видел Леонса таким злым. Желваки на его красивом лице буквально ходили ходуном. Но, отряхнувшись от свежих воспоминаний, он добродушно спросил:

— А как проходят твои первые дни здесь? Уже нашёл себе девушку получше? — он разошелся самой сладкой улыбкой, заставившей меня рассмеяться в ответ:

— Какие девушки, Леонс, видел бы ты, что творилось на кухне, когда я снова заступил на пост кока в новом составе!

Техник отмахнулся:

— Я в тебе не сомневался, Джек, ты неисправимый трудоголик.

— Тысяча бурь! — вспомнил я, стукнув себя по лбу — я ведь обещал ужин Хлое!

— У-у-у, так вот куда твоё сердце смотрит! — Оживился мой друг, — И давно ты свои чувства к ней лелеешь?

— Если честно, почти с тех пор, как впервые её увидел. — покраснел я.

Леонс, явно не ожидавший от меня такой откровенности, расхохотался:

— Ну ты даешь, amí! Ты настолько не делал шагов в её сторону, даже не смотрел на неё! Я и не учуял твоих вздыханий. В тихом зыбуне монстры водятся. Тебе нужно немедленно наверстывать упущенное, господь тебе десятый шанс посылает. — засмеялся француз.

— Мне добраться еще до медблока надо. — проворчал я, смущённо улыбаясь, — вернувшись к работе, я сразу вспомнил, почему выпадал из жизни постоянно. А кормить теперь приходится в два раза больше народу!

— Зато мы с тобой теперь на верном пути. — Леонс похлопал меня по плечу, — И все-таки поменьше бы тебе уборками заниматься, Джек. Подумай насчёт ботов, пусть тебе выделяют одного на постоянку.

— Да, мне ребята притаскивают их время от времени. Вижу, тебе происходящее по душе. — Я был искренне рад за друга.

— Шутишь? Я впервые за много лет чувствую себя на своем месте! — в глазах Леонса и правда горел огонь. — Ситуация у нас, правда, так себе.

— Знаешь, я тоже что-то почувствовал. — я разделял чувства моего друга, и увидев его вопросительный взгляд, пустился в объяснения:

— Я шёл на корабль, движимый желанием как-то помочь простым людям, рабочим Полиса. Теперь я кормлю их напрямую, так что можно сказать, у Эйдена я тоже оказался на нужном месте.

— Да, точно! Хорошо, что мы здесь, mon amí. А вся эта чепуха, которой меня пичкали в университете о нашем моральном долге перед Полисом меня не прельщала с самого начала. По мне, так это они задолжали моим предкам, строившим этот корабль! А уж после всего, что мы узнали...

— Ты знаешь, что в том отсеке? — тихо спросил я.

Он посерьезнел:

— Да, Джек, Хлоя мне тоже все рассказала, мы с тобой едва не накидали песку на самое важное событие для всего Полиса. А почему, по твоему, я дерьмом поливаю Стива и

остальных? batards malades! — он не на шутку рассердился.

— Ты знаешь, кто эта девушка в саркофаге? — спросил я, — за все время на борту, я настолько был весь в работе, что до сих пор ничего не узнал, ни о Селене, ни о событиях в Полисе. А ребята держат языки за зубами.

— Нет, я не знаю, кто такая эта Селена. Но она явно небезразлична капитану. Может любовница? — француз задумчиво запустил руки в аккуратную челку, — Или дочь? Слушай, с такими разрывами в их продолжительности жизни, она может быть ему хоть мамой. Сколько лет Роберто Гатти в итоге, сто? Бессмысленно гадать, на самом деле. Ты что, Джек, серьезно до сих пор не в курсе, что происходит в Полисе?

— Ну, я же не политик, я просто повар, — обиделся я — ребята передо мной не отчитываются и доступа к информации у меня нет.

Ну, в данный момент мы с тобой и есть в Полисе, Джек. «Колодец-1» завис над портом и находится под блокадой остальных «Колодцев» и боевых крейсеров комитета. — будничным тоном сообщил Леонс, явно предвкушая мою реакцию.

Я не стал его разочаровывать, вытаращив глаза и покосившись на закрытые ставни:

— Какого дьявола, Леонс? Мы все-таки висим над Полисом? Я конечно знал, что мы здесь, но надеялся, что мы смогли убраться подальше! Но почему? Как нас до сих пор не взорвали?

— Точно я тебе сказать не могу, — пожал плечами мой друг, — но наверняка на то есть причины. Я бы предположил, что комитет боится, что Эйден успеет разнести башню, а вместе с ней и весь город, перед тем как нашу старушку собьют. Расслабься, амі, видел бы ты свое лицо, серее кителя!

— Умеешь ты подбодрить! — я нервно отпил кофе, который успел сварить в старенькой турке. — Что в голове у Эйдена?

— Слушай, я не понимаю, какой у этого парня план, но судя по тому, чем я с остальными инженерами занимаюсь в машинных отделениях корабля могу тебе сказать, Джек, мы точно стоим на пороге чего-то грандиозного. — Леонс взял эффектную паузу, сделав большой глоток кофе.

— Ну, Леонс, не томи, что вы там делаете? — не удержался я, ерзая на стуле как перекаати-поле. Он только этого и ждал, с улыбкой продолжив:

— Мы готовим все энергоносители корабля к большой нагрузке, небывалые показатели, амі, я такого в жизни не видел. С какой целью — неизвестно, но Эйден точно не собирается воевать: боевые системы поддерживаются еле-еле, думаю для возможной обороны корабля. Я заглядывал в новости Полиса, не спрашивай, как я это сделал, я знаю пару фокусов. Так вот, в городе растёт напряжение, люди бастуют, корпораты «Рассел» разгоняют митинги с применением оружия. Не сегодня так завтра в Полисе может начаться стычка, тогда нас точно ждет боевое столкновение с другими колодцами и военным флотом. Если конечно Эйден что-то не придумает.

— Я хочу расспросить его насчет той девушки из саркофага. Что они собираются с ней делать?

— У меня есть мысли на этот счёт. — Леонс хитро улыбнулся, — мы можем узнать обо всём у наших бывших коллег. Правда, понять бы сначала, где они свои задницы прохлаждают...

— И каким образом, по твоему, мы к ним попадем? — осведомился я, поглощая кекс, — Ты, может, полноправный член команды, а я? Мне вроде ясно дали понять, что я здесь хожу

от каюты до кухни и обратно.

— Кто тебе сказал такую чепуху? Давай-ка не выдумывай, братишка! — на пороге кухни возник Джоэл в сопровождении еще нескольких повстанцев, поглаживая аккуратную бороду, он принялся, — Кофейку еще не осталось?

— Привет, возьми вон там! — Леонс указал на турку у плиты в недрах кухни. Ребята принялись хватать пайки из автоматов, а Джоэл прошествовал к плите, захватив по пути чашку с барной стойки и налил себе кофе, едва не мурча:

— Да, замечательный у вас здесь кофе, просто не нарадуешься. Напиток богов, не иначе! Не то, что эта бурда в Полисе. Ещё немного и у меня кишки бы свернулись от этого сраного «Coffhit»! Долбанные корпорации кормят нас всякой дрянью... о, это у вас тут кексы!? — старпом с вожделием протянул руку к тарелке, — Можно?

— Конечно, бери. — я устало придвинул подсевшему Джоэлу тарелку, остальные ребята, пришедшие с ним в столовую, маленькой группкой устроились в другом углу. Мы немного помолчали, давая повстанцу прожевать кусок кекса, затем, аккуратно утерев усы от крошек салфеткой, он сказал мне:

— Ты может ещё не понял, Джек, но ты — сбежавший из корпоратской тюрьмы заключённый, — и теперь один из нас. Поскольку Эйден дал добро на твою работу, то ты волен делать что вздумается, в пределах разумного, конечно.

— Но Эйден заявил, что я его трофей... — запротестовал было я.

— Трофей! — фыркнул в ответ Джоэл, обмакнув пышные усы в кофе, — Эйден говорит одно, а подразумевает совершенно другое. Ну конечно ты и твой камбуз — его трофей, мы давно так хорошо не набивали брюхо. Давно, — не то слово, — никогда, боже милостивый, мы так славно не кушали! Но это не значит, что ты по-прежнему пленник. Как и твой друг. — с этими словами он похлопал Леонса по плечу.

— Раз такое дело, то может мне не нужно идти к бывшему экипажу? — с надеждой спросил я. От мысли о встрече с ними меня бросало в дрожь. Я категорически не хотел их видеть, после всего, что узнал.

— Ты можешь попробовать выведать информацию у Эйдена. — предложил Леонс.

— Я удивлён, что ты сам до сих пор ничего у него не узнал! — взвился я, — Леонс, если ты чего-то не знаешь, то я не узнаю и подавно!

— Тут я бы поспорил, твоя кандидатура больше подходит для такого диалога.

— Ты так считаешь? — искренне удивился я. Джоэл меж тем насмешливо наблюдал за нашей перепалкой, с наслаждением смакуя кофе.

— Да, я так считаю, amī. — Леонс был абсолютно серьезен, — я советую тебе взять себя в руки, и вспомнить, наконец, сколько внимания уделял тебе Роберто Гатти, думаешь, это не интересуется Эйдена? К тому же, ты ведешь бортовой журнал на нашем корабле. Не оставляй его пылиться в углу, этот дневник пригодится людям для изучения ситуации после свержения комитета.

— С каких пор тебя стала волновать политика? — искренне возмутился я, — тебе только юбку найти, за которой погнаться!

— С тех пор, как в ней стали проследиваться положительные изменения! — с хитрой улыбкой парировал Леонс.

— Туше! То есть пара слов от бывшего капитана в мой адрес и пара записулечек в бортовом журнале, по твоему расположат ко мне Эйдена? — Я продолжал раздраженно упираться, в глубине души понимая, что мой друг, возможно, был прав. Я действительно

собрал в своем дневнике немало материалов о колодце, и если Эйден раскроет всю правду, то у меня есть все шансы из первых рук представить книгу, которая станет новой главой истории Полиса! Да что там Полиса, — всего цивилизованного мира! Я крепко задумался над этим, а хитрый Леонс, увидев, что попал в цель, даже не стал отвечать на мой последний выпад, допивая кофе с видом победителя. Затянувшееся молчание прервал Джоэл:

— Ты славный малый, вот что я скажу, Джек. Я вижу, как ты тут суетишься и усердно кормишь моих ребят. Я передам Эйдену, что ты хочешь узнать его историю, замолвлю за тебя словечко. Джинн его знает, может он и разоткровенничается с тобой, если ты объяснишь ему что и как. Но он даже мне ничего не рассказывает, а ведь я — его помощник, тысяча бурь!

— Спасибо, Джоэл. — Поблагодарил я, поднимаясь со стула, — Пойду, наверное, к себе. Как вы думаете, что с нами будет дальше?

— Дальше либо мы, либо комитет. — Уверенно ответил Джоэл.

— Все будет хорошо, не волнуйся, топ ами. — Леонс ободряюще улыбнулся мне.

Я кивнул в ответ, и отправился к себе в каюту.

День спешил сменить предыдущий, я работал на камбузе не покладая рук продолжая радовать команду «Колодца-1» сытными завтраками. Прожаривая тридцать омлетов по утрам, я размышлял о блокаде нашего корабля, о том, в каком положении мы все находимся сейчас. Не думать о том, что ты висишь над мегаполисом в окружении агрессивно настроенных военных крейсеров комитета было просто невозможно. Не представляю, каково было участникам сопротивления, которые всё это время были в курсе происходящего. Как они справлялись с этим знанием? Нервы у всех явно были на пределе. Лично я занялся наконец обещанным Хлое ужином. Покопавшись по сусекам, я в течение часа оформил несколько кухонных творений, с удовольствием предвкушая, как она будет рада неожиданному угощению. Ведь я опять исчез из поля ее зрения на много дней, а ужин мы планировали уже больше недели назад! Если всё тонет в зыбунах, то и Эйден подождет, сперва мне нужно было навестить Хлою. Я немного перестарался с количеством еды, поэтому вместо обычного подноса небольшого дрона, они вместительные и левитируют в воздухе самостоятельно, следуя за своим владельцем. Это позволяет не таскать всё на своём горбу. Водрузив на дрона поднос со всеми тарелками и салатницами, я осмотрел камбуз камбуз и поспешил в медблок.

Хлоя? — через пару минут я уже осторожно постучался в медотсек, прислушавшись к шуму внутри.

— Джек, это ты? Заходи!

Я нажал на панель и дверь с шумом открылась и мы оказались с ней лицом к лицу. В ноздри ударил уже привычный запах медикаментов. Я улыбнулся ей:

— Надеюсь, что ты не занята, я немного задержался с ужином, но вот, я здесь!

— Совсем чуть-чуть! — рассмеялась она, уступая мне дорогу. — Ну да. Прошла ведь уже неделя, Джек, ты там опять калечишь себя на кухне, работая до изнеможения?

— Ну, в этот раз обещаю обойтись без потерянных пальцев и отсидок в тюрьме! — улыбнулся я, перешагивая через порог, и театрально демонстрируя ей летящий за мной дрон с подносом, — Прошу, надеюсь, у тебя нет аллергии на рыбу.

— Ну ты и расстарался. — она всплеснула руками — Предупредил бы хоть, что придёшь, я бы переделалась.

— Так а как тебя предупредить, голокомма у меня больше нет, только если записки

писать. — рассмеялся я, мельком оглядев ее. Она как обычно была в своей рабочей бело-зелёной форме, но даже в таком костюме она казалась мне неотразимой, как всегда. А вот я в мешковатых поварских штанах и кителе, наверное выглядел забавно. Я покраснел от этих мыслей. Она не заметила мою заминку, с досадой качая головой:

— Да, без голокоммов — как без рук! Мой валяется без дела, даже включить его не могу — Эйден запретил.

— Ты не поверишь, но я недавно подумал точно так же! Без браслета было очень тяжело, когда пришлось пересчитывать все наши запасы. — пожаловался я.

— Ничего удивительного, привыкли — без них никуда. — она вдруг засуетилась, — Ну, ты располагайся, я достану кое-что к столу из моих запасов.

Я сдвинул кресла приемной части медотсека, водрузив на столик между ними поднос с ужином и принялся разгерметизировать контейнеры с едой, накрывая тарелки — я и посуду с собой принёс.

— Вот! — Хлоя не без гордости поставила на стол бутылку вина. Увидев мой удивленный взгляд, она рассмеялась, — Должно быть и что-то хорошее, пока браслетов и слежки нет. На алкогольные бирки теперь тоже не смотрят, вот я и стащила бутылочку. У Роберто Гатти оказался солидный запас вина.

— Вот как. — я понимающе кивнул, маленькими щипцами раскладывая из термоконтейнера горячую пасту по тарелкам, — Да, за какой-то месяц все чертовски изменилось.

— Жаль, конечно, красное полусладкое к рыбе... — Она с сожалением взглянула на бутылку а потом на креветки в сливочном соусе, которые я старательно выуживал из бокса, равномерно распределяя их по тарелкам.

— А вы, я смотрю, гурман! В Полисе рассказала бы, какое вино к чему хорошо пить. — рассмеялся я.

— Ох Джек, я надеюсь скоро все горожане получают много и вина и рыбы к нему и веселья, — мечтательно вздохнула Хлоя, присаживаясь в кресло. Вдруг она снова встрепенулась, — ах, штопор?

— Я принесу. — я вскочил, передавая ей тарелку с её порцией, — Помнишь, где он лежит?

Да, конечно. — ее белая рука с ярко красным маникюром указала на дальние ящики медотсека, — вон там, крайний нижний ящик. Там, на одной из полок должен быть штопор. Да, этот, верно.

Вскоре я вернулся в кресло, поигрывая трофейным штопором в предвкушении:

— Знаешь, я сто лет не пил вино!

— Ещё бы, у нас не так и много виноградников в округе. — Как-то печально улыбнулась девушка, — бокалов на такой случай у меня нет, так что будем из чашек, как на нижних уровнях.

Я открыл бутылку, и мы с удовольствием вдохнули кисло-сладкий винный дух. Хлоя зажмурилась от предвкушения. Затем, я осторожно разлил насыщенно-багровый напиток по смешным разноцветным чашкам, найденным в отсеке.

— Как на нижних уровнях! — повторил я уже в качестве тоста и чокнувшись чашками, мы пригубили вино. На миг в медотсеке воцарилась тишина, мы наслаждались невероятным вкусом столь редкого алкогольного напитка.

— Тысяча бурь! это изумительно! — восторженно воскликнул я, спасибо, Хлоя!

— Тебе спасибо за вкусный ужин, Джек. Приятного аппетита! — она уже с удовольствием дегустировала пасту с креветками.

Наевшись и выпив чудесного вина, мы разговорились о разных мелочах. Я был слегка взволнован: очень давно мне не доводилось пить ничего крепче пива, и вино сладко ударило в голову, путая мысли и слегка заплетая язык. Я краснел, но не от алкоголя а от своей речи, текшей неспешно, как тоненький ручей.

— Знаешь я хотел бы узнать всю правду от Эйдена. — вдруг разоткровенничался я, подкладывая себе салат, — Что связывает их с Гатти, кто эта девушка в саркофаге... Она не даёт мне покоя, я переживаю за её судьбу и хочу все выяснить, но...

— Но ты боишься, что он тебе откажет? — Хлоя, поправив рыжие локоны, заглянула мне в глаза.

— В точку! — я нервно глотнул вина, — У меня есть кое-какие материалы, я пишу, ну, ты знаешь, всякое. Записываю истории о нашем корабле, о нас. Теперь, когда происходят такие вещи мои записи обрели важность. Об этом сказал Леонс и я тоже так думаю, всё это будто обрело смысл, я должен связать картину воедино и передать ее людям Полиса.

— Роберто Гатти вешал тебе лапшу о репортаже, — кивнула Хлоя, — а теперь, выходит, что репортаж действительно необходимо будет провести, когда всё это кончится.

— У тебя есть идеи, что в голове у Эйдена, чем он планирует завершить весь этот бунт?

— Ни малейшей. — пожала плечами девушка, вертя в руках чашку, — Об этом он тебе точно не расскажет, Джек, во всяком случае, Эйден может объяснить тебе свои настоящие мотивы: очевидно, это месть капитану Гатти. Но вот в чём я уверена, так это в том, что у тебя получится выяснить, с чего все началось!

— Мне бы твою уверенность. — я пожал плечами, отставив от себя тарелку с остатками салата, и умолк, погрузившись в раздумья.

— Так или иначе ты попытаешься, и я в тебя верю. Дам тебе совет: не иди к нему с расспросами о Селене или судьбе восстания, ему нет дела до этого. Эйден — себе на уме, используй это в свою пользу! — она тепло улыбнулась и взяла меня за руку. В её изумрудных глазах вдруг заиграли огоньки, — А ты уже был в транспортном ангаре?

— Что? — я не понял вопроса, забывшись от ее мягкого прикосновения, — Ну, конечно, все мы были в транспортном ангаре...

— Да нет же, глупый! — она рассмеялась, уткнувшись в моё плечо — После революции Эйдена ты там бывал?

— Ах после... — я в который раз смущённо покраснел, словно мальчишка, — нет, не был.

Пойдем, — она вскочила, слегка дернув меня за руку, — вечером там теперь собираются ребята, чтобы отдохнуть, увидишь.

— Ну, пойдём, если ты хочешь. — я с трудом поднялся вслед за ней и она за руку потащила меня к выходу. Сам я, если честно, не горел желанием сблизиться с ребятами из сопротивления, мне было тяжело принимать изменения, особенно такие радикальные, которые происходили сейчас, и я держался за Леонса и Хлою как утопающий за соломинку, во внерабочее время старательно обходя стороной повстанцев, не стремясь налаживать контакты. Поэтому поначалу к её предложению я отнесся с напряжением, но Хлоя вдруг настолько оживилась, что мне не хотелось её расстраивать, давно я не видел ее такой веселой, да, пожалуй, никогда раньше! Она сбросила с плеч большую ношу и теперь радовалась всему, как ребенок, я не мог позволить себе испортить такой важный момент в её

жизни.

Транспортный ангар, оказался запружен народом, когда мы вошли: тяжелый транспортер отогнали в дальнюю часть зала, теперь украшенного гирляндами и наспех собранной мишурой. У входа соорудили импровизированную барную стойку, у которой расположилась часть ребят. А в центре зала, под светомузыку танцевала толпа. Нас встретили как родных, всучив нам с Хлоей по бутылке пива, а через каких-то полчаса мы уже веселились вовсю, танцуя под классику и не только. Мы ритмично раскачивались в такт музыке, тесно прижавшись друг к другу, и я ощущал головокружительный аромат ее огненных волос. Ребята танцевали вместе с нами, подпевая известным каждому песням, смеясь и приплясывая, кто как умел. Это был настоящий праздник жизни, какого я не видел уже очень давно. Удивительно, что здесь не было Леонса, наверное у бедолаги много работы, всё-таки он знает этот корабль лучше других инженеров. Но может это и к лучшему, а то опустил бы сейчас тысячу острог в мой адрес, вогнав меня в краску. Я улыбнулся своим мыслям, замороженно разглядывая разгорячённую танцами Хлою, которая была так близко ко мне и пляшущую толпу вокруг. Что-то в них было. Эти танцующие люди веселились искренне, как в последний раз. Делились историями о прошлом в тесном кружке, куда мы с Хлоей подсели устав танцевать, рассказывали о детях, оставленных в Полисе, о личных достижениях и переживаниях. Строили планы на жизнь после свержения комитета. Эти люди были настоящими, живыми, даже несмотря на импланты которые я подметил у многих из них. Не то чтобы я не считал имплантированных за людей, но у меня к этому всегда было напряженное отношение, это одна из причин, по которой мне хотелось убежать из Полиса. Но с ними «Колодец-1» стал восприниматься мной совершенно по другому. Из внушительной гидродобывающей корпоратской крепости с чопорной командой долгожителей, какой я описывал её в своих записях наша старушка превратилась в настоящий оплот свободных людей. Именно, что свободных. Это ощущение не встретить в Полисе, его не найти ни на одной из его самых опрятных улиц верхнего уровня, и здесь я впервые прочувствовал его. Чувством свободы пропитался практически каждый стальной лист обшивки, даже дышать стало как-то веселее что ли? Тревоги за сегодняшнюю блокаду корабля здесь, среди веселящейся толпы, были забыты, люди полностью отдавали себя празднованию начала новой жизни, жизни без комитета. Они верили в Эйдена, и понимали, что комитетскому Полису, каким мы его знаем, приходит конец, первый шаг уже сделан и теперь всё будет по другому. На эмоциях я поспешил поделиться этими наблюдениями с Хлоей, когда мы снова пошли танцевать. Она лишь счастливо улыбнулась, проведя ладонью по моей щеке и мы поцеловались. Я с лёгкостью позабыл обо всем, отдавшись волшебной атмосфере незабываемого вечера.

Утро застало меня врасплох: проспавшим смену, в сильном похмелье. Я вскочил в постели, сонно соображая, где я, и что происходит рядом со мной сонно пошевелилась едва укрытая Хлоя — и как только мы умудрились уместиться на этой одноместной койке в моей каюте? Вспомнив, что произошло вчера я улыбнулся как дурак, и тут же вскочил, поспешив умыться. Полусонная Хлоя прикрывшись одеялом со смехом наблюдала, как я прыгаю по каюте, пытаюсь натянуть брюки.

— Прости, мне надо бежать. — как-то застенчиво пробормотал я, чмокнув ее, — заскочу к тебе вечером.

— Увидимся, Джек. — она улыбалась мне вслед, закусив губу.

Я вбежал на камбуз, не испытывая ни капли стыда за то, что проспал, мне было плевать,

я впервые за долгое время чувствовал настоящее счастье и оно наполняло мою жизнь давно забытыми красками. Если честно, меня вообще больше не волновали поварские обязанности, теперь я с нетерпением ждал возможности поговорить с Эйденом.

Тут подкралась новая напасть: по результатам подсчетов сырья, которые я впопыхах провёл днём холодильники начали медленно, но верно пустеть. Про выпечку, омлеты и каши по утрам ребятам скоро придется забыть. Да и откуда было взяться еде без регулярных поставок продовольствия? Я совершенно не понимал, чего ждёт Эйден, но где-то в глубине души надеялся, что Джоэл не забыл о своём обещании и мне удастся спросить его лично. Старпом Эйдена не забыл о своих словах. В течении дня ко мне на камбуз заглянул один из его людей и передал, что лидер сопротивления готов уделить мне «несколько минут». Все сообщения передавались по кораблю вживую, если не было крайней необходимости повстанцы старались избегать применения голокоммов. Я до сих пор иногда по привычке скидывал руку, чтобы проверить что либо, покопаться в соцсетях или внести записи и сразу же вспоминал слова Хлои: без браслета ты как без рук. Закончив с делами в середине дня, я отправился к предводителю повстанцев. В штаб меня пропустили без проблем, наверное знали, что меня ждут. Я застал Эйдена изучающим что-то в личном компьютере капитана. Кабинет довольно сильно изменился: были унесены почти все вещи, принадлежавшие Гатти, обстановка стала совсем минималистичной: в полутьме каюты я различил чистый стол, угловой диван, пару пыльных книг. Эйден скрючился над низким для него экраном терминала, освещавшим его худое симпатичное лицо, с чистой кожей желтоватого оттенка.

— Здравствуй, Эйден! — поздоровавшись, я застыл на пороге, ожидая ответа.

— Ты знал, что капитан лично вёл файлы по новым членам команды? — спросил он, проигнорировав моё приветствие. — Тут и про тебя есть, вот, послушай: главные качества — исполнительность, трудолюбие, честность. Стеснителен, немного вспыльчив, добр. Скажи, он угадал?

— Наверное, откуда мне знать, со стороны виднее. — пожал плечами я.

— Но есть в тебе парочка сюрпризов, учитывая что ты оказался здесь.

— Я хотел узнать, почему ты здесь, Эйден. — я решил говорить сразу напрямую, пока остатки храбрости не покинули меня, — и откуда у тебя такой интерес к Роберто Гатти? Что вас связывает?

— Какой мне резон утолять твоё любопытство? — резко спросил Божур, и взгляд его холодных глаз впился в меня, — Назови мне хоть одну причину.

— Я веду бортовой журнал колодца, — я начал осторожно закидывать удочку, вспоминая совет Хлои, — в нем я записывал истории о нашем экипаже, но потом я встретил тебя, и мне стало очень интересно узнать твою биографию, Эйден. На мой взгляд, твоя версия происходящего будет намного важнее для обитателей Полиса, чем другие.

— Меня не интересует, что подумают люди Полиса — в голосе Эйдена послышалось раздражение.

Варан тебя задери, получалось не очень, но я не сдавался, продолжив упорствовать:

— Если ты расскажешь мне свою версию событий, я смогу написать правду, которую жители Полиса будут читать из уст непосредственных участников происходящего сейчас, а не из баек СМИ в соцсетях. Если ты поможешь мне закончить этот материал, мы откроем глаза многим образованным горожанам. Я считаю, что такой важный человек, как ты, заслуживает соответствующее место в истории, наравне с Сэмом Расселом. Я не допущу, чтобы ты просто исчез, был забыт, как это провернули со многими репрессированными

комитетом раньше!

Я говорил горячо, но в действительности я переживал вовсе не за историю Эйдена. Мои мысли были обращены к Селене. Я очень хотел узнать её историю. Я чувствовал, что в этом был смысл. Неважно, что станет с нами, кто-нибудь найдет записи с накопителя на моём планшете и узнает правду. Её нужно было только написать, книгу нужно было закончить, и только этот человек мог дать мне недостающие крупницы информации. Но Эйден молчал. Я подождал минут пять, и чувствуя раздражение уже повернулся лицом к двери, собираясь уходить, когда меня остановил его гнусавый голос:

— Так и быть. Скажи спасибо Хлое, она замолвила за тебя словечко в качестве уплаты долга за помощь при захвате колодца. А я возвращаю долги. Сегодня вечером я буду в отсеке, где спит Фелиция.

Я сразу понял, о ком он говорил. Вот, значит, какое было её настоящее имя. Я ответил:

— Спасибо, я приду. И ещё кое-что, — я вновь повернулся к лидеру повстанцев, — еды на корабле хватит от силы на неделю, если экономить. Если продолжу кормить в прежнем темпе, то на пайки мы перейдем через два-три дня.

Капитан встретил мою новость молчаливым согласием. Я решил не испытывать его терпение и попрощавшись, покинул кабинет.

В штабе меня поймал Леонс:

— Ну, как все прошло, Джек? — спросил он требовательно тряхнув челкой.

— Да неплохо! — нехотя ответил я, — По крайней мере он меня не послал. Сказал, что будет ждать меня вечером.

Мордашка моего друга приняла самое сладострастное выражение:

— Да нет же, амі, вчера, с Хлоей, как всё прошло?

— Откуда ты... — я покраснел и улыбнулся другу, — все прошло замечательно, Леонс, просто замечательно!

— Ах, молодец, Джек успел всё и сразу! Я в тебе не сомневался. — он искренне улыбнулся в ответ, протянув мне руку, — удачи тебе с Эйденем, выжми из этого пройдохи всё, что сможешь и мне рассказать не забудь.

— Спасибо, — я пожал ему руку, — обязательно расскажу.

В ожидании вечера оставшийся день мог бы тянуться бесконечно, но спасибо большой и голодной команде он был максимально насыщенным. Я потребовал у экипажа бота, который в разы облегчил процесс. Да и к тому же нужен он был всего на пару дней — потом еда просто закончится, о чём я уже все уши прожужжал Эйдену и его помощнику. Интересно, чем я займусь тогда? Полы буду мыть? Ящики разгружать? Больше я ничего и не умею. Впрочем, какая разница, в нашем положении нельзя было загадывать на завтра, единственное, чего я сейчас хотел, это вновь увидеть Хлою. Ну, и завершить наконец мои записи, сверившись с версией Эйдена. Очень тяжело ждать вечера когда весь день на корабле проходит в полутьме за закрытыми ставнями, но я справился. За мной явился Джоэл, вызвавшийся проводить меня к саркофагу, чтобы я «не заблудился». До монорельса было рукой подать, а нужный этаж теперь отображался в терминале, так что заблудиться я точно не мог. Захватив предварительно подготовленный планшет, я выдохнул и в сопровождении помощника капитана отправился к саркофагу.

В монорельсе мне вновь перехватило дыхание от предстоящего зрелища. Сразу всколыхнулись еще слишком свежие воспоминания о карцере, от которых меня натурально трясло. Двери лифта распахнулись, и я вышел в коридор, тот самый, в котором мы с Леонсом

чуть не сорвали планы Эйдена, попытавшись вскрыть дверь в отсек с саркофагом, но были пойманы людьми капитана Гатти. В этот раз дверь не понадобилось вскрывать: она уже была открыта, даже боевого бота куда то увели, возможно именно он помогал мне с уборкой камбуза. За открытой дверью я увидел довольно просторный зал, обитый тёмным материалом, таким же, что был в водозаборном отсеке. Мы как раз находились над ним: об этом свидетельствовали многочисленные трубы, поднимающиеся снизу и оплетавшие чуть приподнятую большую капсулу, возле нее спиной к выходу возвышался Эйден. Джоэл не стал выходить вместе со мной, закрыв двери лифта как только я покинул монорельс. На пути к саркофагу расположилось несколько рядов более привычных медпринтеров, между которыми пришлось пройти, чтобы приблизиться к Селене. Заглянув в их маленькие окошки я с ужасом разглядел спящие лица бывших коллег и почувствовал, как мурашки бегут по коже. Вот, где оказалась моя прежняя команда. Вот тебе и «сидят на пайках»! Повезло бывшему капитану, что он успел сбежать, думаю его ожидала участь пострашнее. А ведь я мог сейчас мариноваться там, вместе с ними.

— Я показал им Фелицию поближе, и уложил рядом с ней, это послужит им уроком, пусть прочувствуют толику того, что пережила она за эти десятилетия. — не поворачиваясь сказал Эйден, когда я подошел совсем вплотную. Он гладил длинной худой ладонью стеклянную поверхность колбы саркофага, наполненного желтым гелем. Я с любопытством заглянул через его спину и отпрянул: внутри находилось тело девушки. То что это была девушка я понял только по едва выпирающим усохшим грудям: она была в очень плохом состоянии. Пожелтевшая кожа, невероятно худое тело, и что самое грустно: на голове Селены вовсе не было волос. Я вспомнил её голограмму, ту версию себя, которую они запомнила в последний раз. С красивыми зелёными глазками и потрясающими длинными светлыми волосами. Мое сердце пронзила настоящая боль: теперь я осознал, почему здесь не было следящих сканеров, и мы с Леонсом смогли пробраться к отсеку так близко. Селена не должна была ни в коем случае обнаружить на корабле саму себя.

— Знакомься, Фелиция Гатти. — Представил меня Эйден.

— Это ужасно. — только и прошептал подавленный я, слегка попятившись и споткнулся об один из медпринтеров, в котором спал бывший пилот — Сэмюэль.

— Я ждал нашей с ней встречи много лет, — не слушая меня продолжил лидер повстанцев, — а помнишь, как вы подобрали меня в пустыне, и ты приходил говорить со мной, Джек Салливан? Я помню, я был тогда в сознании. Роберто Гатти тоже заглядывал, но он не узнал меня, ещё бы он смог, я был совсем юн, когда мы виделись с ним последний раз.

— Тогда откуда такая к нему ненависть? — я, стараясь не смотреть на саркофаг, подготовил планшет.

— Он — предатель. — Божур смотрел в лицо спящей Фелиции говорил это совершенно спокойно, будто озвучивал всем известный факт, — Роберто Гатти предал всех нас, предал Полис и Сэма Рассела, спевшись после его смерти с советником Дамираном и нынешним комитетом. Ну как, смерти, формально, Сэмуайз Рассел и не умирал...

Весь мир который я знал был раздавлен за минуту. Я замер, с планшетом в руках. Сэм Рассел, легенда, которую кое-кто из людей считал божеством, был жив? Эйден молчал, давая мне время а я не в силах был задавать вопросы, в шоке переваривая услышанное. Наконец, сделав пометку в планшете я смог выдавить из себя:

— Пожалуйста, продолжайте.

— Мой отец, Милан Зекавица, был ведущим биоинженером при Сэме Расселе. Именно

он подтвердил теорию о том, что вода, добываемая с помощью дейнотеридов, может очищать и обновлять организм на клеточном уровне. После этих достижений они пошли дальше, создав на основе гидродобывающей технологии другую, которая была способна предотвратить наступающий катаклизм засухи. Так началось проектирование «колодцев» Сэм Рассел действительно смотрел будущее, он был невероятным человеком.

— Вы знали его? — ощущая какой-то необъяснимый трепет, спросил я.

— Они с моим отцом стали друзьями. Мы прибыли из Сербии в 2071 году, по приглашению лично Сэма Рассела. Я тогда был несмышленьким. — на мгновение холодный голос Эйдена смягчился, но лишь на мгновение, — когда они с отцом и другими ведущими учеными занимались исследованиями и проектировали колодцы я поступил в институт, готовился стать пилотом одной из этих машин. Помню как я был горд тем, что меня ждёт. Мой отец рассказал мне невероятные вещи.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Я воспользовался паузой чтобы свериться с заметками в планшете и подправить их. Получается, Эйдену было за шестьдесят! Если ему столько лет, то Леонс был недалек от правды, когда навскидку дал Роберто сотню. Всё это с трудом укладывалось в моей голове.

— Роберто Гатти. — Прошипел Божур, — этот слизняк тоже работал в команде «Рассел». Он такой же капитан, как я учёный! На деле он помогал моему отцу в проекте, был его правой рукой во всех делах, Милан доверял ему во всех вопросах. Если я едва был знаком с Сэмом Расселом, то Гатти я знал с детства. Они построили «Колодцы», в которых были установлены эти саркофаги. — он мрачно кивнул на колбу, в которой лежала Фелиция. — это своего рода сердце корабля, это — его штурвал, Джек Салливан. То, как сейчас летает ваш корабль это лишь план «б», запасное управление. Настоящая синергия человека с кораблем должна была происходить здесь, но эти изменения невозможно обратить.

— Но зачем? К чему такие крайности? — я поднял брови, едва успевая записывать за ним.

— Это позволило бы ученым и самому Сэму Расселу искусственно продлить себе жизнь, чтобы точно довести проект до конца, не покинув этот мир раньше необходимого срока. К тому же они должны были перейти на новый уровень. Это должно было стать своего рода возвышением. Человек не просто становился единым организмом с кораблём, он отдавал свой разум единой системе. Вступал в симбиоз с остальными девятью колодцами. Это было нечто, вроде коллективного разума. «Колодцы» должны были взять дальнейшее правление на себя, это могло принести Полису процветание в прямом смысле слова. Учёные хотели модифицировать свое творение, передав свои знания созданным машинам, которые смогли бы контролировать борьбу с катаклизмом еще долгие века. А обслуживанием «Колодцев» занялись бы мы, жители Полиса. Таков был замысел. Но нюанс в том, что технология была экспериментальной, и связав свою жизнь с этой капсулой ты больше никогда не сможешь вернуться, тебя поглощает сотворенный учеными разум “колодцев”.

— Выходит в каждом колодце сейчас заключено тело учёного, занимавшегося проектом? Я думал, что создатели Полиса и их наследники сейчас правят в комитете...

— В комитете сейчас правят шарлатаны! — тихим, но резким тоном прервал меня Божур. — все они обманщики с Дамираном во главе, пляшущие под дудку Роберто Гатти. Когда проект был на финальной стадии и все ученые погрузились в эти саркофаги для создания коллективного разума — настоящего комитета, сыграл личный фактор. Фелиция Гатти — дочь Роберто была смертельно больна. Он был в отчаянии, технология

медпринтеров лечит организм от старости, но от некоторых заболеваний она спасти не могла. А вот саркофаг — это другое. Подпитываемый мощью корабля он тоже не был в состоянии вылечить от всех болезней, но он мог позволить телу человека не истлеть, пока он будет находиться внутри, ради этого отчасти он и создавался.

— И Роберто Гатти погрузил в саркофаг свою дочь... — с ужасом прошептал я.

— ...Вместо себя. — закончил мою догадку Эйден, — Не знаю, что он наговорил ей, как убедил пойти на это, но уговорами или силой он погрузил ее в синергию с колодцем. Наверное он не верил в то, что из саркофага живыми не возвращаются — фыркнул Божур, — он надеялся, что сможет объяснить свой поступок созданному ими разуму, который будет вынужден работать в синергии ничего не смыслящей девушкой, а даже одна голова без знаний может сильно усложнить мыслительный процесс этого сложного коллективного существа, создававшегося десятилетиями. Гатти надеялся, что у него будет теперь много времени чтобы объясниться, найти лекарство и вытащить свою дочь из саркофага, чтобы вылечить её. Но всё вышло намного хуже. — Эйден замолчал, давая мне минуту на передышку. Вздохнув, он продолжил, в его голосе сквозила горечь:

— Я уже выпустился и служил техником на «Колодце-3», когда Эксперимент подошел к финальным испытаниям. В синергию на нашем корабле должен был вступить мой отец, и он был готов пойти на это, как бы я ни отговаривал его. Учёные порой душу способны положить за свое дело, не говоря уж о своих родных. Милан Зекавица был как раз из таких. Он не прислушался к моим доводам и лёг таки в этот проклятый саркофаг. — Я заметил, как хрупкая ладонь Божура покоившаяся на стекле капсулы сжимается в кулак, — он пообещал, что свяжется со мной, как только «станет колодцем». Но он лгал. Как он мог связаться со мной, если после синергии его больше не могло быть? Он должен был исчезнуть, слиться с коллективным разумом остальных машин, отдав «Колодцам» свои знания. Он говорил о том, что создатели подобных масштабных проектов должны испытывать их сами, не возлагая эту опасную ношу на других людей. Тем более все это проектировалось именно как хранилище их знаний, создававших всё это. А ублюдок Гатти засунул в коллективный разум величайших умов свою несчастную больную дочь!

— Не представляю, что бы я делал на его месте, — пробормотал я.

— Это эгоистично. — сквозь зубы прошипел Эйден, — жертвовать судьбой целого народа ради одной девушки.

Я не стал отвечать. Эйден может обвинять капитана Гатти в эгоизме, но он сам явно организовал бунт лишь ради личной мести Гатти. Я был отчасти согласен с ним, но что-то внутри меня по-прежнему болело: залезть в саркофаг оставить эту жизнь и умирающую Фелицию или спасти ее? Не хотел бы я оказаться перед дилеммой Роберто Гатти. Неудивительно, что он совсем съехал с катушек за эти десятилетия.

— Когда мой отец и остальные погрузились в стазис, они не должны были уснуть, как Фелиция, — он кивнул на мирно спавшую девушку, — разум машин должен был проснуться, и использовать мозг ученых в качестве процессора. Планировалось общение “колодцев” с обслуживающим персоналом посредством ИИ, которые они должны были создать по образу каждого ученого из комитета, вступившего в синергию. Машины должны были доложить о своем состоянии, и затем приступить к реализации дальнейших алгоритмов по управлению городом. Однако девушка была в очень плохом состоянии, когда Гатти сунул её в саркофаг. Болезнь Фелиции уже поразила её мозг, и влившись в коллективный разум машин, она погрузила его в кому, не давая проснуться. У команды корабля было много директив на

разные случаи, эксперимент ведь был настолько же рискованным, насколько и масштабным. Но такой ситуации не предполагал никто. Ведь сами ученые прошли обследование и были в отличной форме. Так мы разом лишились всей верхушки «Рассел» в том числе и самого Сэма Рассела. Мы ожидали получить разум, который поможет контролировать ситуации а в результате лишились всего за несколько минут. В этой заминке командование взял в руки Роберто Гатти. Команды «Колодцев» и чинуши «Рассел» послушали его, потому что он был единственным из оставшихся членов комитета, и всё ещё имел авторитет. Дело удалось замять внутри корпорации. Корабли на ручном управлении вернули в порт, Жителям Полиса объявили о том, что Сэм Рассел якобы умер от приступа, а испытания «Колодцев» прошли успешно и теперь мы все заживем счастливо. Всех нас, участвовавших в испытаниях, заставили подписать персональную декларацию о неразглашении под страхом расправы.

— И что было дальше? — Жадно записывал я.

— Дальше Роберто начал понимать, что он натворил. Быстренько посадив на свое место Дамираана и прочих клоунов из нынешнего «комитета» он пустил все на самотек, заделавшись «капитаном» “Колодца-1”, он хотел быть рядом с Фелицией, делал все, чтобы найти лекарство и способ вытащить её из саркофага. Он настолько боялся навредить ей, что даже не проводил косметический ремонт корабля, который делали на остальных колодцах, выдав их горожанам за «новые».

Так вот чём тут на самом деле занимался Дэйв Хардман! Помогал Роберто привести Фелицию в чувство. Интересно, знает ли Хлоя что-нибудь про это? Очень надеюсь, что не больше меня.

— Я, между тем, был поближе к моему отцу. Искал способы пробудить корабль где находился его саркофаг. Я дослужился до помощника капитана и получил доступ к медкапсулам, благодаря которым я жив и молод до сих пор. Медкапсула может растягивать твое жалкое существование на десятилетия, но разум этой штукой ты ни хрена не вылечишь. — при этих словах он внезапно развернулся ко мне, постучав тонким длинным пальцем по виску, — Потом я собрал неравнодушных повстанцев смог захватить корабль, инициировав его «блокировку». Я знал, что Гатти не станет разбираться с этим, как и пустоголовые комитетские куклы, ему было не до того. Так всё и тянулось до сих пор. Я собирал вокруг себя тех, кто хотел бороться с коррумпированным комитетом, открывал им всю правду и ждал удобного момента. Похоже он представился недавно, когда Роберто смог выудить частичку разума своей дочери, окончательно повредив мозг бедняжки. Нам пришлось вновь усыпить ваш “колодец”, как только мы захватили корабль, чтобы пробужденная машина не навредила своей нездоровой активностью остальным ещё больше. Из-за пробужденного яйцеголовыми мозга, Фелиции, угрожавшего всем машинам и «Колодцу-3» в том числе, мне пришлось перейти к решительным действиям сейчас. Теперь, когда она в моих руках, бесхребетный комитет и пальцем не тронет наш корабль без приказа своего лидера, а Роберто Гатти никогда в жизни не разбомбит корабль, пока на борту находится его дочь. Выкрасть её специальной группой корпоратских псов у него не получится, никуда ей из саркофага не деться и он это знает.

Идеальный план по захвату корабля-заложника.

— Это странно, мне казалось, она вела себя абсолютно адекватно. — удивился я, — Получается, что Селе... Фелицию не спасти?

— Джек Салливан, ты вообще слушал, что я говорю? Ты считаешь, что амнезия вплоть до потери своего имени — это адекватное поведение здорового индивидуума? Как ты

спасешь человека, тело которого в нашем мире уже лет тридцать держит только клапан с гелем? Её разум давно исчез в симбиозе с «Колодцами», то что ты видел — лишь мимолетный образ, воспоминание, вырванное из спящего разума этих машин и использованное как ИИ. Здесь с нами остался только её пораженный болезнью организм, который отравляет весь симбиоз коллективного разума. Самой девушки нет, она пропала с того самого момента, как Роберто положил её в этот саркофаг. Некомпетентный кретин рассчитывал что сможет её вытащить. И как только ему выпала честь занять место подле таких великих людей как Сэм Рассел и мой отец! — На этот раз воспаленный лёгким безумием взгляд Эйдена буквально поглощал меня. Я не нашёлся, что ему ответить на это. Удрученно пожав плечами я опустил руку с планшетом, прекратив писать. Значит, Селены и не было. Это было лишь эхо, воспоминания, теперь принадлежавшего спящей машине, поглотившей её десятилетия назад... Собранный с духом, я подошел к саркофагу с телом Фелиции Гатти, чтобы попрощаться. Я знал, что ничто в жизни больше не заставит меня вернуться сюда.

Я задумчиво погладил стекло саркофага, рассматривая её лицо, скрытое под маской многолетнего спокойного сна. Вот мы и встретились, девочка. Кто бы мог подумать, что тебя давно уже нет? Ты была такой настоящей, когда мы повстречались, что сама в это поверила. О чём ты мечтала? Что сказал тебе твой отец, перед тем, как погрузил тебя в вечный сон? Это тебе мы обязаны тем, что произошло за эти годы с нашим городом? Нет, ты не виновата в этом, ни сколечки. А ведь мы только познакомились, я так надеялся услышать твой голос в темноте карцера. Но ты не пришла, ты просто не могла. Потому что тебя нет, и никогда не было, это так странно. Ведь я говорил с тобой, а выходит, что общался с призраком. Прямо как сейчас.

Я убрал планшет с записями и украдкой утерев слезу, прохрипел Божуру:

— Спасибо, что рассказал мне свою историю. Это было по настоящему важно.

— Моя история ещё не завершена, Джек Салливан. Когда откроется занавес ты увидишь всё сам. — Сказал мне Эйден, и отвернувшись, он вновь уставился на саркофаг. Эти помпезные слова не вызвали во мне ожидаемого эффекта. Я поспешил покинуть зал, не в силах больше в нём находиться.

То, что я смог узнать, я не мог нести в себе ни минуты. История была куда запутаннее чем я мог представить, каждый вопрос порождал несколько новых. Я понимал, что за один вечер Эйден был не способен удовлетворить моё любопытство да и, очевидно, он не собирался заниматься этим. Придя в себя я тут же собрал Хлою с Леонсом у себя и выложил им все, как на духу. Моя девушка и мой лучший друг выслушали мой рассказ в гробовом молчании, не сбивая и не задавая уточняющих вопросов, лишь переглядывались на самых острых моментах моего повествования и иногда кивая словно бы соглашаясь с услышанным. Когда я закончил повисло молчание, после чего Леонс абсолютно серьёзным точном подвел итог:

— Ну, теперь-то все встало на свои места.

Хлоя, задумчиво глядя куда-то в сторону, согласно кивнула его словам. Я посмотрел на них двоих, абсолютно ничего не понимая:

— Леонс, ты что-то понял в этом?

— Да, амі, теперь я всё понял. Я понимаю, в чём состоит план Эйдена. — как-то грустно ответил он, но восторженно и более оживленно добавил: я не хочу портить интригу, Джек, мы точно не пропустим это шоу, я тебе обещаю. Ты большой молодец, что смог всё

выяснить, но возможно, собранные тобой знания не пригодятся жителям Полиса в будущем.

Я бы обиделся на его последние слова, если бы понимал, о чём же он говорит. Между тем француз встал, собираясь уходить. Он как-то чересчур заботливо сказал мне:

— Что ж, думаю уже поздно и ты устал, завтра нас ждёт работа, мы... — он осёкся, улыбнувшись Хлое, — то есть я оставлю вас. Отдохните, как следует, голубки.

— Что он имел в виду? — спросил я у Хлои, мирно прикорнувшей на моем плече, когда Леонс вышел из комнаты. Она мягко обняла меня, сказав:

— Джек, милый, пойми, для нас это удар не меньший, чем для тебя. Я и Леонс — мы третье поколение преданного и всеми забытого комитета. Нас всё это время вводили в заблуждение, от нас скрыли наше настоящее предназначение. Нам нужно время, чтобы принять это и начать жить дальше. Полис ждут перемены.

Я не стал донимать Хлою расспросами, просто погладив рукой её рыжие волосы, рассыпавшиеся по моему плечу. Нам всем нужно было отдохнуть.

Следующий мои дни прошёл в поварских и журналистских хлопотах. Из того, что оставалось в холодильниках, я, как старый Бог умудрялся кормить тридцать человек экипажа жалкими остатками провизии. После чего сваливал всю уборку на бота и спешил к себе в каюту, где складывал все собранные разношерстные факты воедино, редактируя и формируя бортовой журнал моего корабля. Так я провёл пару бессонных ночей, после которых кашеварить было в разы тяжелее. Я с напряжением отсчитывал дни до того как сырьё в холодильной камере закончится, но беда пришла откуда не ждали: на борту резко закончилась вода. Видимо за то время, что колодец стоял в порту, он успел отгрузить основные запасы в ангары, оставив экипажу тот минимум, на котором мы держались эти несколько недель. Приготовив ребятам завтрак я вышел в зал, и похлопав поварёшкой по половнику, объявил собравшимся:

— Ребята, это наш последний завтрак, я был рад обслуживать вас, но воды для готовки больше нет, я приостанавливаю работу камбуза на неопределенный срок. Спасибо вам за понимание!

Ребята на минутку оторвались от тарелок, и выслушали моё маленькое объявление. Кто-то понимающе кивал, кто-то недовольно ругался и ворчал, но факт оставался фактом: вода на корабле заканчивалась. В который раз передав кухню на попечение трудяге боту я отправился искать Эйдена, чтобы сообщить ему эти новости. В штабе лидера повстанцев не было, зато я смог отыскать Джоэла, нервно осуждавшего что-то с членами экипажа. Кое-как добившись его внимания яркими жестикациями я сказал:

— Джоэл, я не могу найти Эйдена, на кухне закончилась вода, совсем закончилась, понимаешь? Мне суп не на чем ребятам сварить! — Ворчал я, ожидая от старпома какой-то конкретики. Но он явно пропустил мою беду мимо ушей, рассеянно озираясь и суетясь. Когда я вновь стал донимать его он нервно ответил:

— Послушай-ка, Джек, Эйден всем велел собраться в штабе к одиннадцати утра, вижу, что ты уже здесь, так что будь так добр, присядь, и подожди, мы всё решим. Он поднял “Колодец-3” и гонит его сюда, что-то будет. Не до тебя сейчас!

Я удивился, но спорить не стал, видя, что сейчас Джоэлу действительно не до моих проблем. Рассеянно кивнув, он поспешил куда-то к монорельсу.

Постепенно штаб начал заполняться людьми. В воздухе висело волнение: тревожная новость о том, что вода кончилась быстро распространилась по колодцу.

Внезапно кто-то приобнял меня за талию, и из-за моей спины с горящими глазами

выглянула Хлоя. Я улыбнулся и поцеловал её, на миг забыв обо всём.

— Салют! Ох, ну не в штабе же, голубки! — к нам ухмыляясь, вальяжно подошёл Леонс, державший руки в карманах великолепных брюк. Одет он был в парадный синий костюм.

— Леонс, и ты здесь. Что происходит? — спросил я у них.

— Не знаю. — ответил француз, разглядывая свой маникюр, — Мне сказали явиться в штаб, я решил, что надо приодеться по такому случаю.

— Выглядишь великолепно. — улыбнулась ему Хлоя.

— Спасибо, моя хорошая, ну что ты, не говори таких вещей при нашем поваре, а то твой ели в клочки меня разорвет, да, amі? — Леонс ухмыляясь подмигнул мне. Я, улыбаясь, закатил глаза.

Мы стали ждать назначенного времени. Зал заполнялся народом, становилось все душее несмотря на то, что было еще довольно раннее утро. Стоял тревожный галдёж, Джоэл с потерянным лицом ходил вдоль рядов собравшихся повстанцев, проверяя все ли здесь собрались.

Вдруг, колодец затрясся, заставив всех мигом притихнуть, переглядываясь друг с другом. Пол под нами ходил ходуном, в повисшей тишине корабль издал душераздирающее пение. Так пели погибающие киты, чудесные мифические создания, жившие раньше, я видел их в одном из старых документальных фильмов о море. Песнь прервалась, погрузив нас в мертвую тишину на несколько минут. Затем, корабль вздрогнул, и запел вновь. В новых тональностях его песни было всё:

скорбь и величие,
нежность и красота,
горе и ярость.

Пение широким эхом отдавалось в окрестностях снаружи, оно было уверенным и статным. Слышать как твой корабль, молчавший десятилетиями, вдруг запел, было невообразимо, я почувствовал, как Хлоя крепче сжимает мою руку. Внезапно, яркой вспышкой на капитанском мостике возникла чёткая голограмма Эйдена. Штаб наполнился восторженными криками, свистом и аплодисментами. Повстанцы ликовали. В моей голове стремительным вихрем пронеслась тысяча мыслей: Эйден лег в саркофаг, заняв место Фелиции, и излечил коллективный разум машин. Он решил прервать её жизнь ради своих целей? Ну конечно, он пошёл на это. Какой же я дурак, как я сразу не разгадал его задумку? Я понимал, что за эти годы у него было много времени, чтобы все взвесить решить и пойти на это. Самоотверженно, но жестоко. Но было ли это жизнью? Нет, скорее существованием. Бедняжка Фелиция исчезла давным давно, как и Божур Зекавица, сменивший ее на жутком посту этим утром. Джоэл стянул с головы повязку, с каким то благоговением взирая на голограмму капитана. Образ Эйдена ничего не сказал своей бушующей от радости команде, он повернулся к лобовому окну кабины, сложив руки за спиной и защитные панели медленно раскрылись перед ним, словно занавес, открывая нам прекрасный вид на Полис, залитый рассветным солнцем. Я прищурился, пытаюсь рассмотреть происходящее снаружи и закрывшись рукой от утреннего света — за недели, проведенные в полутьме коридоров корабля глаза напрочь отвыкли от солнца. Наш «Колодец-1» действительно висел над портом, между нами и городом полукольцом зависли остальные «Колодцы». Здесь были все: бордовый четвёртый и белоснежный седьмой, ярко-жёлтый восьмой красовался рыжими полосами на боках, серым голубем над ними завис второй, пятый, девятый, шестой — все колодцы были новенькие, красавцы, как на подбор в отличие от нашей старушки. Они

парили перед нами, ошестинившись бортовыми орудиями. За ними боевым строем несли стражу крейсера комитета. Вокруг словно саранча металась дрона и мелкие транспортники. Но что-то менялось. Один за другим, колодцы вздрогнули, и тоже разразились многотональным пением. Откуда-то со стороны пустыни раздался ещё один мощный вой — то откликнулся пробудившийся «Колодец-3», на котором в своём саркофаге проснулся исцелённый от лихорадочного забытья мозг Милана Зекавицы. Я будто воочию увидел, как его машина просыпается, сбрасывая с своего корпуса песок, и медленно, но уверенно поднимается в воздух. Теперь они навсегда воссоединились с Зекавицей младшим. Я видел, как внизу, на улицы города словно маленькие термиты высыпают люди, скандируя что-то, размахивая руками. «Колодцы», обмениваясь друг с другом обрывками песен стали медленно разворачиваться, вставая с нашим кораблем в один боевой строй. Наведя бортовые орудия на военные крейсера они угрожающе двинулись вперёд. Наш корабль занял свое место в строю остальных машин, двигаясь вслед за ними в строгом порядке, как единый организм. Я замороженно рассматривал их, гадая, в каком же из них вступил в синергию великий Сэм Рассел. Что чувствует сейчас созданный им коллективный разум, сквозь сканеры наблюдая то, во что превратили его город? Есть ли у него чувства? Между тем военные крейсера, явно не ожидавшие такого поведения от остальных колодцев, попятились, открывая нам путь к Полису. Внезапно, один из них попытался дать залп бортовыми орудиями, подорвав обшивку «Колодца-4» и заставив нашу команду разразиться озлобленными и испуганными криками. Все как один колодцы развернулись к обидчику, обдав его мощными ответными залпами орудий. Наш корабль сотрясло отдачей, едва не повалившей всех с ног — бортовые орудия «Колодца-1» не дремали. Уши заложило от мощного гула крупнокалиберных туерлей. Передовой военный крейсер вспыхнул, словно угасающая звезда и рассыпался тысячами ярких осколков. Часть горящих обломков, к сожалению, полетела на крыши домов Полиса. Хлоя в ужасе прижалась ко мне, я обнял её, шепча на ухо глупые обещания, что всё будет хорошо, а сам не мог оторваться от картины боя. Командам остальных крейсеров не хватило духу вступать в схватку, они отступали, стараясь держать нас на прицеле. «Колодцы», устранив досадную помеху на своем пути, словно стая птиц обратным клином устремились к башне комитета, залпами орудий громя на пути наземные ПВО города. наш корабль поднимался всё выше и выше — к вершине башни, на которой располагалась платформа верхнего уровня Полиса. Окружив башню со всех сторон, корабли угрожающе урча заняли места каждый над одной из девяти платформ комитетской башни — к ним уже успел присоединиться Корабль Милана Зекавицы. Его облезлый, проржавевший «Колодец-3» завис над третьей платформой сверху. Наш корабль занял своё место над самой верхней платформой. Сканеры услужливо вывели нам на терминалы штаба картинку происходящего под днищем нашего корабля: колодцы явно послали какой-то сигнал, заставивший платформы башни комитета поменять форму, трансформируясь и ломая надстроенные на них за эти годы скульптуры, фонтаны, раскалывая словно яичную скорлупу бассейны, крыши пентхаусов, асфальтированные дорожки, сбрасывая вниз припаркованные транспортники. Платформы раскрыли лепестки обшивки, словно бутоны стальных цветов, и наши корабли, как шмели устремились в открывшиеся ниши, со скрипом и хрустом проламывая на пути то, что осталось от великолепия верхнего уровня, построенного на их гнездах за время правления ложного комитета. Где-то там, в развалинах былой роскоши исчез и «Танцующий дождь» — заведение, которому я отдал лучшие годы своей жизни. Едва все колодцы заняли свои

позиции, как башню охватила дрожь: из шпиля в небеса устремился луч бледно-голубой энергии, поддерживаемый явно за счет кораблей.

— Вот оно что, — услышал я изумленное восклицание Леонса, стоявшего рядом с нами, — поразительно!

Мы все как один разинув рты пялились в верхние окна кабины, замороженно наблюдая, как над городом собираются облака. И тут меня осенило: то, что я видел во время добычи воды — это и были облака! Искусственные облака, которые они пытались собирать как воду, жалкая пародия того, для чего на самом деле предназначена наша старушка! И это было всё, что комитет смог выжать из огромного потенциала кораблей, который не был раскрыт все эти годы, жалкие потуги, которыми выживали наши люди десятилетия! Это всё равно что доить корову за хвост! Эйден По-настоящему унизил Роберто Гатти, уничтожив его жалкий обман. Осуществив свой план и пробудив машинный разум, он наглядно продемонстрировал бездарность и бессмысленность действий, предпринимавшихся руководством десятилетиями. Комитет Полиса был фарсом, тенью настоящей технократии, машины которой демонстрировали сейчас всю мощь инженерной мысли. Над башней стремительно собирались облака, вот уже над всем Полисом нависли набухшие темно-синие тучи. Все как один, мы рванулись на верхнюю палубу, где «Колодец-1» любезно открыл люки для всех желающих. Едва мы высыпали наружу, как с неба на землю: кап-кап! Я будто во сне чувствовал, как на лицо, на ладони разбиваясь каскадом брызг падают огромные, тяжёлые капли, предвещавшие мощнейший дождь в моей жизни. Он не заставил себя ждать: настоящий град упал на нас с небес! Такого мощного потока дождя я не видел никогда! Забыв обо всём мы обнимались, кричали, смеялись и танцевали под бушующим над мертвой пустыней дождём.

Дождём, возвещавшим о скором конце многолетней засухи.

Я махнул на бортовой журнал рукой, не зная, как его закончить. Прошло уже больше месяца с тех пор, как машины обрушили на пустыню первый ливень. С того дня дожди шли у нас регулярно, успев осточертеть абсолютно всем. Комитет был низложен, что стало с Роберто Гатти мне было неизвестно, Джэл старательно помалкивал, но я почему-то был уверен: капитан не успел покинуть пределы Полиса живым. Мы с Хлоей какое то время жили у меня, пока я распространял материалы по местным изданиям, но мы быстро спланировали наш скорый отъезд. В первые дни, поддавшись эйфории, население города праздновало смещение комитета, ожидая перемен к лучшему. Команды колодцев, в том числе и наших бывших сослуживцев подвергли суду. Мы с Леонсом и Хлоей были помилованы как сторонники сопротивления. Но в дальнейшем перемены не спешили. Искусственный разум, проект Сэма Рассела решил кризис с недостатком воды, но для озеленения пустыни требовались десятилетия, которые были потеряны из-за задержки активации «колодцев». Машинный разум, пробужденный Эйденом мыслил абсолютно в других материях, и его правление вовсе не учитывало сиюминутные хотелки человеческого вида как такового. Наш век короток, а у «колодцев» в распоряжении имелись сотни лет на восстановление перенесшей катаклизм Земли. Как шелкопряды они будут плести и перекраивать засушливые участки, возрождая флору и фауну дальше и дальше. Этим они и занимались: медленно и методично, вызывая вопросы и недопонимание абсолютного большинства. Недовольство и страх перед неизведанным коллективным разумом с каждым днём только росли и причин возникало все больше. Новый образ Сэма Рассела пришелся людям не по душе. По мнению многих лучше бы легенда Полиса и не возвращалась вовсе, оставшись в памяти людей таким же человеком. Но теперь про Сэма Рассела болтали разные вещи. Многие начали вспоминать погибших в городе в результате атаки машинами башни. В этот район жители старались соваться пореже. Однако появились и те, кто решил поклоняться «Колодцам», создав чуть ли не культ. И всё же, проект не принес ожидаемого результата, лишь сильнее расколол общество Полиса.

Тело Фелиции Гатти кремировали, мы вместе с Хлоей забрали ее прах и развеяли в море пустыни. Разбирая свои вещи перед тем, как окончательно покинуть колодец, теперь живший своей жизнью, я наткнулся на ее сообщения в моем голокоме. Не ее конечно же, а ИИ, основанного на прообразе Фелиции, но так сложно было привыкнуть к этой мысли. Все-таки я не зря ждал ее в карцере: она связалась со мной так, как смогла. Первое аудио-сообщение было отправлено конечно же, в день моего ареста:

“Джек, не знаю, что происходит, но я уверена, что ты не сделал ничего плохого, а капитан Роберто совершает какую-то чудовищную ошибку. Я буду говорить с ним, пока он не отпустит вас с Леонсом, я его уговорю. Мне не удастся с тобой связаться и освободить я тебя не могу, карцер изолирован. Прости, я хотела помочь вам, но я не в силах перечить своим директивам.”

Второе сообщение она отправила в момент своего отключения, эти слова навсегда отразились в моей памяти:

“Джек, меня отключают, если меня когданибудь активируют снова, я надеюсь, что ты будешь рядом.”

Я в который раз переслушивал сообщение, пока пил дрянной кофе у барной стойки

какой-то забегаловки в порту, в ожидании нашего транспортёра. Эти записи останутся со мной на всю мою жизнь. Отложив голокомм, я пересчитывал оставшиеся кредиты, среди моих средств были и деньги от продажи квартиры, и то, что я отложил еще с ресторанов. Были и гонорары, полученные за переданные в редакцию материалы, которые мне удалось собрать за время моей службы на «Колодце-1». Я очень надеялся, что после Дня Первого Дождя их опубликуют и население узнает правду, но никто так и не решился на это, боясь прогневить новых хозяев Полиса. Люди были растеряны и боялись делать лишние движения, предпочтя по привычке затихнуть и ожидать, что будет. Кое-что, к сожалению, никогда не меняется. И все же, попозли слухи о других государствах, находчивые пилоты взялись доставлять людей в любую желаемую точку, за безумную плату, конечно. За то, чтобы нас вывезли на север мы заплатили круглую сумму. Рассматривая суетливую толпу собравшихся в зале пассажиров я ощущал какую-то необъятную тоску и усталость. Больше всего было обидно от того, что Леонс отказался поехать с нами. Он объяснил это тем, что хочет повидать родные края, и возможно, найти там родню. Он решил уехать во Францию, воспользовавшись нынешней расплывчатостью границ.

— Какой у тебя грустный вид. — Хлоя вернулась от терминалов, где проверяла статус нашего рейса. Её рыжие волосы были заплетены в косички, одета она была в просторный бордовый джемпер и короткие джинсовые шорты. Она с улыбкой вытащила из моих рук банку и тоже сделала глоток кофе. — Ты не приболел, Джек?

— Я скучаю по Леонсу. — горько ответил я, вглядываясь в панорамные окна зала, за ними уже который день лил дождь.

— Уверена, мы с ним ещё увидимся. — улыбнулась она, — Вставай, наш транспортёр скоро будет, пора идти.

Да. Пора. Я встал, оглядываясь, проверяя не забыли ли мы что-то. Нам удалось нанять борт, который отвезёт нас на север, в прибалтику. Я всегда хотел увидеть тамошние леса, ну и может хороший повар им не помешает. В любом случае скучать по Полису я не буду точно.

— Не грусти. — Хлоя ласково тронула меня за плечо, — Нужно торопиться, пошли быстрее!

Я улыбнулся ей, и поцеловал девушку. Допив отвратительный «soffhit» я кинул банку в урну, и решительно зашагал вслед за Хлоей к посадочной площадке. Оттуда нам предстояло отправиться в новый, долгий и неизведанный путь. Зато мы пройдем его вместе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net